

ГРИГОРИЙ,
епископ Шлиссельбургский

ЕВАНГЕЛЬСКИЕ ОБРАЗЫ

**(Дневник размышлений над Евангелием.
Благовестие святого Евангелиста Марка) ***

63

Фарисеи начали с Ним (Христом) спорить и требовали от Него знамения с неба, искушая Его. И Он, глубоко вздохнув, сказал: для чего род сей требует знамения? Истинно говорю вам, не данся роду сему знамение (Мк. 8, 11—12).

Фарисеи — олицетворение лукавой совести. Такая совесть делает одну работу: оправдывает скверную жизнь и оставляет руководителем жизни (вместо Бога) испорченное «я», развращенную самость.

Для оправдания такой жизни совесть идет на всякие ухищрения. Не отвергая Божьего слова и Божьих заповедей, лукавая совесть изощряется в своих толкованиях, придумывает исключения и оправдывает сделки и компромиссы. Она (совесть) вертится без конца: то слово Божие слишком строго и ригористично, то Христос бесконечно милосерд, то Евангелие узко ограничивается временем и обстановкой, то лукавство утверждает, что оно само широко и универсально. Всё в зависимости от того, что выгодней... И без конца изощряется лукавая совесть, и перевертывает, и оспаривает очевидные истины, как спорили со Христом фарисеи (ст. 11).

Так происходит всегда в обыденной жизни — ежедневно и ежеминутно, и мы даже не замечаем лукавой работы постоянного самооправдания.

В этой работе самооправдания бывает один момент, когда лукавство, фальшиво прикрываясь верой, поднимается до высшей точки мнимого дерзновения в вере и просит у Бога чуда, а иногда требует чуда, опираясь якобы на ревность в вере.

Но и здесь обман, и здесь то же лукавое самоприкрытие. Когда выдвигается требование чуда? Когда обстоятельствами жизни ухищрения совести разбрасываются, как карточный домик, и человек в упор стоит перед явными велениями Бога, а принять их и подчиниться им у него нет духовного мужества, то и тогда лукавство не сдаётся и не прекращает своей работы, и под видимостью подчинения Богу оно начинает как бы само желать Божьего вмешательства в жизнь и под видимостью принятия Бога ставит Богу свое требование об осязательности Его обнаружения, т. е. требование чуда.

Лукавая совесть тогда рассуждает так: «Господь воздействует на мою жизнь... Ну, конечно, я приму Господа, подчинюсь Ему и откажусь от моей «самости» (последнее вслух не говорится)... пусть только Господь явно обнаружит Себя...»

Что же... требование чуда здесь является выражением веры? Нисколько. Это та же самая прикрытая самость... И выходит, что тут

* Окончание. Начало в сборнике № 16.

вынужденный отказ от эгоистической самости под давлением обстоятельств и фальшивое подчинение Богу с расчетом: «А может быть, Божьи силы наглядно и не явятся, и, значит, моя самость останется хозяином жизни».

Нужны ли примеры? Да. Возьми, к примеру, хотя бы всю группу фактов жизненных вразумлений: всякого рода бедствий, потрясений, болезней и всяких случаев смертных опасностей — таких вразумлений, при которых человек вынуждается к признанию необычности происшедшего. Всегда ли в таком случае человеческое сердце сразу и охотно подчиняется Богу с отказом от самости? Не чаще ли бывает, что, когда пройдет период растерянности, человеческое лукавство объяснит происшедшее случайностью, исказит его, чтобы втиснуть в рамки естественного, и спокойно предаст его забвению, оставив самость хозяйкой жизни? А если мысль о необычайном слишком настойчиво стучит в сознание, то лукавство сейчас же просит чуда: «Если бы Бог действительно захотел помочь мне, спасти меня, то почему же Он не сделал того-то и того-то...», и высказывается желание большего чуда, а случившееся признаётся слишком ничтожным, чтобы жизненная самость уступила свое место Богу.

Такова работа жизненного фарисейства: постоянными ухищрениями и самооправданиями сглаживать несоответствие жизни велениям Бога, чтобы вместо смиренного, безоговорочного подчинения Богу с хождением пред Его лицом оставить в жизни самовольство с хождением по лукавым тропкам собственного ума и испорченного сердца. А когда Бог явно стучится в человеческую жизнь, лукавое фарисейство спрашивает: «Да Ты ли, Господи? Ну, конечно, я подчинюсь Тебе... только Ты «яви лице Твое», т. е. иначе — «дай мне чудо»».

И самость считает свои пути настолько правильными и значительными, что сойдет с них и уступит Богу только при явном чуде, которое пусть Бог сделает именно вот для нее и именно вот ради ее личного, иной раз маленького жизненного интереса.

Господь обличает лукавое самооправдание жизни и фарисейство. Он *глубоко вздохнул*, когда фарисеи в споре с Ним требовали от Него знамения, искушая Его. *Глубоко вздохнул*, потому что насквозь видел лукавство фарисеев и скорбел о развращенных сердцах... видел, что не истинно ищут, а хотят забронировать ложь...

Вот почему и спорят, много спорят, как будто добиваются правды, в действительности же изошряясь в подыскании оправданий своего ложного пути. В самооправдании всегда бывает так, что сначала испорченное сердце толкает человека на неправду, а потом уже, задним числом, человек долго и упорно начинает изошряться в теоретическом обосновании своей неправды.

Вот в этой плоскости самоприкрытия фарисеи просят знамения с неба.

Кажется, для чего им нужно чудо? Неправда жизни стабилизирована. Фарисеи утвердились в ложном понимании Моисеева закона. Они хозяева тут... Они и не думают освободиться от неправды... А знамение с неба им нужно для того, чтобы прикрыть неправду фальшивым логическим построением и успокоить совесть. Тут расчеты на то, что, конечно, «никакого чуда и не будет»... И значит, самоутверждение жизни останется прежним и неправда господствует, как правда.

Что фарисеям совсем не дорога была истина, а нужно было самоутверждение в своей неправде, видно из того, что они, услышав от Господа отказ в новом знамении и указание, что знамение уже было дано пророком Ионей, не расспрашивают, какое это знамение и как понимать его, а молчаливо уходят, пристыженные раскрытым лукавством.

Итак, зачем же просится чудо? Для прикрытия лжи?

Господь именно так оценивает просьбу фарисеев и с укором обра-

щает к ним свой вопрос: «Для чего род сей требует знамения?» А святой евангелист Матфей добавляет: «род лукавый и прелюбодейный» (16, 4), т. е. как раз добавляет указание, что фарисейская изощренность и развращенность и в просьбе чуда не могла выставить ничего другого, как прикрытие установленной ими неправды (понимания Моисеева закона).

Чем же является, в таком случае, требование чуда? Искушением Бога. Как и говорит Евангелие: «Требовали от Него знамения с неба, искушая Его». Ведь фарисейское требование чуда покоится или на сомнении в возможности обнаружения чуда («Да еще будет ли чудо-то?»), или на признании, что являемого Богом недостаточно для человеческого уверения и требуется как бы большее знамение («Да Ты ли это, Господи?»). В обоих случаях требование чуда есть вызов Богу, или, что то же, есть искушение Бога.

Что требование чуда является искушением (иногда и не сознаваемым) Бога, а вовсе не обнаружением большой веры, отказом от самости и призывом Бога стать господином человеческого пути, видно из Евангельского рассказа евангелиста Матфея. В нем подробно описана данная беседа Христа с фарисеями.

Фарисеи просят Христа показать им знамение с неба. Господь же, как передает евангелист Матфей, сказал им в ответ: «Вечером вы говорите: будет вѣдро, потому что небо красно; и поутру: сегодня ненастье, потому что небо багрово. Лицемеры! различать лице неба вы умеете, а знамений времени не можете» (Мф. 16, 1—3).

Подробности беседы Христа с фарисеями, передаваемые евангелистом Матфеем, как раз раскрывают, что просьба о чуде вызывалась не смиренной верой, а лукавым желанием отгородиться от Божьих велений, прикинуться непонимающими их и под маской нерушимости Моисеева закона оставить себе свою самость руководителем жизни.

«Вы не понимаете Божьих велений», — как бы так говорил Христос фарисеям... «Вы не понимаете Моих слов... Вы не хотите видеть чудес, творимых Мною на каждом шагу... Вы не замечаете проявлений Божьей силы... Вы ничего не понимаете, как неразумные дети... И вы хотите, чтобы Отец Небесный дал вам новое знамение с неба...»

Лицемеры, вижу все лукавство ваше... Небось, вы прекрасно разбираетесь в том, что вам нужно и что для вас выгодно... Тут вы знаете не только земное, окружающее вас... тут вы взошли на небо и знаете небесные явления... по характеру небесного свода вы гадаете о том, что будет на земле... Тут вам все понятно, потому что выгодно... Тут вы господи и хозяева положения.

А вот когда потребовалось от вас смиренно принять и подклониться под Божью волю, когда события жизни требуют бросить кичливое самоутверждение и искать в жизни то, чего хочет Бог, то вы ничего не понимаете, прикидываетесь неразумными и, прикрывая самость и безверие, лицемерно просите: «Дай нам знамение, чего Ты хочешь?..»

Что же, вы не видели Божьих чудес, какие Я творю на каждом шагу... вы не видели знамений?.. Вам не знамение нужно, а надо остаться в своей прежней самости, никуда не двинуться с нее, и вы требованием чуда маскируете свою духовную окаменелость. А ширма для вас — святость и нерушимость Моисеева закона.

Вот каков смысл ответа Господа. В ответе фарисеям не отказ утвердить веру, а обличение лукавства и разоблачение безверия.

Подмечай то же и в жизни.

Человек часто думает о чуде и любит просить чуда: «Ах, если бы Господь сотворил знамение! Почему Господь не явит Свою силу?» В таких вопросах как будто обращение веры, как будто ревность по вере и желание утвердить свою веру... А подумать хорошенько — и поймешь все лукавство их.

Человек задает такие вопросы в моменты жизни, когда он стоит перед проявлением Божьей воли и когда от него требуется принять мужественное решение в согласии с Божественной волей, т. е. требуется осудить свою жизнь, переменить в корне свое поведение, отказаться от любимой страсти и т. п., словом, когда требуется понять Божий призыв и последовать ему.

Вот тогда человек проявляет наивное младенчество. Он теряется. Он становится в тупик. Он отказывается понимать совершающееся. Он не видит Божьих велений, не понимает «знамений времен»... Тогда — дать ему чудо!

Подозрительная ревность через чудо понять Божью волю и подчиниться ей!

Во всей своей жизни человек: «Я сам»... а тут вдруг у него непреодолимое желание: «Пусть распорядится Господь». Во всей жизни человек — полновластный хозяин и все великолепно понимает...

Попробуй-ка свернуть человека с пути его неправедности... Он забрасает тебя десятками доказательств, что он все знает, все понимает и поступает правильно. Человек считает, что он изучил жизнь, и знает ее, и понимает все окружающее, и самостоятельно распорядится в нем...

И, кажется, зачем бы понадобилось человеку чудо? Да и где же место чуду при человеческой самости? Но вот, когда происходит потрясение жизни, надуманной человеком, когда случается нагромождение жизненных обстоятельств, когда опрокидывается установившееся «законное» равновесие жизни, казавшееся таким устойчивым, тогда бы, кажется, всезнающему и самодовлеющему человеку и нужно проявить все свое знание, и разобратся в жизни, и исправить то, в чем была его личная погрешность...

Не тут-то было.

Так трудно человеку расстаться с нажитой самостью и так трудно пошевелить твердыню «законного», как он его создал, что он не желает или неспособен палец о палец двинуть, чтобы пересмотреть все хилое здание своей самости и честно решить, чего же хочет от него Бог, какая же Божья воля о жизни.

И человек остается в моральном бесчувствии, маскируется полным непониманием совершающегося и, прикрывая свое нежелание двинуть пальцем, чтобы выполнить то, что от него лично требуется, поминает Бога, зовет Его и прячется за Божью волю: «Что же это такое совершается? Мне непонятна Божья воля! Господи! Да где же Ты? Яви лице Твое! Дай знамение! Прояви Твою силу!» Как будто Бог для того и существует, чтобы утверждать выдуманный самостью порядок со всей его греховностью!

Человек ищет Бога и ищет чуда, не желая понять простого Божьего веления, которое уже развернулось перед самими его глазами... Человек ищет Божьей воли, а Божья воля открыта, ясна ребенку!..

Разве это не лукавство? Разве это не искушение Бога? Не лукавство ли быть ничего не понимающим, когда Божьи веления ясны? Не лукавство ли — при таком наивном непонимании, при нежелании двинуть пальцем в смысле исправления жизни — спрашивать: «Господи! Что Ты хочешь? Яви чудо!»?.. Не искушение ли Бога такая лукавая просьба чуда?

А на эту просьбу ответ был и остается один, ответ, сказанный с глубоким вздохом, ответ Божьего сокрушения: «Род сей лукавый и прелюбодейный знамения ищет, и знамение не дастся ему».

хлебов нет у нас. Иисус, уразумев, говорит им: что рассуждаете о том, что нет у вас хлебов? еще ли не понимаете и не разумеете? еще ли окаменено у вас сердце?.. и не помните? Когда Я пять хлебов преломил для пяти тысяч человек, сколько полных коробов набрали вы кусков? Говорят Ему: двенадцать. А когда семь для четырех тысяч, сколько корзин набрали вы оставшихся кусков? Сказали: семь. И сказал им: как же не разумеете? (Мк. 8, 15—21).

«Берегитесь закваски фарисейской», т. е. берегитесь жизненного лукавства... И берегитесь «Иродовой закваски», т. е. истребления в себе христианства. За первым идет второе, за лукавым самооправданием — опустошение христианской души и гибель Христа в душе.

Лукавое самооправдание начинается неприметно и как будто делает ничтожное дело. Ну, что за важность, кажется, что человек иной раз и поступится какой-то мелочью ради всего установленного жизненного порядка или ради своего жизненного успеха? Ведь человек-то хороший! И по-прежнему он и в Бога верит и в церковь ходит!..

А разберись и увидишь, что всякое, даже мелкое лукавство совести, даже малая жизненная сделка окажется делом важным, как гибельное дело. Не напрасно Христос привлекает особенное внимание учеников: «Смотрите, берегитесь» и не напрасно Он укоряет непонимающих учеников: «Не понимаете и не разумеете? еще ли не окаменено у вас сердце?»

Дело-то выходит не маловажное!

Задача самооправдания одна, как и сказано выше (срав. Мк. 8, 11—12), — оправдать кривую совесть, успокоить ее и оставить собственное человеческое произволение хозяином жизни; иначе говоря, задача лукавства — неприметно подменить Бога самоудовлетворением.

Нет дела гибельнее этого!

Бог остается, но Он выключен из жизни... И человек сознательно и бессознательно не «впутывает» Бога во все «мелочи». «Невпутывание» Бога и начинается с мелочей: «Ну, причём тут Бог?» И лукавство сначала прикрывает маленькие сделки. А потом оно уже пойдет по проторенной дорожке обходиться без Бога и не тревожить совесть при нарушении Божьего закона...

Совесть тупеет... Властвование «я» ускоряется. Сделки (да они уже и не сознаются как сделки) прикрыты разумными соображениями! Рассуждается так (сознательно и бессознательно): «Ну, конечно же, я сам хорошенько все обдумаю и все устрою... Разве на «авось» проживешь?» Надо самому все предусмотреть и все устроить и тем гарантировать для себя успех в деле... На «авось» не проживешь... И пословица есть: «Бог-то Бог, сам не будь плох».

Видишь, как все жизненно.

А в результате оправданы все зигзаги... все «кривые» поведения... а Бога-то в жизни и нет. То есть Он остается, но для особой жизни... Ну, и иконка висит для порядка (да и та малюсенькая!).

Так формируются две полосы жизни: одна полоса «жить» (вне Бога), а другая — «значиться христианином» и обходиться без Христа!

Началось с маленького, а кончается истреблением веры, закваской Иродовой.

И человек рассуждает, как ученики: «Хлеба нет», т. е. надо же жизнь обеспечить! Кто же обо мне подумает? Кто гарантирует успех?

А Господь и укоряет: «Я подумаю... Неужели закрыты у вас глаза? Неужели заткнуты уши? (ст. 18) Неужели забыли, что Я Творец и материальной жизни (срав. Мк. 6, 35—44)?.. Неужели забыли, как Я творческим актом накормил пятью и семью хлебами пять и четыре тысячи человек («Отец Мой доселе делает» — Ин. 5, 17)? Не помните? Каменное у вас сердце!»

Итак, берегись маленького, берегись лукавого самооправдания, берегись замазать и прикрыть расхождение между жизнью и Господним законом... берегись закваски фарисейской... Ею, этой закваской, ты заменишь в жизни Бога и Его святую волю о тебе своим маленьким барахтаньем, и незаметно будет подниматься в тебе Иродова закваска — истребление живого Бога в твоём сердце...

Берегись же!

Рассмотри, не каменеет ли и твоё сердце? Разве не подумал о тебе Бог, когда ты верен Ему? Разве не было в твоей жизни творческих актов «насыщения», Божьего делания? Не помнишь? «Неужели закрыты у вас глаза? Неужели заткнуты уши?»

65

Приходит (Господь) в Вифсаиду; и приводят к Нему слепого и просят, чтобы прикоснулся к нему. Он, взяв слепого за руку, вывел его вон из селения и, плюнув ему на глаза, возложил на него руки и спросил его: видит ли что? Он, взглянув, сказал: вижу проходящих людей, как деревья. Потом опять возложил руки на глаза ему и велел ему взглянуть. И он исцелил и стал видеть все ясно (Мк. 8, 22—25).

Здесь образ прозрения духовно-слепой человеческой души. Слепую душу ко Христу «приводят». Она сама так безнадежно потерялась в темноте... так сбита и спутана дорога её жизни.. так искривилась в зигзагах, засорена грязью, повреждена колеями неправды, рывками падений, что самой уже не выбраться!.. Не выбраться потому, что и сил уже нет: они растрчены в бездорожье...

Да и как выбраться слепым? и в темноте? и куда? И кругом — слепые... А слепой слепого только в яму приведет (Мф. 15, 14).

Так в жизни и есть.

Итак, слепую душу «приводят» ко Христу. Её «приводят» чаще всего обстоятельства жизни. Обстоятельствами жизни человек в своей слепоте то бывает загнан в тупик, и ему уже некуда податься... испытано банкротство всех путей... То эти обстоятельства остановят человека на полпути слепоты, бываю восприняты остатком здорового сознания человека как Божьи зовы, и человек повлечется ими ко Христу.

Слепой душе, подведенной ко Христу, надо, чтобы Христос коснулся её... Непременно надо, чтобы коснулся; значит, надо вплотную подойти, а не умеешь ходить, так подползти к стопам Спасителя и в трепете молить: «Не могу больше жить... исцели».

Значит, нужна не холодная вера сознания, не тусклое движение уставшего и равнодушного сердца, не вялое нащупывание просвета апатичной волей, а нужен бросок ко Христу, бросок, в котором, как в клубке, пусть сольются весь порыв ума и все напряжение воли.

Тогда откликнется Христос. Он берет человека «за руку». Это значит, что прозрение души сопровождается Божественной помощью и Божественной силой.

Но для проявления Божественной силы нужны условия, в которые должна быть поставлена душа. Какие же?

Господь выводит слепого «вон из селения». Здесь обозначение условий, при которых возможно воздействие на душу Божественной силы. Их два: первое — душа отводится в сторону от людей и остается наедине с Богом. Значит, тесное единение с Богом, когда душа остается один на один со своим Спасителем в молитве, в подвиге, в душевной обращенности, — вот первое условие прозрения от слепоты.

И есть второе условие: Господь выводит слепого вон из селения. Следовательно, недостаточно быть наедине с Богом. Надо уйти душою из мира греха, порвать пленяющие связи греха, чтобы не осталось на душе груза, тянущего в сторону и вниз, а чтобы душе, освобожденной от

земли — греха, легче было принять и усвоить (сделать своим) небесное и Отцовское.

После того как порваны пути греха Божественной силой, совершается озарение души.

В чуде исцеления слепого Господь, прежде всего, «плюнул ему на глаза». Не без значения и этот акт Божьей воли. Плюновение — знак презрения, поругания. Так как болезнь есть результат греха и человеческой нечистоты, то Господь сначала снимает человеческую нечистоту. Он снимает ее образно — плюновением на глаза слепого как выражением презрения к греху и осуждения греха и диавола, отца его. Так сначала устраняется источник зла и причина болезни.

Плюновение в данном чуде исцеления слепого отлично от плюновения на землю, сопутствовавшего чуду исцеления слепорожденного (Ин. 9, 6), где оно не имело самостоятельного значения и было только частью творческого акта — смешения с землей, делания «брения» и помазания им глаза.

А почему при исцелении слепорожденного Господь не плюнул на глаза больного? Потому что не требовалось устранения греха и осуждения греха, как причины слепоты. Слепой был слеп от рождения, и Господь Сам говорит, что не грех причина его болезни: «ни сей согрешил» (Ин. 9, 3).

Плюновение в чуде исцеления Вифсаидского слепого аналогично плюновению при исцелении глухого косноязычного (см. Мк. 7, 32—35), хотя в последнем чуде не указывается, куда плюнул Господь, и умалчивается о греховности больного как причине болезни, но в обоих случаях плюновение предшествует самому исцелению и выражает устранение человеческой нечистоты.

После того как поруган грех и подрезаны корни болезни, Господь исцеляет саму болезнь.

То же требуется и от слепой души. И ей, оставшейся наедине с Богом и порвавшей с миром зла, надо с презрением осудить мир диавола, жестоко осудить все свои кривые пути, без пощады возненавидеть свою темноту и с решительностью отвергнуться от слепых мыслей и дел.

Тогда придет Господь. Он придет и возложит Свои руки. Возложение рук означает, что прозрение души совершается не собственными усилиями души, а Божественной силой, и означает, что Божественная сила подается сейчас же за обращением человека и что она возрождает человека от греха и закладывает фундамент спасения.

После возложения рук — новый глубокий по смыслу образ.

Исцеление совершается не сразу. Больной по первом возложении рук отвечает Христу, что он видит «проходящих людей, как деревья». И лишь по вторичном возложении Господом Своих рук на больного прозревающий «стал видеть все ясно».

Почему так? Разве Божественное могущество бессильно было совершить прозрение слепого в одно мгновение? Конечно, могло совершить, как совершались в одно мгновенье большие чудеса, например, воскрешение мертвого.

Здесь образ того, что восстановление души совершается не вдруг, не сразу. Такой акт был бы механическим пересозданием. Это — процесс спасения человека... Этот процесс есть длительная, сознательная борьба, в которой непременно активен сам человек. Этот процесс открывает Бог Своим Божественным вмешательством, подавая человеку силы скинуть плен греха и успешно начать ратоборство со злом. Дальше человек сам вступает в состязание, чтобы сознательно переработать свои душевные силы и усвоить Божественное озарение. И еще долго, долго не исчезнет бесследно слепота... И долго, долго человек еще будет видеть «проходящих людей, как деревья», т. е. еще долго в нем будет возобладать мир вещей и еще долго предметы духовного, разумного

порядка он будет воспринимать под углом чувствования материальных вещей... И не сразу человеку откроется очертание истинной жизни духа, а будет он еще долгое время пробавляться тенью истины... И только слабые разрозненные блики ее будут скользить пред его душевными глазами, как неясные очертания бегущих деревьев (когда видишь их, например, из окна мчащегося поезда).

В этом процессе постепенного восстановления души, конечно, потребуются новые акты Божественной помощи. Их будет много... они пойдут своей чередой, параллельно человеческой стойкости в борьбе.

Господь вторично возлагает руки на слепого. Теперь Он возлагает их на его глаза.

Здесь мысль о том, что Божественная помощь, а в результате ее — человеческое просветление, сначала идет по линии общего подъема душевной жизни и ее очищения от грязи и порока, ее общего просветления, а потом уже под Божьим воздействием усваиваются отдельные способности, например, способность духовного зрения.

И вот, когда спустится на душу Божественное озарение, когда Божий свет осянет внутреннее человека, тогда Божия правда в душе заблистает, как изумруд.

Пелен мира — греха, заволакивающих зрение или дающих кривое отражение восприятия, как не бывало... Пленительная Божия истина залегла в душе, как свет, и осветила самую душу... и весь свет брызжет вовне, и освещает, и гонит грех, и скидывает фальшивое убранство порока... И нет в жизни тьмы, и дорога пряма и освещена... И стала душа «видеть всё ясно»...

Дорогою (в селения Кесарии Филипповой). Он (Господь) спрашивал учеников Своих: за кого почитают Меня люди? Они отвечали: за Иоанна Крестителя, другие же — за Илью, а иные — за одного из пророков (Мк. 8, 27—28).

Так до сих пор остается жизненным этот вопрос Господа о Нем Самом: «За кого же почитают Меня люди?»

До сих пор — в течение двадцати веков — суждения о Личности Христа пестры, как пестры были мнения о Нем современников. И это справедливо даже не столько в отношении научной критики, сколько в отношении «обывательского суждения».

Всякий, кто прочитал две-три книжки и считает, что он достаточно сильно мыслит и что ему стыдно опираться на авторитет, всякий приносит и в дело веры мнимокритическую фантазию и о Христе мыслит, как ему представляется нужным. Тогда Христа воспринимают, как приемлемее для маленького человеческого ума и как удобнее для слабенькой жизни.

Такое обывательское отношение к величайшему предмету веры недопустимо.

Ты ищи Христа не для приспособления к своей испорченной жизни. ищи не Такого, Какого тебе хочется, а каков Он был в действительности. Ищи Его честно. Доискивайся правды о Нем в Святом Писании. Господь Сам указывает этот источник знания о Нем: «Исследуйте Писания, ибо вы думаете чрез них иметь жизнь вечную; а они свидетельствуют о Мне» (Ин. 5, 39). И доискивайся от честных запросов своей души... И ты обретешь, что Христос — Бог, Сын Божий. И ты поймешь, что Господь и нужен тебе, и бесценно дорог для тебя не как учитель, не как пророк, а как Бог, твой Спаситель, т. е. Спаситель твоей души и жизни.

И начал (Господь) учить их (учеников), что Сыну Человеческому много должно пострадать, быть отвержену старейшинами, первосвященниками и книжниками, и быть убиту, и в третий день воскреснуть (Мк. 8, 31).

Только последовало первое исповедание Христа Богом (Мк. 8, 29—30), как Господь открывает истину непримиримости со Христом мира зла и греха. И эта истина во все века остается законом жизни.

«Начал учить их, что Сыну Человеческому много должно пострадать...».

Во все века, когда Сын Человеческий в лице Своих последователей сталкивался с миром зла, зло обрушивалось на Него всеми своими агентами... Агентами зла были и первосвященники, и книжники. И они побеждали: «Сыну Человеческому надлежит быть убиту», но, конечно, истина жизни неискоренима.

И Сыну Человеческому надлежит «в третий день воскреснуть».

И говорил (Господь) о сем (о Своем страдании) открыто. Но Петр, отозвав Его, начал прекословить Ему. Он же, обратившись и взглянув на учеников Своих, воспретил Петру, сказав: отойди от Меня, сатана, потому что ты думаешь не о том, что Божие, но что человеческое (Мк. 8, 32—33).

Вот опять великие из великих слова и глубокая из глубоких истина!

Пойми жестокость прещения! Изумись умом... Всколыхни сердце! Петра называет сатаною и гонит прочь от Себя! Избранного из избранных, первоверховного, только что исповедавшего Господа Христом, Божьим Сыном, эту скалу веры, основание Церкви, получившего ключи Царства, распорядителя неба, Петра, только что увенчанного названием «блаженного» (Мф. 16, 17), называет дьяволом и гонит прочь от Себя!

Почему так?

Разбери порядок мыслей и дойдешь до истины.

Господь спрашивает учеников, что они думают о Нем, за кого Его принимают. Апостол Петр, отвечая за других апостолов, исповедует Христа Божьим Сыном. Господь подтверждает верность исповедания, похваливая Петра. И вслед за тем указывает основной закон Своего дела, закон непримиримости христианства с миром зла и греха. Вот почему «Мне надлежит страдать и быть убитым».

Апостол Петр сейчас не понимает этого закона... Ему кажутся несообразными страдания и смерть от людей Христа Господня... И по любви и почитанию Христа он не принимает страданий Христа: «Будь милостив к Себе, Господи! да не будет этого с Тобою!» (Мф. 16, 22). Петр верит во Христа как Бога... любит Его и скоро будет говорить о своей готовности положить жизнь за Учителя и Господа, но Петр не принимает христианства страданий и хочет какого-то своего христианства... Может быть, в нем еще говорила еврейская надежда на Мессию как Царя и Устроителя славного земного царства.

И вот тогда Христос, отведенный было Петром в сторону, оглядывается на учеников — ядро Своей будущей Церкви и указывает ей ее будущий путь. «Уйди от Меня, — говорит Он Петру, — со своим христианством, со своим путем... Ты — дьявол... Сатана — Мой враг, Мой противник, и он — враг Моего дела...»

Так и ты со своим христианством — Мой враг, потому что твое христианство есть истребление истинного христианства, как его хочет истребить дьявол. Ты хочешь истребить христианство, навязав ему несов-

местимое с ним радование миру... Тебе неприятны страдания, и ты готов к примиренности и ассимилированию со злом мира.

Вот это и есть истребление Моего дела борьбы с миром зла... Это есть истребление внутренней сущности христианства, всей его силы и всего его значения как религии освобождения от зла и возрождения в правду и святость...

А ты хочешь ползти по земле, с ее радостями. Ты думаешь не о том, что Божеское, небесное, а о том, что человеческое, земное... Отойди от Меня... ты дьявол...»

Он говорил это и смотрел на учеников — Свою будущую Церковь. То был завет ученикам и завет Церкви: «Не поддавайтесь и вы плену мира, не думайте о человеческом, думайте о Божьем».

Почему же забыт этот завет? Почему страшное прещение Петру вышло из памяти? Разве не так?

Оглянись... посмотри на учеников и последователей. Среди них есть думающие и недумающие. Думающие — это большей частью люди, получившие образование и привыкшие мыслить. Привычку подходить к теориям с меркой своего разума они переносят на христианство и принимают христианство так, как благоволит господин-рассудок.

Вот тогда создаются «свои» христианства! И делается это совсем не злобно! А просто по пословице: «Всяк молодец на свой образец».

Человеку, совсем не искушенному в вере и христианской жизни, думается, что вот то или иное Христово слово надо понять так то, а не иначе... что так будет жизненное. И каждый, применительно к своему развитию и применительно к уровню своей душевной жизни, строит свою христианскую теорию. А так как в громадном большинстве случаев душевная жизнь складывается по началам земного порядка, то, конечно, и христианство трактуется приспособительно к земному порядку.

Чего же «Божеского» искать в таких «своих» христианствах! Тут всё «от человека»... А христианство, христианство истреблено!

Недумающие поступают проще. Они просто-напросто спускают Божеское до себя! Может быть, это делается часто и по хорошему побуждению — понять христианство. Но, не имея христианского просвещения и лишённые духовного воспитания, а иные по развращённому сердцу, они сталкивают Божью истину до уровня земли и влачат ее по земле, привыкши всё понимать только в земном преломлении. И здесь то же преобладание человеческого. Причем совмещение человеческого с Божеским бывает чудовишно. Потому в этой группе и встречаются представители христианства, в которых с непостижимой внутренней гармонией сочетается хождение в церковь и словесное благочестие с цинизмом извращённости, начиная с ужасающего пустословия, клеветы, сплошной лжи, фальшивости, обмана, себялюбия и прочего, и прочего, кончая незаконными сожительствами. И совесть спокойна! Многие из этой группы считают себя даже «хорошими христианами»: и вздыхают, и плачут, и принимают Святые Тайны.

Разве здесь у каждого и каждой не «свое» христианство? И разве здесь не циничное истребление христианства? А влаченье христианства по земле, когда каждый приспособляет высокую Божью истину к себе и обволакивает ее грязью своего земного понимания и чувствования, разве не разрывает в клочья христианство Христа?

Да, здесь истребление христианства.

Вот почему и сказал многомилосердный Господь Свое жестокое слово. Вот почему не пощадил избранного и любимого. «Уйди от Меня... Ты дьявол... Ты хочешь дьявольского дела — истребления Моего учения...»

Ты думаешь, что это Божье прещение потеряло свою силу? Нисколько. Только люди с закрытыми глазами проходят мимо него, потому что

потеряли совесть, окаменели сердцем и душою и служат своей извращенности, подменяя Божеское человеческим. Они делают страшное дело, истребляя Христа и утверждая диавола под видом служения Христу. И они не слышат грозного слова, обращенного к ним: «Отойди от Меня.. Ты диавол».

А лучше бы им уйти, потому что ради них имя Божие позорится в людях (Рим. 2, 24). «Лучше бы им не познать пути правды, нежели, познав, возвратиться назад от преданной им святой заповеди» (2 Петр. 2, 21). Лучше бы им уйти, потому что «открывается гнев Божий с неба на всякое нечестие и неправду человеков, подавляющих истину неправдою» (Рим. 1, 18).

69

И, подзвав народ с учениками Своими, (Господь) сказал им: кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною. Ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет душу свою ради Меня и Евангелия, тот сбережет ее (обретет ее — Мф. 16, 25). Ибо какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит? Или какой выкуп даст человек за душу свою? (Мк. 8, 34—37).

Слушай! Это для всех... Это обязательно для всех, и этого не минешь! Подмечай, как это открываемое слово Господь делает общим законом и как нарочито подчеркивает его неминувость.

Господь был отозван Петром в сторону от народа и даже учеников, и Петр прекословил Господу, не понимая предреченных Господом Его страданий (ст. 32). Господь отворачивается от Петра, и смотрит на учеников, и произносит Свое прещение Петру: «Отойди...» (ст. 33).

А теперь совсем покидает Петра и уже не только смотрит, а и зовет... зовет... не только учеников, но и народ. Не ясно ли, что говорится Божественное слово, обращенное ко всем, как для всех обязательное и неминувое? Это во-первых. И во-вторых, не ясно ли, что говорится какое-то особенное слово, если Господу угодно было оборвать беседу с избранным учеником, резко, с прещением отстранить его, сейчас же подзвать к Себе всех, стоявших поодаль, и к ним обратить Свое слово?

Да, это было особенное слово.

Почему же надо было ждать особенного слова? Да уже по одной связи речи.

Ведь ни много, ни мало речь шла обо всем Господнем деле.

Апостол Петр исповедал Христа Божьим Сыном (ст. 29), и ученики услышали в ответ основной закон христианства — закон непримиримости его с миром зла и отсюда закон страданий, закон смерти и закон победы в воскресение (ст. 31). Петр не понимает и не принимает закона страданий и хочет примирения с миром зла: «Будь милостив к Себе, Господи!»

Петр хочет по-человечески повернуть христианство. Господь с резким прещением отстраняет от Себя избранного ученика, поворачивается ко всем и говорит.

О чем же? Ну, конечно, Господь выправит грубую ошибку Петра, за которую назвал его «сатаной», и авторитетно еще раз утвердит истинную сущность Своего учения и дела, как они должны мыслиться — не по-человечески, а по-Божески.

Но сейчас Господь говорит уже не о Себе. О том, что закон непримиримости с миром зла, и отсюда закон страданий, Он утвердит Своим личным примером, Господь сказал уже Своим ученикам (ст. 31).

Сейчас Христос говорит и ученикам и народу, что это закон основной и потому общий и неминувый, что каждому неминувемо пройти путем, по которому прошел Он, Спаситель, и что другого пути христи-

анской жизни нет. Вот о каком важнейшем предмете будет Господня речь. Смотри Божье слово.

«Кто хочет идти за Мною...»

Так указывается путь всем... всем без изъятия: священнику, мирянину... не только монаху, подвижнику и отшельнику. Всякий, кто хочет идти за Ним, т. е. называться и быть Его учеником, всякий неминуемо должен исполнить то, что дальше указал Господь, кем бы человек ни был, где бы ни стоял, чем бы ни занимался.

«Кто хочет идти за Мною, отвергнись себя».

«Отвергнись себя»... Вот он неминуемый путь: отвергнуться себя. Как это? Отвергнуть что-либо — значит осудить, как негодное, с решительностью отказаться, пренебречь и отбросить. Вот так и надо поступить с собой. Всего себя осудить, как последнего, негодного, и без малейшей жалости к себе отказаться от себя, с негодованием от себя отвернуться, с презрением пренебречь и с гневом отбросить себя в мусорную яму.

Господи! Как же это?

А Господь продолжает: и не только этого Я требую от тебя. Я указываю тебе большее: погуби себя... как бы убей себя... Вот что нужно. Тогда ты Мой ученик. «Иже бо аще хочет душу свою спасти, погубит ю» (ст. 35).

Страшный закон! Великий закон!

Бросить себя в мусорную яму.. погубить себя... Погубить всего себя, каков ты есть, целиком без остатка, а потом уже идти, и только тогда ты станешь Его учеником.

Так решительно водворяется для будущих учеников закон отречения от мира зла, от греха. Требуется возненавидеть себя, отказаться от себя и погубить себя старого, греховного, естественного, каков ты есть по Адаму, каков ты есть без Христа. Надо, чтобы ты, Адамов, стал, как мертвый... Короче, надо, чтоб ты умер... Это закон смерти...

Его так и обозначил Христос в другом месте, когда сказал: «Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно, а если умрет, то принесет много плода» (Ин. 12, 24). Значит, по слову Господа, если ты ищешь у Христа плода истины и плода жизни, то надо тебе, естественному человеку, человеку мира и греха, надо тебе идти на собственное уничтожение, гибель, смерть, как гибнет пшеничное зерно, тогда ты принесешь плод.

А святой апостол Павел в Послании к Римлянам подробно излагает этот неминуемый закон смерти естественного человека, когда он пошел за Христом, чтобы получить плод. Он прямо так и пишет, что ветхий человек «умер», и не только умер, но и «погребен». «Неужели не знаете, что... ветхий наш человек распят с Ним (Христом), чтобы упразднено было (истреблено, уничтожено) тело греховное... (что) мы умерли со Христом...» (Рим. 6, 3, 6, 8). И вы, пишет Апостол христианам, вы «умершие». «Так и почитайте себя мертвыми для греха» (ст. 7, 11). И вы погребены... «Мы погреблись с Ним (Христом) крещением в смерть» (ст. 4).

Так водружается закон смерти. В дальнейших словах ученикам и народу Господь объясняет, почему же водружается этот великий и страшный закон. Господь утверждает, что для человека, если он хочет жить, нет выбора: ему неминуемо уничтожить себя.

Как бы человек ни старался беречь себя и лелеять себя, как бы ни заботился о своем теле и как бы ни окружал всем вниманием свою душу, все равно конец его один — смерть, да не только физическая смерть, а — что ужаснее — духовная смерть, т. е. банкротство души еще при физической жизни. И никуда не укрыться от этого уничтожения смерти.

Смерть неминуема для естественного человека потому, что природа его есть природа греха, а грех есть болезнь и отравка души и тела. И чем

же может кончиться это систематическое изо дня в день, из часа в час отравление жизни, как не смертью? Это тоже всеобщий закон. О нем, как непререкаемом, говорит и святой Апостол: с грехом вошла в мир смерть, и стала смерть неизбежным «оброком греха», которым платится бедный человек (Рим. 5, 12 и 6, 23).

И Апостол спрашивает естественного человека: «какой же плод (результат) вы имели» от своей естественной жизни? И отвечает: плодом вашим были дела, конец которых — смерть (Рим. 6, 21).

Так стала неизбежным законом жизни потеря жизни, смерть: «Кто хочет душу свою (жизнь свою) сберечь (по-земному), тот потеряет (погубит) ее» (Мк. 8, 35).

Это неизбежно во все дни до скончания века. Это закон. Проверь на примерах.

Присмотрись к жизням вне Христа. Все они кончают смертью, и громадное большинство — еще при физической жизни. Смерть наступает или в результате сужения жизни до животных процессов, при которых постепенно атрофируется и отмирает человеческое и человек движется до своей физической смерти, руководимый животным инстинктом и злом, или же в результате тяжело переживаемого и сознаваемого душевного банкротства, когда человек бесплодно мечется из стороны в сторону в поисках оправдания жизни, а оправдания нет, покоя нет, счастье и удовлетворение неуловимы. А зло наступает, и захлестывает, и душит все лучшее, что крохами еще теплится в естественном человеке.

Последний тип, конечно, морально выше первого, но и его конец — смерть души как ее банкротство, как невозможность построения жизни по правде без Христа.

Так властвует закон жизни, по которому «оброком» неминуемого греха является неминуемая смерть.

И некуда человеку податься. И нет у человека выбора... потому что кто же, не лишенный совсем рассудка, будет стараться приобретать и весь мир захватить приобретением, зная, что по существу-то дела копает могилу для себя и что чем больше он уходит в вещи мира, тем глубже его могила?

И нет выбора для человека, потому что не может подыскать человек уравнивающее гибель души. И чем же человек может компенсировать себя за смерть души? Какой выкуп даст человек за душу свою? Нет выбора!..

Вот почему и водружает Господь великий закон добровольной смерти. Это выход. Почему?!

Закон неминуемой смерти, как расплата за грех, все равно властвует. И Господь напоминает об этой неминуемости... Он открыто объявляет людям ту крайнюю точку, тот тупик, в который вгоняет их грех. И, показав всю безвыходность жалкого положения человека, преданного греху и смерти, на этих разлагающихся гнилушках жизни, имеющих только видимость живого, Господь водружает новый великий закон — закон добровольного уничтожения себя.

Зачем? Да затем, что на этом добровольном гробе сеется семя новой жизни. Устраняется ветхое — очищается почва для молодого; выкидывается больное — творится здоровое; погребается мертвое — встает обновленное и вечно живое.

И выходит, что теряющий приобретает и жертвующий собой находит себя. Пшеничное зерно, упавшее в землю и разложившееся, приносит плод.

«Кто потеряет (погубит) душу свою ради Меня, тот обретет (найдет) ее» (Мф. 16, 25). Эта мысль о новой, живой жизни, вместо гниющей старой, подробнее развита Спасителем в беседе с Никодимом (Ин. 3, 1—12). Беседа эта является как бы продолжением речи о погубле-

нии души, и в ней раскрывается дальнейшая мысль о росте новой жизни, взамен отпавшей и погребенной.

Господь указывает Никодиму, что надо ему вновь родиться для новой жизни, и в ответ на недоумение Никодима, как же ему, старому человеку, вновь родиться, Спаситель снова утверждает: «Истинно, истинно говорю тебе: если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие» (ст. 5). И продолжает дальше: «Не удивляйся тому, что Я сказал тебе: должно вам родиться свыше» (ст. 7), а затем объясняет, как происходит новое рождение от Духа (ст. 8).

Значит, там — погубление, здесь — обретение. Там — смерть, здесь — новое рождение и жизнь.

Видишь теперь, почему водружается Христом великий закон смерти: уничтожение ветхого Адама нужно для того, чтобы очистить место для нового человека, по второму Адаму — Христу... Погубление греховной души нужно потому, что на пепле мира греха и тления возрастает новая, вечная жизнь мира нетления и Царства славы.

И, наконец, Господь Спаситель в этом Своем слове ученикам и народу обозначает и путь, по которому неминуемо пойдет отвергшийся себя, и возрождающийся в новую жизнь от Духа. Он обозначает его очень кратко, всего одним словом «крест». «Отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною» (ст. 34).

Чем же будет этот путь креста? Очевидно, он будет противоположным тому, который погребен. Тот был путь мира зла и греха — этот будет путем отрицания мира греха, путем праведности во Христе. И очевидно, этот путь обнимает собою всякую жизнь, все возрасты, все формы жизни, все роды людской деятельности, когда в них человек уже перестал быть рабом греха, а ведет борьбу с ним и хочет быть сыном Света, истинным сыном Небесного Отца. Тот, погребенный, был путь гибели, разложения и смерти — этот будет путем восстановления жизни и вечности.

А почему он путь креста?

Очевидно, Господь обозначает его по примеру Своего пути. Ведь Его путь также был путем борьбы с грехом и злом, и он был путем крестным, путем страданий, и он закончился крестом в собственном смысле. Так и путь Своего ученика Господь называет путем креста, потому что и он есть путь борьбы с грехом.

Вот почему и сказано: «Следуй за Мной», т. е. безбоязненно, как Мой ученик, иди по пути, по которому Я прошел... Иди с крестом к своей Голгофе и через нее к своему воскресению.

Этот неминуемый путь (за Господом) был, есть и навеки останется «крестом», т. е. путем страданий, потому что, во-первых, борьба с грехом всегда останется подвигом, насилием, т. е. будет соединена со страданием; во-вторых, и потому, что в мире зла и греха человек, идущий путем праведности, всегда будет не своим, встретит враждебность и на каждом шагу и с каждым днем будет чувствовать несродность окружающего, переживать конфликты с ним, страдать, доколе не «разрешится» от тела и со «Христом будет», т. е. пока окончательно не освободится от соприкосновения с миром зла, как желал того Апостол («Имею желание разрешиться и быть со Христом» — Флп. 1, 23). Так вот каков закон смерти и закон креста и восстания. Помни.

Это обязательный и непреложный закон. Смотри, не подмени его компромиссными суждениями «своего» христианства.

Этот закон и объявлен в устранение человеческого суждения Петра. Там было утверждение мира и отрицание страданий, борьбы со злом, здесь — отрицание мира и утверждение борьбы со злом. Так поправил Петра Сам Христос. Это незыблемо, как сама истина. Это свято.

А потому безжалостно осуди и похорони себя старого, греховного... Пойди путем креста, путем очистительных страданий за твоим Спасите-

лем. Побори до конца грех Голгофою страданий, и ты, как победитель тленного, увенчаешься нетлением. И Первенец из мертвых Христос делает тебя причастником Своего Воскресения. «Ибо, если мы соединены с Ним подобием смерти Его (через путь креста), то должны быть соединены и подобием воскресения» (Рим. 6, 5).

70

И сказал им (Господь ученикам и народу): истинно говорю вам: есть некоторые из стоящих здесь, которые не вкусят смерти, как уже увидят Царствие Божие, пришедшее в силе (Мк. 9, 1).

Конечно, отвергнувшие себя, взявшие крест и ушедшие за Ним, за своим Спасителем, конечно, они «не вкусят смерти».

Ведь только что было сказано, что они «сберегут душу свою» (срав. 8, 35) и станут причастниками неумирающей жизни. Они «перешли от смерти в жизнь» (Ин. 5, 24).

И, конечно, они увидят Царствие Божие, которое «внутри нас», в наших сердцах и душах. Как только они родятся «от Духа», так и делаются причастниками Царства Духа, потому что «рожденное от Духа есть дух» (Ин. 3, 6)..

И Царствие Божие объявится в них «в силе»... Это будет не теория, не рассудочное знание, а огненная стихия, вдвинутая в их души... Это будет сила жизни... новая сила новой жизни... И совершенно понятно, что это будет «сила», потому что «Дух животворит». Вот плоть — та «не пользует (им) нимало», а «Дух животворит» (Ин. 6, 63). Он — сила. Эту силу и обретут причастники Божьего Царства.

71

По прошествии дней шести, взял Иисус Петра, Иакова и Иоанна, и возвел на гору высокую особо их одних (взошел на гору помолиться. И когда молился... — Лк. 9, 28—29), и преобразился пред ними (и просияло лице Его, как солнце — Мф. 17, 2): одежды Его сделались блистающими, весьма белыми, как снег, как на земле белильщик не может выбелить. И явился им Илия с Моисеем; и беседовали с Иисусом (об исходе Его, который Ему надлежало совершить в Иерусалиме. Петр же и бывшие с ним отягчены были сном; но, пробудившись, увидели славу Его — Лк. 9, 31—32). При сем Петр сказал Иисусу: Равви! хорошо нам здесь быть; сделаем три кущи: Тебе одну, Моисею одну и одну Илии. Ибо не знал, что сказать, потому что они были в страхе. И явилось облако, осеняющее их, и из облака исшел глас, глаголющий: Сей есть Сын Мой возлюбленный; Его слушайте. И, внезапно посмотрев вокруг, никого более с собою не видели, кроме одного Иисуса (Мк. 9, 2—8).

Господне Преображение на Фаворе — это образ преображения души, пошедшей за Христом.

Как на Христовом пути были не только терния креста, но была и слава Фавора, так и на пути души, взявшей крест, будет свой Фавор и сладость Фаворского Света.

Идут к Фавору после «шести дней». Шесть дней — это трудовая неделя, указанная Господом: «шесть дней делай». Значит, на Фавор восходят после трудовой недели жизни, в конце крестного подвига жизни.

И восходят на Фавор только избранные. Господь берет с Собой лишь избранную троицу: Петра, Иакова и Иоанна, как будто указывая, что избранные души ведутся к Фавору тремя добродетелями: крепчайшей верой, непоколебимой надеждой и огненной любовью.

Итак, когда заканчивается путь подвижнической борьбы с грехом,

когда сплелся венок добродетели, венчающий ратоборца, тогда Господь сподобляет душу Фавора.

Фавор — это, прежде всего, духовный подъем. Это — высокий подъем, как экстаз. Если для обычного, ежедневного молитвенного озарения Господь дает образ восхождения на гору, удаления от земли, когда Сам уходит молиться на гору, то здесь, готовя избранных к фаворскому Преображению, Он вводит их на «высокую» гору.

Значит, Фавор — это уже полная оторванность от земли... Это — взлет ввысь... Это — вдохновение, экстаз.

Стихия его та же, как и всякого духовного подъема, — молитва. Молитва же есть стихия ухода к Богу... И здесь она парит... Она дает крылья, и она отрывает от земли.

Евангелист Лука боговдохновенно упоминает об этой стихии, чтобы нам не забыть ее: «Взошел Он (Христос) на гору помолиться. И когда молился, вид лица Его изменился...»

В молитвенном восхищении низводится Свет Фавора. Свет Фавора есть Свет Божества, это — Господний, благодатный Свет. Вот почему Святая Церковь исповедует Христа как «Свет от Света» (Символ веры) и поет Емму: «Свет Твой присносушный» (тропарь Преображения), т. е. вечно сухой, как Ты, как Твоя природа; а Божье открытие людям Церковь называет поданием Света: Ты, Господи, «Светодавче».

Проследи: в Господних явлениях та же стихия Света.

Когда Божественный Свет осияет душу, она, вся воспламененная огнем Божества, сама загорится ярче солнца, и лицо как зеркало души засияет пленительным Божиим Светом. «И просияло лице Его, как солнце».

Даже материальная природа и та изменяется, пронизанная Божественным озарением. Она как бы истончается, теряет свою плотность, материальную грубость и преобразуется, обволакивается Светом Фавора. (Отсюда — нетленность тел святых угодников и чудотворение предметов, бывших в их употреблении.)

«Одежды Его сделались блистающими, весьма белыми, как снег».

И Божье слово добавляет, что это озарение телесной природы вовсе не является результатом каких-то земных причин, каких-то законов органической и неорганической жизни, но есть сверхземное явление.

Евангелист не без причины пишет о преображенных одеждах Христа, что они сделались такими блистающими, «как на земле белильщик не может выбелить», указывая этой подробностью, что не земная, не естественная причина изменила природу ткани, а это сделала стихия Фавора.

Какое же содержание Божественного озарения? Чем наполнена жизнь души в благодатном Фаворском Свете?

Она наполнена общением с миром неба. «И явился им Илия с Моисеем; и беседовали с Иисусом». Называются два представителя горнего мира: представитель закона и законной правды, как бы представитель веры — Моисей и представитель жизни, ревностных праведных дел — Илия. Но Илия, хотя и жил после Моисея, называется раньше его в обозначение мысли, что «вера без дел мертва» и что дела принимаются на небо, как взошел туда ревнитель жизни, «во плоти Ангел» — Илия.

Общение с миром неба имеет своим центром искупительное дело Христа, спасение человека. А центром искупительного дела, конечно, являются страдания, смерть и Воскресение Христа. В Христовом Кресте и Воскресении — всё обаяние христианства. И в крестном следовании за Ним, и в воскресении с Ним, своим Спасителем, конечно, всё устремление праведной души.

И она (душа) в горнем мире, в состоянии блаженного восторга вся уходит и вся обвеивается «искупительной тайной». И «беседовали (Илия с Моисеем) об исходе Его, который Ему надлежало совершить в Иерусалиме».

Вторая половина Евангельского рассказа о Преображении передает о влиянии благодатного озарения на человеческую природу, когда последняя соприкасается со стихией Фавора. Тогда духовная сторона человека покоряется пленительностью видения и человеческий дух рвется в стихию неба, как в желанный отчий дом. И душа хотела бы навсегда потонуть в покоряющей атмосфере Господнего Царства! «Учитель, хорошо нам здесь быть», — говорил Петр за себя и учеников, покоренный Божественным видением.

А в то время телесная природа человека, как грубая, земная, отягается от яркой пленительности несродной для нее стихии, которая подавляет и как бы вытесняет тело, как чуждое, и, кроме того, телесная природа устрашает необычайностью видения. «Петр же и бывшие с ним отягчены были сном». «Они (ученики) были в страхе».

А общим результатом прикосновенности души к Божественному озарению, конечно, является покоренность души и ее тяготение к небесному миру. Душа захватывается Господом и влечется, и ничто уж ей не мило, как только «со Христом быть». Ученики «никого более с собою не видели, кроме одного Иисуса» (ст. 8).

Таково озарение души подвижника, взявшего крест и грядущего за Христом. Такова награда за подвиг. Таково блаженное приобщение к Фаворскому Свету.

«Да воссияет, Господи, и нам, грешным, Свет Твой присносущный!»

72

Придя (Господь) к ученикам, увидел много народа около них и книжников, спорящих с ними... Он спросил книжников: о чем спорите с ними? Один из народа сказал в ответ: Учитель! я привел к Тебе сына моего, одержимого духом немым: где ни схватывает его, повергает его на землю, и он выпускает пену, и скрежещет зубами своими, и цепенеет. Говорил я ученикам Твоим, чтобы изгнали его, и они не могли. Отвечая ему, Иисус сказал: о род неверный! доколе буду с вами? доколе буду терпеть вас? Приведите его ко Мне. И привели его к Нему. Как скоро бесноватый увидел Его, дух сотряс его; он упал на землю и валялся, испуская пену. И спросил Иисус отца его: как давно это сделалось с ним? Он сказал: с детства; и многократно дух бросал его и в огонь и в воду, чтобы погубить его: но, если что можешь, сжался над нами и помоги нам. Иисус сказал ему: если сколько-нибудь можешь веровать, все возможно верующему. И тотчас отец отрока воскликнул со слезами: верую, Господи! помоги моему неверию. Иисус, видя, что сбегается народ, запретил духу нечистому, сказав ему: дух немой и глухой! Я повелеваю тебе, выйди из него и впредь не входи в него. И, вскрикнув и сильно сотрясши его, вышел; и он сделался, как мертвый, так что многие говорили, что он умер. Но Иисус, взяв его за руку, поднял его; и он встал (Мк. 9, 14, 16—27).

Это картина человечества в его отношении ко Христу.

Господь, исполненный Божественного озарения, сходит с Фавора, высоты благодатного Света, и у Его ног разворачивается типичная картина человеческой жизни.

Большая толпа народа, говорливая, шумливая, любопытная, кидающаяся от впечатления к впечатлению (ст. 15), поверхностная и, в конце концов, равнодушная. И во главе толпы — ее представители... «мнящие себя мудрыми быти» (книжники)... Они всё знают... Толпа требует, чтобы они всё знали. И они говорят... говорят без конца, как разумные всеведы (ст. 14).

Господь спрашивает у этих всеведов, о чем они мнут (ст. 16).

Тогда выступает «один из народа». Это собирательное имя... Оно обнимает всех... Потому не важна точность, кто был выступивший.

Выступивший рассказывает, что он привел ко Христу «сына своего» (ст. 17).

Опять собирательное имя. Это — сын народа... сын толпы... Плоть от плоти ее и кость от кости ее... И потому не важны подробности, кем был этот сын и сколько ему лет и прочее и прочее. Все были таковы. Это — сын народа.

И приведенный сообщает Христу, что его сын находится в руках духа зла и что он глухонемой.

Вот состояние типичного сына народа, когда он вне Христа: он в руках зла и больной.

Господь по-человечеству интересуется: с какого же времени приключилась с ним болезнь? Отец отвечает: «С детства» (ст. 21). Ну, конечно, с человеческого детства идет порабощение духу зла, и как результат этого — человеческая слепота и глухота... С человеческого детства — с Каина — и стало обычным явление, когда люди «уши имут и не слышат, уста имут и не глаголют». Понятно, что люди зла «не слышат» и их уста «не глаголют» правды.

И дальше отец подробнее характеризует душевное состояние сына народа. «Где ни схватывает его (дух зла), повергает его на землю, и он испускает пену, и скрежешет зубами своими, и цепенеет». Дух бросает его «в огонь и в воду, чтобы погубить его» (ст. 18, 22). Он терзает его «и насилу отступает от него, измучив его» (Лк. 9, 39).

Отец обрисовывает типичное состояние порабощения человеческой души злом. Зло «схватывает» человека. т. е. приступами накидывается на порабощенную им душу во всяких обстоятельствах, при самомалейших поводах. Оно «схватывает» бедную душу и играет ею, как послушной игрушкой...

Цель зла одна — повергнуть на землю, вытравить из души все человеческое, втоптать ее в грязь, смешать с землей, чтобы рабство злу было полным, чтобы атрофировалась в человеке всякая надежда на сопротивление... зло и влачит человека по всем стихиям земли («бросает в огонь и в воду»).

Результат понятен: человеческое умирает, проявления жизни сводятся к животным процессам («испускает пену, скрежешет зубами»), и душа, связанная злом, цепенеет.

Евангелист добавляет и еще одну черту, характеризующую состояние человека зла: он не выносит мира добра. Всякое, даже внешнее соприкосновение с добром, с тем, что говорит о Христе, порождает в нем злобу, доходящую до бешенства.

Зло не выносит того, что его отрицает и разоблачает уже самым своим существованием. Вот почему, рассказывает Евангелист, когда «бесноватый увидел Его (Христа), дух сотряс его; он упал на землю и валялся, испуская пену» (ст. 20).

Хотя человек и не замечает своего рабства злу, но все же порабощение мучительно. Оно мучительно в своем существе потому, что обратной стороной властвования зла будет только полная гибель души. Отец так и говорит, что дух бросает человека, чтобы «погубить его». Отсюда и «терзания» человека.

Но человек уже бессилён выбраться из замкнутого круга зла. Злой дух ослабляет пляску, когда душа уже вконец измотана, бессильна и, безвозвратно проданная ему, стала, как негодная тряпка. Тогда для зла уже не интересна парализованная рабыня... «Насилу отступает от него, измучив его» (Лк. 9, 39).

Вот, когда человек будет доведен злом до полной измотанности, когда станут надломленными его физические силы, тогда он, наконец, опомнится и будет искать избавления от своих болезней. Тогда он обойдет всю землю и перепробует все доступные вешные (материальные) средства. И так как облегчения все же не будет, потому что душевное

(грех и зло) не врачуется вещественным, то человек напоследок вспомнит о Христе.

Человек вспомнит о Христе и обратится к Нему. Почему? В нем вспыхнула заглушенная вера? Нисколько. Он обратится ко Христу просто в порядке очередного опыта: «А может быть, что-нибудь и выйдет?! Чем я рискую?»

И вот сыны века сего, когда их постигнет нужда, в таком именно порядке, в порядке испытания очередного средства, приходят к Церкви и просят: «Если что можешь, помоги нам... исцели»... И еще хорошо, если просят, а иные с дерзостью требуют чуда: «Ведь Ты же Бог, и Тебе все доступно!»

Конечно, Церковь бессильна помочь им... И Господни ученики не исцеляют бесноватого (ст. 18). Церковь может обратиться к ним Господне слово, сказанное отцу глухонемого: «О род неверный! доколе буду терпеть вас?» (ст. 19).

«Род неверный, даже в тот момент, когда ты, пройдя все земные пути, загнанный в тупик своевольностью и служением злу, ты придешь ко Мне, как к последнему средству! Даже и в этот момент отчаяния у тебя нет веры. «Если можешь, помоги мне» — разве это просьба веры? Это не молитва веры... Это свидетельство внутренней дряблости...»

И Господь укоряет безверного отца бесноватого, чтобы заставить его очнуться, понять всю безвыходность его положения без Христовой помощи и вызвать в нем хоть искру раскаяния в своих заблуждениях и искру веры только в один источник спасения и исцеления.

Обличенный в неверии, как проснувшийся от бесчувствия и призванный к вере в этот миг явного Божьего зова («все возможно верующему»), он приходит в сознание и обнаруживает то, что требуется для успешного обращения к Богу, — признание греха и своего бессилия: «Помоги моему неверию» и упругую веру как единственный путь спасения: «Верую, Господи».

А как только была явлена вера и человеческая душа оказалась подготовленной к обнаружению Божьей силы, так немедленно открывается Божья сила и совершается чудо.

И как ни болезненно для духа зла оставлять насиженное гнездо, как ни сильны его терзания своей былой жертвы в последние моменты своего властвования над ней («и вскрикнув и сильно сотрясши его...»), а все же Господь, конечно, всегда был, есть и будет распорядителем человеческой жизни, и по Его приказанию дух зла выходит из больного (ст. 26).

Дальше святой Евангелист указывает знаменательный образ. Исцеленный бесноватый по выходе из него злого духа «сделался, как мертвый, так что многие говорили, что он умер» (ст. 26).

Здесь мысль о том, что исцеленный от зла как бы выключается из мира зла и мир зла уже отказывается считать его своим. Мир зла считает его мертвым, так как в нем уже нет привычной жизни мира зла.

И это справедливо. Освободившийся от духа зла внутренне порывает с миром зла и порывает со всеми его устремлениями. Он действительно делается как бы чужим миру. В нем пойдет своя особая жизнь... И он чужд мирских интересов, волнений, интриг, соперничества, погони за внешним... Все это отмерло в нем... и он чужой для мира, как будто мертвый, потому что нет в нем жизни с точки зрения мира. И мир назовет его чудачком, фанатиком, кликушей, а то и ненормальным, сумасшедшим.

А Господь сейчас же разбивает такое поверхностное суждение. «Иисус, взяв его за руку, поднял его; и он встал» (ст. 27), т. е. Господь показывает, что в освободившемся от зла, с помощью Христовой руки, с помощью Божественной силы, забьет такая жизнь, что душа,

только что валявшаяся на земле и обнаруживавшая одно животное начало, поднимется, и встанет, и пойдет, и полетит...

Ученики Его (Христа) спрашивали Его наедине: почему мы не могли изгнать его (духа зла из глухонемого)? И сказал им: сей род не может выйти иначе, как от молитвы и поста (Мк. 9. 28—29).

Этими словами Господь узаконяет подвиг для христианина, подвиг, нужный для успешной борьбы с грехом и злом.

А то люди склонны успокаивать себя ссылками на Божественное милосердие (прощение Господом без подвигов и дел разбойника, блудницы и др.) и склонны уменьшать свою ответственность за духовную бездеятельность.

Узаконение подвига происходит при такой обстановке. Ученики Христовы были наделены от Него даром исцеления больных и изгнания бесов («дал им власть над нечистыми духами» — Мк. 6, 7), и, однако, они не могут изгнать духа зла из глухонемого.

Что же? Разве бессилен Божий дар и напрасно Божье слово? Нисколько. Надо было указать, что Божье всемогущество сильно совершить всякое дело для человека, однако от человека требуется активность.

Человеческая активность нужна по двум причинам. Первая в том, что душа человека должна быть сама подготовлена к восприятию Божьей силы, когда эта сила открывается в ней. Это — неизменное требование Господа (срав. Мк. 5, 34; 5, 36; 6, 5 и др.). Этим требованием узаконяется со стороны человека подвиг веры.

На него указывает Господь и в рассматриваемом случае бессилия учеников совершить исцеление больного. Это записано евангелистом Матфеем. На вопрос учеников: «Почему мы не могли изгнать его?» Господь ответил им: «По неверию вашему» (Мф. 17, 19—20), т. е. Божья сила, требуемая вами для совершения чуда, готова излиться, а вот вы оказались неспособными к ее восприятию.

Вторая причина для человеческой активности указывается Господом (в данном случае) в обстоятельстве как бы вне человека.

Для христианина, вступившего на Христов путь, неминуемо отвержение греха, зла и борьба с ними (срав. Мк. 8, 34—37). Мир зла — это не фикция, это определенная сила. И эта сила имеет своих многочисленных и разнообразных по значению агентов («сей род ничем же исходит...»). Мир зла не прощает измены себе... Он неминуемо начнет свое контрнападение на христианина. Нападения пойдут через тело, через человеческие страсти, через окружающую среду. И вот тогда, в этой борьбе христианину, чтобы стать победителем, надо браться за подвиг.

Господь указывает неминуемость («ничем же исходит») подвига молитвы и поста. Божья сила и Божья помощь его не исключают.

Какая же роль подвига? В чем значение молитвы и поста?

Очевидно, молитва переключает человеческий дух в сферу Божественной силы, а пост утончает материальное и содействует лучшему переключению.

Итак, если хочешь успеха в своем христианском пути, если хочешь открытия тебе Божьей силы, если хочешь побед, а не поражений в борьбе со злом, если хочешь радости достижения, а не потерь унижения и скольжений на одном месте, если хочешь ощущать всегдашнюю Божью помощь, а не безрадостную никчемность и оставленность — бери́сь за подвиг. Подвигом веры и подвигами молитвы и поста поразишь зло, и Божья сила будет ощутимо с тобой.

74

Когда был (Господь) в доме (в Капернауме), спросил их (учеников): о чем дорогою вы рассуждали между собою? Они молчали, потому что дорогою рассуждали между собою, кто больше. И, сев, призвал двенадцать и сказал им: кто хочет быть первым, будь из всех последним и всем слугою (Мк. 9, 33—35).

Ну, конечно же, первый у Христа — это тот, кто сделал себя последним в мире греха, первый — это же бросивший себя в мусорную яму (срав. Мк. 8, 34—35); как же он не последний в этом мире? А последний в мире и есть слуга всем. А у Христа — он первый.

75

(Господь) взяв дитя, поставил его посреди них (учеников) и, обняв его, сказал им: кто примет одно из таких детей во имя Мое, тот принимает Меня (Мк. 9, 36—37).

Почему Господь так нежно любил детей и так нежно ласкал их («обняв его»)?

Потому что дети — образ вновь родившихся в Царство Божие, родившихся от Духа... «Истинно, истинно говорю тебе: если кто не родится свыше, не может увидеть Царствия Божия» (Ин. 3, 3).

Дитя и есть образ возрожденного для Божьего Царства. Его душа чиста... Она не испорчена злом мира. Вот почему и сказал Господь в другом месте: «Таковых (детей) есть Царствие Божие» (Мк. 10, 14) и: «Ангелы их на небесах всегда видят лице Отца Моего Небесного» (Мф. 18, 10).

Святой евангелист Матфей, который подробнее передает этот момент беседы Христа, с наибольшей последовательностью, сравнительно с другими евангелистами, воспроизводит речь Господа.

Христовы ученики интересуются: кто больше в Небесном Царстве? (Мк. 9, 34; Мф. 18, 1). А Господь ранее уже ответил на это: больше тот, кто отказался от себя, бросил себя, похоронил себя старого и грешного и возродился вновь (Мк. 8, 34—37; Ин. 3, 3—8).

И сейчас Господь только иллюстрирует Свою мысль: берет ребенка, обнимает его, ставит посредине и поясняет: «Истинно говорю вам: если не обратитесь (не переродитесь) и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное» (Мф. 18, 3). И еще добавляет для исчерпывающей ясности: «Итак, кто умалится (станет ребенком по душе), как это дитя, тот и больше в Царстве Небесном» (ст. 4).

И настолько бесспорна эта мысль о младенчестве души, годной для Божьего Царства, настолько она ценна, настолько образ ребенка должен быть памятен для людей, как живой идеал стремящихся к Божьему Царству, что Господь позднее еще раз утверждает этот образ: «Кто не примет Царствия Божия, как дитя, не войдет в него» (Мк. 10, 15), и, мало того, Господь венчает наградой только принявших его и еще не осуществивших.

Принявших этот идеал и ласкающих ребенка, как зовущий образ детей Божьего Царства, Господь венчает утешительным обетованием, что в лице ребенка они принимают Его Самого. «Кто примет одно из таких детей во имя Мое, тот принимает Меня».

Истинно Господне слово. Если принявший праведника и принявший пророка удостоивается чести (участи) праведника и пророка, то, конечно, принявший ребенка как часть Господню, т. е. наследника Божьего Царства, сам приобщается части Господней и как бы Самого Христа принимает.

76

Кто напоит вас чашею воды во имя Мое, потому что вы Христовы, истинно говорю вам, не потеряет награды своей (Мк. 9, 41).

Чаша воды, поданная ученику Христову, есть обозначение всякого доброго дела, совершенного во имя Божие.

И мысль здесь такова, что самый ничтожный твой поступок, совершенный во имя Бога, не канет бесследно, а уйдет в вечность бессмертным цветком, из которого сплетется тебе бессмертный венок.

Но имей в виду и запомни навсегда, что тут дело не в чаше воды и заслуга не в том или ином одолжении своему ближнему, а венчается даже малейшее добро лишь тогда, когда оно совершено «во имя Мое», т. е. Христово.

Когда у христианина вся жизнь обращена к Богу и каждый шаг жизни наполнен желанием исполнить Божью волю о себе и стать ближе к Небесному Отцу, когда чаша воды подается с трепетным сознанием: «Вот Отец послал ко мне Своего сына и моего брата, и я с любовью обнимаю его», тогда, конечно, вода силою твоей обращенности и любви поднимет тебя до высоты неба и сделает причастником части Господней.

Итак, если ты устремлен своей жизнью к Богу и хочешь проникнуть в часть Господню, то, делая малейшее добро с Христом и ради Него, ты и становишься через Него причастником Его Царства.

77

Кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему жерновный камень на шею и бросили его в море (Мк. 9, 42).

Несколько выше (ст. 34—37; срав. Мф. 18, 3—4) Господь ставит ребенка образом рожденного в Небесное Царство и называет его большим в Небесном Царстве, хотя он и мал физическим ростом. И через образ ребенка Господь внушает, что в Небесное Царство входят младенцы по душе, чистые сердцем, не тронутые грехом.

А сейчас уже прямо называет истинно верующих в Него младенцами. Они «малые» потому, что они «последние», как отвергшиеся мира (срав. Мк. 8, 34—37), и они «малые» потому, что они незлобивые, смиренные, чистые, искренние, послушные, как младенцы.

И если венчается тот, кто во имя Божие принимает этих «малых» (ст. 37), то, напротив, подлежит тяжкому наказанию соблазнивший младенца о Христе, т. е. сбивший его с пути Божьего Царства.

Смысл Господних слов о потоплении соблазнителя с камнем на шее тот, что лучше бы такому человеку не родиться (как сказал Господь об Иуде: «Лучше было бы тому человеку не родиться» — Мк. 14, 21), лучше бы ему не жить, потому что, если он столкнет своего брата с пути жизни на путь гибели, то, значит, конец его один — смерть души и тела. Так лучше бы ему не существовать.

Вот как ценна для Господа каждая спасающаяся душа, как велика Божья забота об ее сохранности в Божьем Царстве и потому как тяжок грех всякого соблазнителя, сталкивающего брата с Божьего пути.

78

Если соблазняет тебя рука твоя, отсеки ее. И если нога твоя соблазняет тебя, отсеки ее... И если глаз твой соблазняет тебя, вырви его: лучше тебе с одним глазом (или хромоту или увечному) войти в Царствие Божие, нежели с двумя глазами (руками, ногами) быть ввержену в геенну огненную, где червь их не умиряет и огонь не угасает (Мк. 9, 43, 45, 47, 48).

Это слово Господа надо понимать в неразрывной связи с Его указанием об отвержении всего себя при следовании за Ним (срав. Мк.

8, 34—37). Оно вытекает из заповеди о погублении себя. Если там заповедуется христианину отвергнуться всего себя, всю свою душу погубить и всего себя бросить в мусорную яму, то естественно не жалеть о руке, ноге или глазе, когда они будут мешать спасительному пути.

А потому так же безжалостно, как тебе надо похоронить всего себя греховного, так же безжалостно отсеки в себе мешающее твоему пути, когда ты стал на него и идешь им.

И даже не так надо сказать, а устрани и отсеки еще безжалостнее, потому что, если в начале пути ты осудил и похоронил в себе всего древнего змия, то зачем же теперь беречь малую ехидну? А потому без колебаний отсеки в себе соблазнителя, сталкивающего с пути.

Господь называет три источника соблазна: руку, ногу и глаз и тем обозначает соблазны, происходящие от разнообразных движений тела (рука — осязание, похоть), от различных видов человеческой деятельности (нога — поступки) и от человеческой мысли (глаз — видение, мысли).

Причем Господь указывает источники соблазна в порядке их жизненной силы. Сначала называет соблазны, наиболее близкие человеку, возникающие в нем как бы произвольно, затем соблазны, воспринимаемые сознательно и идущие извне, от внешней жизни, и, наконец, более утонченные — соблазны мысли. Но все три источника соблазна объединяются тем, что повод к их возникновению идет извне, через внешние органы чувств (рука, нога, глаз).

И потому Господь указывает один прием борьбы с соблазнителем: «отсеки», «вырви», т. е. прием отметания, отбрасывания, подавления внешнего ради спасения внутреннего — души.

Господь так и говорит и трижды повторяет одно и то же как очевиднейшую истину, что лучше человеку безрукому, безногому и безглазому войти в блаженную вечность, чем с двумя руками, ногами и глазами остаться в мертвенности... потому что, в самом деле, «какой выкуп даст человек за душу свою?» (Мк. 8, 37).

Чем может компенсировать человек потерю души? Конечно, ничем. Не только рукой, ногой и глазом, а и всей внешней жизнью! Значит, за свою душу и ради нее без колебаний лишайся руки и глаза, т. е. отсекай соблазняющее внешнее.

Так поступай и ты. Поставь задачей жизни — сберечь душу. Жива душа — и ты жив. Погибла душа — и в тебе не будет жизни. А потому безжалостно отсекай всё, истребляющее душу, отсекай соблазн, который несет с собой смерть души. И если соблазн идет от внешнего и через внешнее, то не бойся, не жалей, обрезай всё внешнее... Без пощады рви все нити, связывающие тебя с внешним, и с легким сердцем бросай концы...

Не раздумывай, что оборвешь лишнее. Лишнего никогда не будет... Не будет ошибки, если обрежешь соблазнительное сейчас... Кромсай и кидай внешнее без раздумья, чтобы кругом была обезвреженная среда... пусть даже пустота... Ты всё же будешь не побежденный, а победитель, и будешь ты не потерявший, а приобретший, потому что ты приобрел, ты сберег свою душу.

И во всех случаях обрезывания внешнего, когда через то (обрезывание) ты сберегаешь свою душу, ты только выигрываешь, потому что в случае утраты души от внешнего соблазна уж ничто внешнее, сохраненное тобою из жалости к себе, не в силах компенсировать тебе потерю души.

«Какой выкуп», какую компенсацию может иметь человек при потере души своей?

Значит, не жалей... Вырви и отбрось соблазнителя... Пусть кругом останется пустота... Пусть останется малая комната, скромный наряд

и скудное питание... Всё-таки ты богач... Пусть не слышится прямой музыки, и нет физических зрелищ, и ты чужд шумливого веселья... Ты ничего не потерял... Ты всё-таки приобрел...

Итак, не скорби, что не будешь ты жить полной внешней жизнью и будешь обрезать себя во вредных устремлениях тела... Не лучше ли тебе в скромном костюме, в отсутствии рассеивающих впечатлений и отсечении вредных движений сохранить действенность и ширь души и влиться ею в блаженную вечность, чем со знанием последнего вичурного танца, в туманящем азарте прискакать с трупом души к тупику безвыходности...

Что лучше? Что выгодней? «Какой же выкуп», какую компенсацию может иметь человек за потерю души своей?

79

Всякий огнем осолится, и всякая жертва солью осолится. Соль — добрая вещь, но ежели соль не солона будет, чем вы ее поправите? Имейте в себе соль, и мир имейте между собою (Мк. 9, 49—50).

Образным выражением «всякий огнем осолится» Господь незабывасмо обозначил неминуемость подвига.

Грех разлагает тело и разлагает всю жизнь. Христианин объявил войну греху, и ему надо остановить разложение жизни. И как в материальном мире разложение останавливается воздействием на ткани сильно действующих растворов, например, соли, так и ты, чтобы остановить внутреннее разложение, духовно осолись... Забронируй себя от разлагающего влияния греха... Подвергни себя воздействию сильных средств, которые прекратили бы распад души.

Это средство, как соль, что предохранит душу от греха и распада, — подвиг.

Подвиг — это огонь. Он сожжет путанный хворост страстей... Он вытеснит едкий стелющийся дым похоти... Он истребит тлеющий угар увлечений.

Подвиг — огонь. Он опалит зияющие раны твоих поражений, выжжет нечистоту порока, выжжет смрад разложения, прокалит тебя добела, как металл, и будешь ты золотом, прошедшим горн очищения, будешь золотом, которого уже не коснется ржавчина.

Так подвиг, как очищающий огонь, и будет твоею солью.

«Огнем осолиться...»

Тяжело? Строго? Да, тяжело. Но неминуемо. Посмотри вдумчивей, как говорит об этом Господь.

Господь указывает на необходимость «осоления огнем» сейчас же после речи об отсечении соблазняющих глаз, рук и ног. И мало того. Господь соединяет обе речи причинной связью: «Если глаз твой соблазняет тебя, вырви его: лучше тебе с одним глазом войти в Царствие Божие, нежели с двумя глазами быть ввержену в геенну огненную... ибо всякий огнем осолится» и т. д. (Мк. 9, 47—49).

Значит, мысль Господа такова, что, если ты встал на путь Христов и отверг себя, чтобы найти себя возрожденным, то нечего тебе жалеть одного своего члена, мешающего твоему духовному восстанию. Безжалостно отсеки его... Не бойся... Не колебись... Это неминуемо. Насилия над собой даже до крови не избежать, потому что всякому надлежит «огнем осолиться»...

Надлежит «осолиться огнем» всякому без исключения. Всякому, кто хочет освободиться от смрада распада и осолить себя, неминуемо пройти чрез очистительный подвиг...

И этот подвиг может быть жесток, как огонь... И, однако, не смущайся... иди и гори, потому что чрез горение ты заsterилизуешься духом... Ты станешь чист, как раскаленное серебро, и процесс тления (разложения) прекратится.

Затем Господь вскрывает и еще одну сторону подвига осоления — его ароматность, делающую кровавые борения увлекательными, зовущими, а слезы — радостными, слезами счастья, слезами пленительнее смеха.

Господь говорит о жертвенности подвига. Он говорит, что всякая жертва осоляется солью, т. е. всякий, приносящий жертву, заботится, чтобы она была угодна, и делает ее ароматной, придавая ей лучший вкус. А основное вкусовое сдабривание — это соль. Вот почему Господь и сказал, что жертвенное приношение осоляется солью, т. е. делается ароматным, приятным.

Так и ты смотри на свой труд ради души и ради Господа как на жертву... а потому носи подвиг с радостью... И осоли его огнем борьбы и очищения, чтобы твоя жертва-подвиг стала ароматной и приятной, как осоленный жертвенный дар.

И твой подвиг ради Бога будет таким, когда он пойдет от сердца, как искренняя жертва Богу... Тогда боренья, совершаемые ради Бога, заполнят всю душу и потекут в ней, как благословенный фимиам... И в душе разовьется влечение к бореньям, и уже тоска о подвиге будет снедать ее, если б она, хотя временно, ушла от борений. Тогда за страданьем проглянет утеха, и за слезами засветится тихая радость... Тогда ты полюбишь страданья, и мила тебе будет печаль о Боге.

Есть что значит осоление души, когда она через подвиг делается ароматной жертвой Христу.

А Господь и еще углубляет ту же мысль: «Соль — добрая вещь; но ежели соль не солона будет, чем вы ее поправите?»

Это значит, что если ваше делание ради Господа будет нудно и безвкусно, если саможаление будет влачить вас по низине будней, и среди болота падений вас будет хватать только на мшистые кочки непрочных опор, и вы будете бояться крутизны насилия над собой, то ваше делание потеряет весь захват подвига, выдохнется и станет безвкусным, как соль, потерявшая силу.

И ничто, решительно ничто не поможет вам вернуться к духовной бодрости и радости о Христе, как новое осоление себя, т. е. опять путь огненного насилия над собой, захвата в труде ради Христа, чтобы снова появился аромат жертвенного горения и крепость осоленной души.

И, наконец, Господь делает последний вывод: «Имейте в себе соль, и мир имейте между собою».

Нам нечего прибавить к этим Господним словам, и надо лишь глубже запечатлеть их на первой странице своего сердца.

Да, «имей в себе соль». Держись подвига, как огненного очищения, чтобы в нем осолилась душа и тем прекратилось бы ее разложение. Лишь через подвиг ты станешь верным сыном Небесного Отца. Лишь через подвиг ты обретешь мир Христов, заповеданный ученикам и оставленный им: «(Хочу), чтобы вы имели во Мне мир» (Ин. 16, 33).

«Мир оставляю вам, мир Мой даю вам» (Ин. 14, 27). Лишь чрез подвиг ты обретешь то, что отличает истинного ученика Христова, — любовь: «По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою» (Ин. 13, 35).

А с миром Христовым в душе, с любовью в сердце ты исполнишь и последний завет: «Мир имейте между собою».

Приходит (Христос) в пределы Иудейские... Опять собирается к Нему народ, и, по обычаю Своему, Он опять учил их (Мк. 10, 1).

Снова образ взаимных отношений души и Бога. Повторением слова «опять» Божественное Откровение отмечает постоянство и настойчивость души, ищущей Бога, и всегдашнюю открытость Господа такой душе.

Господь невидимо ходит по виноградникам человеческих душ... И надо душе откликаться и идти ко Христу... Идти с настойчивостью... И если бы случилось душе уклониться и отбиться от своего Учителя и Спасителя, пусть она опять и опять не устает вернуться к Нему и собирать около Него свои силы.

А Он-то, Спаситель, конечно. «по обычаю Своему» — по милосердию, всепрощению и любви Своей — не устанет отзываться такой душе и всегда будет «учить» ее, открывать ей глаза сердца, влечь к Себе и спасать, давая жизнь и радость в общении с Собой.

Подшли фарисеи и спросили, ищущая Его (Христа): позволительно ли разводиться мужу с женою? Он сказал им в ответ: что заповедал вам Моисей? Они сказали: Моисей позволил писать разводное письмо и разводиться. Иисус сказал им в ответ: по жестокосердию вашему он написал вам сию заповедь; в начале же создания, Бог мужчину и женщину сотворил их. Посему оставит человек отца своего и мать и прилепится к жене своей, и будут два одною плотью, так что они уже не двое, но одна плоть. Итак, что Бог сочетал, того человек да не разлучает (Мк. 10, 2—9).

Фарисеи хотят уловить Христа искусительным вопросом о браке и разводе... Они хотят обличить расхождение Христа с Моисеевым законом и практикой жизни согласно закону.

Господь разоблачает искусителей. «Неужели доказательна ваша практика? Практика-то вас и обличает, потому что Моисей по жестокосердию вашему, т. е. по вашей моральной грубости, вынужден был пойти на установленный порядок. Значит, практика-то вас и обличает как морально грубых, имеющих развращенное сердце».

И дальше Спаситель восстанавливает во всей чистоте истину о браке, как она мыслилась в творческом акте Бога, Создателя жизни. И эту истину Господь снова водружает как обязательный христианский закон и на веки вечные утверждает великую тайну брака. Основание брака мистически (таинственно) покоится на Божественном благословении соединения одного мужчины с одной женщиной.

Господь напоминает, что было вначале, т. е. в тот момент, когда Божественным творческим актом существа вызывались к жизни и им определялось их истинное назначение. Напоминая этот момент, Христос поясняет, что «Бог мужчину и женщину сотворил их», т. е. что для мужчины — Адама и создана была одна женщина — Ева. И благословен был Богом союз двоих, созданных друг для друга.

Причем в акте создания Евы из ребра Адамова не вложена ли глубочайшая мысль о сродности будущих мужа и жены по душе и по телу, той сродности, которая влечет их к взаимному соединению и, будучи удовлетворенной, дает полноту жизни и целостность?

Христос напоминает об этом творческом акте и тем устанавливает как закон, что и во все последующие века вселенной для одного мужчины таинственно творится Промыслителем жизни — Богом одна женщина... И в них, вызываемых к жизни в разных семьях и в разных местах, Божественной волей закладываются атомы сродности, и дол-

жны эти атомы соединиться, чтобы исполнить волю Творца и предначертанно завершить Его творение в восполнение жизни.

И вот, когда жизнь строится по благословию Бога, когда пути жизни прокладываются под Его невидимую руку, тогда соединение сродных элементов произойдет и разрозненные жизни сольются под Божьим благословением для взаимного восполнения... Тогда один муж найдет свою «одну» и «единственную», созданную только для него. Это произойдет мистически (таинственно) благословением Бога.

И с такой силой элементы сродности влекутся к взаимному слиянию, настолько воля Божия неминуемо сформирует благословляемые ею жизни, настолько тянутся к взаимному восполнению сродные души будущих жениха и невесты, что кажется, если бы завязать им глаза и поставить одного из них у ворот вселенной, чтоб все человечество длинной лентой прошло мимо него, то и тогда, во взаимном притяжении душ и тел, они бросились бы друг к другу, один только к одной.

Вот почему дальше Господь и делает такой непреложный вывод: «Посему оставит человек отца своего и мать...»

Кто ближе отца? Что дороже матери? Но раз выполняется Божья воля, раз довершается творческий акт создания под Божьим благословением единой жизни, нет препятствий, и крепчайшие земные связи рвутся, как отопревшие нитки. Потому что тут, в этом акте сближения жениха и невесты нечто большее земли. Тут исполняется высший закон и творится высшая воля. А когда найдено восполнение, тогда человек «прилепится» к жене своей.

Отметь выражение «прилепится», т. е. войдет в другую душу и войдет в другую жизнь, как свон, и сольется с ними, и растворится в них. И тогда станет одна жизнь, одна целостная жизнь. И будет довершен творческий акт создания мужчины и женщины, потому что, как и сказано в Откровении, «сотворил их», т. е. сотворил друг для друга как одну жизнь.

Эту мысль о единстве жизни в соединяющихся женихе и невесте Господь обозначает еще рельефнее. Он обозначает ее даже не единством жизни, а единством плоти. «И будут два одною плотью, так что они уже не двое, но одна плоть», т. е. люди перестали существовать отдельно даже физически. Они стали одним физическим телом, «одною плотью». Вот что сделало исполнение воли Бога... Оно не только восполнило, расширило души во взаимном слиянии, оно изменило физическую природу и из двух физических существ сделало одно целостное существо.

Такова тайна брака. Выяснивши ее, Господь делает последнее заключение мягкого упрека фарисеям: «Ну, что вы хотите? О чем вы спрашиваете? Как же после того оставить человеку свою жену? Да это же противоестественно! В браке же взаимное восполнение жизни! А вы хотите, чтобы Я одобрил разрушение восполненного?! И в браке — творческий акт, акт Бога, творящего одну жизнь... Как же вы хотите, чтобы Я разрушил жизнь, созданную Богом? Это противоестественно... И не думайте посягать на брак! Что Бог сочетал, того человек да не разлучает».

В доме ученики Его (Христа) опять спросили Его о том же (о браке и разводе). Он сказал им: кто разведется с женою своею и женится на другой, тот прелюбодействует от нее; и если жена разведется с мужем своим и выйдет за другого, прелюбодействует (Мк. 10, 10—12).

Ученики Христа хотят глубже запечатлеть в себе правильное понимание брака. Это было тем необходимее, что ученики Христа в этом

пункте отменяют Моисеев закон. Вот почему ученики, когда остались одни с Господом, уже от себя предлагают Ему тот же вопрос о браке и разводе. И так как это был вопрос не искушения (как у фарисеев), не любопытства, не словопрения, а вопрос необходимого знания, и так как как серьезность темы требовала точного раскрытия, то Христос не высказывает осуждения учеников за непонятливость или недоверие к Его словам, а спокойно продолжает как бы прерванную речь о браке.

Учеников, конечно, смущала мысль о жизненной исполнимости строгого учения Господа. Евангелист Матфей и не скрывает этого (Мф. 19, 10).

Парализуя смущение учеников, Господь, надо думать, раскрыл жизненную исполнимость христианского учения о браке и в заключение подтвердил незыблемость брака. Заключение, как вновь подтверждающее основную мысль Господа, и записано евангелистом Марком.

Исполнение всякой заповеди предполагает верность ей от начала до конца. Верность есть отсутствие самого малого компромисса. И когда человек бескомпромиссно идет прямым путем, всё для него и проще, и яснее, и, в конце концов, успешнее.

Так и в исполнении заповеди о браке. Затруднительность в исполнении ее создается потому и тогда, когда человек забывает Божий закон и путь жизни и сходит с них к компромиссу. Человек думает своим разумением и своим желанием поправить и восполнить жизнь, а в действительности он затуманивает истину своего пути, создает двойственность устремлений, сбивается, и в результате — уклонение от правды жизни, и жизненная ошибка, и страдание, и неудовлетворенность. Ошибкой начато, ошибкой и кончается.

Проследи это ближе к жизни. Проследи, как человек в вопросе брака захватывается компромиссом и как жизнь упрется в ошибку. Проследи самое формирование брака.

Разве в браке людьми исполняется воля Бога? Разве, стремясь к браку, человек отдается Промыслительной Руке и чистым сердцем ищет Ее водительства? Разве целомудренно охраняется девственность души и тела и трепетно ищется восполнение сродной жизнью по велению Бога? Разве в непорочности сердца откидываются ложные броски похоти, чтобы незатуманенными глазами души и тела увидеть направляющую Божью Десницу?

В заключение (формирование) брака чаще входила ошибка и искажала Божий путь жизни.

Что определяло брачный выбор? В преобладающем большинстве случаев брак определялся вспышкой и развитием физического чувства (влюбленностью), материальными соображениями (приданым), классовым и групповым подбором (свой человек) и пр. и пр. Когда все это выдвигалось на первый план в устройстве брака, тогда, конечно, искажалась Божья воля о жизни, в соединение людей вмешивался фактор случайный, ненужный, и, конечно, брачное соединение делалось условно прочным. В таком браке уже не было «прилепления» друг к другу, единства жизни, единства плоти и не было «сочетания от Бога». И стоило в такое совместное проживание войти какому-нибудь новому стороннему фактору: новой влюбленности, новому расчету, а то и просто разнузданному капризу, как здание брака, не имеющее гранитной прочности внутренней правды, трещало и разваливалось.

Так всегда оправдывалась истина: неправдой началось, неправдой кончается.

И, конечно, когда обозначалась подобная жизненная ошибка и люди начинали страдать от нее, они искали освободиться от тягости жизни в порывании брачных связей.

Да, собственно, брачных связей в таких случаях и не чувствова-

лось. Их и не было, потому что не было, собственно, брака. т. е. не было таинственного сочетания одного мужчины с одной «своей» и «единственной», сочетания, происходящего по велению Бога.

Вот почему люди с легким сердцем скидывали с своего пути случайное составленное, а иногда и преступно и греховно, внешне слепленное сожителство.

А Господь имеет в виду истинное сочетание душ и тел. Оно неразрывно, потому что разрыв в нем противоестествен (см. Мк. 10, 11). Вот почему и сказано: «Кто разведется с женою своею и женится на другой, тот прелюбодействует от нее».

И совершенно понятно, почему таковой «прелюбодействует»... потому что таинственный союз мужа и жены, сочетанных Богом, вечен, и когда муж соединяется с другой женщиной, находясь в союзе с «одной» и «единственной», тогда, конечно, он надругательствует над вечным союзом с одной, и он — прелюбодей. И опять-таки вот почему сказано: «прелюбодействует от нее» — потому что «одна» жива, и связана, и будет вечно связана с тем, кому она сочеталась Самим Богом.

Так вот почему непреложен закон брака. Он не допускает компромисса, и тогда он гарантирует достижение правды жизни и счастье.

Не посягай же на брак, потому что это посягательство на правду жизни. «Что Бог сочетал, того человек да не разлучает».

83

Истинно говорю вам: кто не примет Царствия Божия, как дитя, тот не войдет в него (Мк. 10, 15).

Ребенок — это образ возрожденного в Небесное Царство (см. Мк. 9, 36—37).

И тебе надо похоронить себя прежнего и греховного, возродиться к новой жизни духа, как ребенку... Надо стать ребенком по душе, и надо тебе усвоить все свойства ребенка: чистоту сердца, незлобие, простоту, всепрощение, целомудрие. И надо тебе потянуться к Божьему Царству, как тянется ребенок в сродную среду: просто, бесхитростно, неизменно и всей душой.

Тогда и ты будешь дитя Божьего Царства. И оно, конечно, будет принадлежать и тебе.

Итак, лаская детей, не забывай, что тебе надо быть по душе подобным им.

84

И обняв их (Господь детей), возложил руки на них и благословил их (Мк. 10, 16).

Так же будет ласкать и тебя, когда будешь ребенком. И тебя «обнимет» Господь веянием Святого Духа и распрострет над тобой Свою невидимую, охраняющую, направляющую и спасающую Руку. И под благословением этой Руки без вреда пройдешь путем жизни и успокоишься в блаженной обители любящего Небесного Отца.

85

Когда выходил Он (Господь) в путь, подбежал некто, пал пред Ним на колени и спросил Его: Учитель благий! что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную? Иисус сказал ему: что ты называешь Меня благим? Никто не благ, как только один Бог. Знаешь заповеди: не прелюбодействуй, не убивай, не кради, не лжесвидетельствуй, не обижай, почитай отца твоего и мать. Он же сказал Ему в ответ: Учитель! все это сохранил я от юности моей. Иисус, взглянув на него,

полюбил его и сказал ему: одного тебе недостает: пойди, всё, что имеешь, продай и раздай нищим, и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи, последуй за Мною, взяв крест. Он же, смутившись от сего слова, отошел с печалью, потому что у него было большое имение.

И, посмотрев вокруг, Иисус говорит ученикам Своим: как трудно имеющим богатство войти в Царствие Божие! Ученики ужаснулись от слов Его. Но Иисус опять говорит им в ответ: дети! как трудно надеющимся на богатство войти в Царствие Божие! Удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царствие Божие. Они же чрезвычайно изумлялись и говорили между собою: кто же может спастись? Иисус, возрев на них, говорит: человеку это невозможно, но не Богу; ибо все возможно Богу (Мк. 10, 17—27).

Здесь ключ к познанию следования за Христом... здесь одна из Божьих тайн.

Открой глаза сердца и тогда читай. И помолись, чтобы не были смежены твои душевные очи и заткнуты душевные уши для принятия Божьей истины.

Приходит ко Христу «некто». Евангелист так общо обозначает пришедшего, чтобы ты видел здесь типовой образ.

Пришедший оказался юношей, и богатым юношей, и, однако, Евангелист не называет его так. Помимо святого Марка, и евангелист Матфей в начале своего рассказа называет его «некто»: «Некто, подошед, сказал Ему...» (Мф. 19, 16).

Значит, тут типовое изображение пришедшего, он мог быть и не юноша, а зрелый муж... Он мог быть и не богатым...

Какими же типическими чертами наделяется пришедший?

Евангелисты оттеняют в нем черты молодости, а евангелист Матфей на протяжении своего повествования обозначает его и юношей (ст. 20 и 22). Следовательно, это был человек с юной, молодой душой. Она не закоснела... Она живет и дышит... Она стремительна до порывистости. «Некто» не просто подходит ко Христу, он «подбежал» к Нему.

Вот какая молодость и порывистость души! И порывистость молодой души подбегавшего направлена на высшее, что может искать человек, — на оправдание своей жизни. «Некто» — юноша не ищет наслаждений, не гонится за новыми приобретениями, не бежит за почестями, не манится славой... Он хочет знать: что же нужно для оправдания жизни? Он хочет научиться так устроить свою жизнь, чтоб конец ее был счастьем, чтоб достигнуть блаженной вечности.

Ради этой цели, высшей цели человеческой жизни, он ищет и порывисто бежит... А когда он нашел Учителя правды, он с горячностью умоляет открыть ему истину жизни. Вот почему и пал перед Ним (Иисусом) на колени и со всем захватом души просит: «Просвети... научи... как достойно жить?»

«Учитель благий! что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную?»

Итак, отметь в памяти, что устремлена ко Христу и ищет Его с горячностью молодая, неиспорченная душа. Лишь вечно юная душа, не одряхлевшая пороком, с упорством ищет правды жизни и стремглав бросается к ней... А когда найдет источник света, то не шадит себя, распространяется ниц, кажется, готова всё отдать, чтоб вымолить и обрести истину.

К такому порыву способна только чистая душа... Только она юна, потому что она сохранила чутье правды и она сохранила силы броситься к свету, где он мелькнет.

А грех старит душу. Он притупляет чутье правды и с ним размах души, и он обрезывает крылья души и наваливается на нее вечно тяготеющим бременем... И тогда для души уж нет выбора... и нет свободного броска, а душа, как бы пригнутая тяжестью греха, одряхлевшая

от разлагающих соков неправды, рабски плетется к своему мрачному концу, в свой тупик безвыходности, понукаемая своим господином — грехом.

Что же Христос? Как Он отвечает на мольбу научить жить?

На порыв обращенности молодой души, ищущей правды жизни, Господь отвечает как бы с сухостью: «Что ты называешь Меня благим? Никто не благ, как только один Бог».

Но здесь, конечно, не сухость. Тут призыв к углубленности, к большей сознательности самой обращенности. Своим ответом Христос увеличивает ответственность вопроса и значение ответа. «Ты ищешь у Меня истины жизни... ты называешь Меня благим... А бесконечно благ только Бог; значит, ты обращаешься к Богу... Мир не дал тебе истины... И ты просишь ее от благого Бога... Так помни это... Играть истинной нельзя... Принимай же ответ как высшую истину, как ответ Бога... И он обязателен... И его уж не минуешь... Он свяжет...»

Очевидно, что в естественной жизни, в жизни вне Христа, хотя бы и жизни богатой, т. е. наилучше обставленной и морально и физически, счастья и удовлетворенности нет... Они неуловимы... Вот почему и мечется хороший юноша... И когда ему пришлось отойти от Христа и возвращаться к своей хорошо обставленной жизни, он уходит «с печалью» (ст. 22), потому что знает, что он возвращается в наполненную пустоту и что он остается в безрадостности.

Очевидно, в естественной жизни, как бы она ни была идеальна, нет наполненности... И чуткая, не убитая грехом душа ищет завершения жизни... И она невольно рвется в поисках того, что должно войти и дать полноту и счастье законченности.

Что же это? Что? Что дает счастье законченности?

Отвечает Христос. Вникай, вникай!

Христос отвечает юноше: «Одного тебе недостает: пойдй, всё, что имеешь, продай и раздай нищим, и будешь иметь сокровище на небесах: и приходи, последуй за Мною, взяв крест» (Мк. 10, 21).

Итак, нужно только одно! Как просто! Для всего равновесия жизни, всего ее оправдания, всей полноты удовлетворенности и счастья надо только одно... Откидываются томы нагромождений человеческой мысли... Устраняются, как ненужные, все потуги человеческих исканий... Нужно только одно! Как проста истина!

«Продай... раздай... следуй за Мною, взяв крест».

Что это? Требование отказа от вещей? Всего внешнего? И опять: «возьми крест...» (срав. Мк. 8, 34—37).

Что же? Оправданию жизни мешает много денег или вообще внешность сама по себе? Ученики Христа вначале так и поняли было слова Учителя.

Когда юноша отошел с печалью, Господь, посмотрев вокруг и как бы улавливая мысли окружающих, говорит ученикам Своим: «Как трудно имеющим богатство войти в Царствие Божие!» (ст. 23). И ученики «ужаснулись от слов Его». Видно, ученики поняли так, что Учитель требует полного отречения, полного истребления всего внешнего, земного. Ну, как же это возможно для земных?! И они ужаснулись!

Тогда Господь проясняет их мысли. И с какою нежностью, с каким снисхождением к их стелющейся по земле мысли Он делает это! «Дети,— говорит Он,— как трудно. надеющимся на богатство войти в Царство Божие!» Господь разъясняет, что не в деньгах или вообще не во внешности самой по себе тут дело... Разве может быть грех в том, что у тебя в комнате будет лежать золото или какая-нибудь вещь? Греховна человеческая слабость, которая хочет вещь заполнить не только комнату, а самую жизнь... хочет вещь в жизни утвердиться и на вещи обосноваться, как на прочнейшей опоре... Значит, вот в какой момент рождается ошибка.

Когда происходит превратное перемещение ценностей, тогда и возникает грех. Господь потому так именно и уточняет Свою мысль: трудно войти в Божье Царство не имеющим золото, а надеющимся на золото, т. е. тем, кто золотом, вещью хочет в жизни утвердиться и оправдаться.

Но, сказав это уточнение, сказав, что в Царство Божье трудно войти не богатым, а надеющимся на богатство, Господь, однако, сейчас же с какой-то настойчивостью возвращается к своей первой формулировке суждения о богатом: «Удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царствие Божие»* (ст. 25). И надо добавить, что у евангелистов Матфея и Луки только эта формулировка и передается и совсем нет уточнения мысли о том, что не спасутся «надеющиеся» на богатство; у обоих Евангелистов, рассказывающих о событии, приводятся только слова Господа о трудности «богатому войти в Царство Небесное» (см. Мф. 19, 23—24; Лк. 18, 24—25).

Видимо, основная мысль Господа была именно такова, что богатым, т. е. обросшим внешним, трудно войти в Небесное Царство Отца.

И видимо, что Господь как бы даже намеренно не различает «богатого» от «надеющегося на богатство» и проводит между ними знак равенства. Как будто уточнение мысли о «надеющихся на богатство» было сделано только по снисхождению к человеческой мысли учеников, чтобы направить ее на понимание истины, а перед лицом Высшей Истины и Правды жизни то и другое состояние, т. е. состояние души в богатстве с ее состоянием надеянности на богатство, равнокачественны.

Как это понимать? В чем же дело?

Конечно, вещь сама по себе не может быть греховной, как нет греха и во всей совокупности вещей самих по себе, хотя бы взять их совокупность в масштабе всего мира. Но грех и зло, просочившиеся в человеческую жизнь, делают вещи своим орудием, и тогда вещами создается внешняя среда зла. И всякий человек через свои вещи, сродные названной среде зла, невольно втягивается в эту среду и невольно приращивается ей. Такова, например, среда зла денег, зла костюма... и проч., и проч., и проч. Это — во-первых.

А, во-вторых, вещи, безгрешные сами по себе, делают источником зла в силу немощности природы каждого человека. Когда человек облепляется и обрастает вещами, т. е. внешним, земным, он невольно подпадает их плену. Поступки, интересы, устремления человека невольно замыкают его в сжатый круг внешнего, и тогда происходит переключение ценностей, и человек безнадежно запутывается в ограниченной среде вещей и делается их слугой... Так, например, бывает в торговле, да же в искусстве и проч. и проч.

Таким образом незаметно происходит, что обладание вещью переходит в рабство вещи и именье вещи незаметно обращается в жизнь вещью и надеяние на нее.

Вот почему Господь и проводит равнодействующую между обладанием богатством и надеждой на него и ставит в одну линию удаленности от Божьего Царства надеющихся на богатство с имеющими богатство.

Господь смешивает в одну группу имеющих богатство и надеющихся на него, потому что внутренне, душевно, они стоят на одной линии, удаляющей от Божественного Царства.

Поэтому же отстраняется и богатый юноша. Не богатство само по себе оказалось препятствием идти за Христом для этой молодой и внутренне богатой души, а богатство как путь земли, путь внешнего, когда неминуемо создается «надеяние» на богатство, плен вещью, рабство ве-

* Узкие ворота в одной из стен Иерусалима назывались «Ушками иглы». От названия этих ворот Господь и берет свое сравнение.

шам... когда происходит незаметное всасывание в ценности внешнего... когда Божье исподволь и незаметно переключается в земное... Когда происходит обволакивание землею и человек весь устремляется по земному пути вещей, Божий путь становится далек, как нереальность.

Этим путем — плена вещью — шел юноша, и для него оказалось невозможным пойти за Христом, потому что вне пути вещи он не представлял себе жизни и, значит, не мог отказаться от вещей, чего требовал Христос.

Теперь ясно, чего же «одного» недоставало юноше. «Всё, что ты сказал о себе,— как бы говорил ему Господь,— хорошо... Ты чист перед законом, и ты сохранил заповеди, и мил ты Мне, но одного недостает, чтобы быть со Мною,— переключиться на Мой путь. Ты идешь путем земли, путем вещей... А конец его — вещи же... И ты останешься рабом вещи... А Мой путь — отличный от пути вещи... Это — путь духа... И потому, чтобы тебе стать на Мой путь, освободись от первого пути, т. е. освободись от вещи, а потому — продай!.. раздай!..»

Значит, чтобы стать на Божий путь, надо выкинуть из души всю землю, все вещи... Надо, чтобы между твоею душой и Богом не было никакого заслоняющего экрана земли...

Надо, чтобы даже ответ земли не падал на душу... Пусть всё притяжение души во всех ее отдаленных закоулочках будет вывернуто, и обнажено, и повернуто к Отцу Жизни и Света... И чтоб ничего не было в промежутке между душой и Богом, не только вещей... нет... даже чтоб тени вещей не было...

Господь ревнив... Уж если хочешь идти за Ним и любить, так иди и люби, и только Его и люби... и весь без остатка...

Вот, когда сделаешь это, тогда ты переключился на Божий путь, потому что ты исполнил первое — «продай... раздай!..», т. е. выкинул вещное, и ты исполнил второе — «будешь иметь сокровище на небесах», т. е. ты переместил центр тяжести в вечное, в область духа, и, значит, ты твердо стал на Божий путь...

Теперь ты можешь спокойно идти за Христом... Это путь нетлеющей, негнущейся жизни и бесконечной вечности.

Вот что было сказано юноше. Вот каков ключ спасительного пути... Вот что требует путь Христа...

И снова ужаснулись ученики. Учитель требовал выкинуть из душ и жизни всё вещное... А внешний человек живет в кругу вещей... и, кажется, не уйти от этого круга...

Ученики не мыслили себе этого ухода, и потому сказано о них, что они «чрезвычайно изумлялись» (ст. 26). Теперь учение Господа было ясно и для них, но оно было так кристально и возвышенно, что трепетало от него человеческое разумение.

Завершенную ясность словам давало новое упоминание о кресте: тогда (т. е. продав... раздав... обосновав сокровище на небе) «приходи, последуй за Мною, взяв крест».

Упоминание о кресте сближало настоящее слово Господа с Его же раннейшею речью об отвержении себя и взятии креста. Там требовалось отвергнуть себя, душу свою погубить и бросить себя в мусорную яму... Теперь предлагается отвернуться от вещей, от всего внешнего, погубить для себя и в себе весь мир вещей и его бросить туда же, т. е. в мусор же. Там ему и место.

Это было невероятно... Но это было так. И ничего не может быть другого, если ты хочешь идти за Христом Богом и любить Его, как требуется, т. е. всем сердцем, всею душою, всем разумением, всей крепостью твоей, т. е. всеми силами жизни (Мк. 12, 30). Вникай... Вникай...

Здесь не истребление вещей и даже не внешнее выведение человека из круга вещей, потому что это было бы убийством земли... А земля — все же творение Бога... Здесь не истребление вещей, а подчинение их

одному началу жизни, каким является Бог. Только Господь, только Христос, только любовь к Нему и следование за Ним остаются ежедневной всепоглощающей целью жизни... Всё другое только исполняет служебную роль в отношении этой главной и единственной цели. Все другие твои занятия, интересы, стремления, даже лучшая, идеальнейшая любовь, должны быть не целью сами по себе, а только орудием, средством в них и через них выполнить Божью волю о тебе и жизни в них, и через них послужить одной любви ко Христу и Богу. Такова должна быть служебная роль земного и вешного.

Значит, вещь ты можешь иметь и внешним можешь жить до отдачи ему всех твоих земных устремлений, например, в науке, искусстве, как и в других занятиях, но все твои вещные устремления пусть имеют только служебную роль в твоей жизни, т. е. через них служи одной правде жизни, через них оправдай свою жизнь... Словом, служи не им самим по себе, а в них и через них отдавай свое сердце и всю свою жизнь одному Богу.

Таким путем требуется внутренне выйти из круга вещей, не иметь в них никакой ценности, не задерживаться на них и частью души, а еще лучше — отвернуться от них и кинуть их вон из себя.

И так как это был призыв выйти из вечности, то ученики и называют его сверхсильным для человека... Ведь сам-то человек вещен! И, кажется, невозможно ему выйти из круга вещей. И в изумлении и трепете души спрашивали друг друга ученики: «Кто же может спастись, если таково требование к спасающемуся?»

Господь отвечает на это. Он соглашается с учениками. Да, говорит Господь, «человекам это невозможно».

Снова вникай в Господне слово. Он не сказал: «Это невозможно», т. е. что Его требование сверхъестественно и утопично и, значит, невыполнимо... Но говорит: «Человекам это невозможно», т. е. Он соглашается с учениками в оценке человеческой слабости и утверждает, что людям, в которых есть вешность, непосильно выполнить Его заповедь.

Полнее мысль Господа раскрывается так: для человеческой души выйти из круга вещей и совершенно возможно и даже должно, потому что душа должна быть духовна и безвещна, и потому Я и даю такую заповедь... Но вот греховной душе выйти непосильно, потому что грех и есть измена духовности души и погружение ее в вешность. А когда душа «погубит» себя греховную, чтобы найти себя возрожденною, тогда она, очищенная, и сможет выйти из вешного круга, потому что тогда в ней и с ней будет сила... Божья сила.

Ведь Божья сила спасает человека. Божья сила всемогуща... «Всё возможно Богу» (ст. 27).

86

И начал Петр говорить Ему (Христу): вот, мы оставили всё и последовали за Тобою (Что же будет нам? — Мф. 19, 27). Иисус сказал в ответ: истинно говорю вам (что вы, последовавшие за Мною,— в пакибытии, когда сядет Сын Человеческий на престоле славы Своей, сядете и вы на двенадцати престолах судить двенадцать колен израилевых — Мф. 19, 28): нет никого, кто оставил бы дом, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради Меня и Евангелия, и не получил бы ныне, во время сие, среди гонений, во сто крат более домов, и братьев, и сестер, и отцев, и матерей, и детей, и земель, а в веке грядущем жизни вечной (Мк. 10, 28—30).

Господь только что изложил учение об отвержении вещей, всего внешнего, чтобы очистить для души путь к Нему, как пламенный апостол Петр сейчас же предлагает вопрос: «Вот мы пренебрегли всем земным, всеми вещами, чтобы быть только с Тобой, как Ты и указываешь для Своих учеников. Что же нам будет?»

Не подумай, что это вопрос утилитариста, подсчитывающего свою награду и свой барыш. Какой же барыш и какая награда вещами для человека, уже бросившего все вещи в мусор?!

Это — вопрос веры. Это — вопрос непреложности Господних обетований.

Петр был восхищен, что его уход от вещного по любви ко Христу совпал с требованием Самого Христа, предъявляемым к любимому, и в порыве любви он хочет, чтобы Любящий еще и еще раз сказал, как же Он будет близок к ушедшим за Ним.

И Господь, конечно, видел, что это был вопрос веры и любви. Вот почему Он ни в чем не поправляет Петра, а как раз и отвечает ему тем, что хотело слышать сердце ученика.

«По любви ко Мне вы оставили вещное, чтобы ничто вещное не заслоняло Меня от ваших душ, чтобы быть только со Мной. Так будет с первого момента наступления Моего Царства славы, когда Я приду рассудить землю и сяду на престоле Моем. Тогда и вы, как соучастники Моей славы, сядете на двенадцати престолах, как и всякий побеждающий сядет со Мной на престоле Моем» (Откр. 3, 21).

И так как тогда будут обнажены все людские «советы сердечные» и все земное будет «наго и обнажено», и так как всем откроется Божья правда о земле и людях, то Божий суд по этой правде будет вместе с судом святых Божьих. Как участники Божьего суда, Божьи святые воскликнут тогда: «Спасение, и слава, и честь, и сила Господу нашему, ибо истинны и праведны суды Его!» (Откр. 19, 1—2).

Но Господь за Своими ближайшими учениками и апостолами обнимает Своею мыслью и любовью и весь бесчисленный сонм Своих будущих учеников и последователей, и их ласкает Своим Божественным обетованием.

И так как Господу виделась вся немощность человеческой природы, а вместе виделась вся тяжесть земных крестов Своих учеников, то Он объявляет, что Ему близка и земная судьба Своих учеников и что Он, как и в чуде насыщения хлебами, позаботился и о ней.

В пути креста тяжелы оставленность и одиночество. Когда в борьбе с миром греха за святость души иссякают человеческие силы, когда кругом видится пустыня... когда кругом теснятся звери и слышится звериный вой... когда в лучшем случае мимо тебя пройдет равнодушие... и ты совсем, совсем один в этой большой, шумной, мятущейся и чуждой, а то и враждебной тебе пустыне жизни... а твои силы, между тем, иссякают... уже тело измощено... и в душу прокрадывается уныние... тогда при всей твоей вере в истину твоего пути, при всем сознании, что не может же Бог ежечасно творить чудеса для поддержания твоего внешнего, ты всё же будешь изнемогать от своей как бы оставленности, брошенности и одиночества.

Ведь даже Сын Божий, изнемогая, по человечеству, от непереносимых страданий взывал к Отцу Небесному: «Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?» (Мф. 27, 46).

И вот, Господь, в предведении тяжести страданий крестного пути Своих учеников, предведении всей немощности человеческих сил, ныне венчает Своих будущих учеников и последователей обещанием прочной земной поддержки для них, чтобы не было у них чувства оставленности и одиночества.

«Вы бросили всё земное ради Меня и ради Небесного Царства... И Я знаю, что вам будет очень тяжело, но, как любящий Отец, заботясь и о вашем земном, Я говорю вам: не бойтесь... ваша награда велика... даже находясь на земле, вы не будете чувствовать, что вы что-то потеряли и чего-то лишились. Я сделаю так, что и на земле вы будете стократно награждены тем же «внешним», которое вы оставили ради Меня. А потому «истинно говорю вам: нет никого, кто оставил бы дом, или

братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради Меня и Евангелия, и не получил бы ныне... во сто крат более домов и братьев, и сестер, и отцов, и матерей, и детей, и земель»».

И разве тщетно Божие слово? Разве по любви ко Христу не представляются ныне для рабов Его сотни домов и не являются сотни братьев и сестер во Христе? И отцов, и матерей, и детей во Христе?

Помни это и свой долг христианской любви (совершаемый по слову Его: «По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою» — Ин. 13, 35) и долг служения Христу в лице своих братьев, совершаемый по слову Его: «Истинно говорю вам: так как вы сделали это (т. е. накормили, напоили, приняли, одели, больного и заключенного посетили) одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне» (Мф. 25, 40). Еще крепче утверждай себя мыслью, что ты делаешь это по обетованию Господню, ради укрепления Божьего Царства.

И уже после того как Господь, снисходя к человеческой немощности, утешил учеников обетованием земной поддержки, Он называет главное—вечное и небесное: «И не будет никого из последовавших за Мной, кто не получил бы в веке грядущем жизни вечной».

Так не только апостолы Господни, но и все, оставившие земное и с крестом ушедшие за Христом, делаются соучастниками Его Царства и Его славы.

«С Ним и царствовать будем»,— повторяет с Господом и святой Апостол (2 Тим. 2, 12).

87

Многие же будут первые последними, и последние первыми (Мк. 10, 31).

Опять образ противоположности мира земли как мира греха Царству Божию как Царству праведности. Ценное на земле бесценно для неба, первое на земле — последнее на небе. Поэтому же и раньше Господь сказал: «Кто хочет быть первым (в Царстве Божьем), будь из всех последним (на земле) и всем слугою» (Мк. 9, 35).

88

Когда были они (Христос с учениками) на пути, восходя в Иерусалим, Иисус шел впереди их, а они ужасались и, следуя за Ним, были в страхе. Подозвав двенадцать, Он опять начал им говорить о том, что будет с Ним: вот, мы восходим в Иерусалим, и Сын Человеческий предан будет первосвященникам и книжникам, и осудят Его на смерть, и предадут Его язычникам; и поругаются над Ним, и будут бить Его, и оплюют Его, и убьют Его; и в третий день воскреснет (Мк. 10, 32—34).

Тут картинное начертание Креста.

Первый крестоносец — Христос Господь «восходит» в Иерусалим, Иерусалим страданий, венца и славы. Путь к нему — в гору... Это — путь подвига... И Христос «восходит» в Иерусалим.

И как будто тайна Креста заполнила всё существо Человека Христа, и Он не принадлежит Себе. Он влечется к Голгофе... Здесь неведомая, непостижимая, сладкая и страшная Божья сила... Вот почему Христос уже оторвался от учеников... Он один... И Он влечется к Кресту и Голгофе.

Здесь великая Божья тайна и сила... Она — как непреодолимая стихия... Она уже вынесла Человека Христа вперед и оторвала от земли, и Он поднимается к Иерусалиму страданий.

И фигура Христа становилась титанической... И осязаемо обвевала ее сверхземная сила...

«Иисус шел вперед их». Вот почему учащенно билось сердце учеников: их коснулась и захватила непостижимая влекущая стихия... И они затрепетали, ибо чувствовали, что перед ними глубинная тайна, хотя они и не понимают ее.

Их кроткий Учитель совсем уж не тот... Он оторвался от них... Быть может, в последних лучах исчезающего света, идущий впереди, Он виделся им колоссом.

А Его сосредоточенная замкнутость говорила им, что Он уже не принадлежит Себе, что Он «влечется», что здесь невидимо присутствует Сам Небесный Отец и Небесные Силы.

И ученики безмолвные, покоренные тайной, коснувшейся их, влеклись поодаль за Ним с трепетающими сердцами. «А они ужасались и, следуя за Ним, были в страхе».

Господь посвящает учеников в тайну, обвеявшую их. Он подзывает к Себе двенадцать и говорит им, что в Иерусалиме Он будет предан, поруган, оплеван, осужден на смерть и убит. Но пусть также знают ученики, что всему этому унижению надлежит быть, что здесь, в Его кресте,—тайна Его славы, так как в третий день по смерти наступит Его победа и торжество: Он воскреснет...

И ты присоединись к ученикам, ужаснись умом, вострепещи сердцем, чтоб овечься тебе тайной Креста, чтоб влил ее Господь и в твою душу, потому что для ученика Христова пройти путем Креста неминуемо.

Вот и тебе на пути своего креста неминуемо идти в гору, неминуемо подвигом, бореньями восходить в Иерусалим своих страданий и своей славы. И в предчувствии тяжести креста ты, как и апостолы, исполнишься ужасом и содрогнется твое человеческое сердце. Так молись же Христу, чтобы Он Сам сопутствовал тебе, Сам даровал тебе Божественную помощь и чтоб ты повлекся, обвеянный могучей силой. Молись, чтоб бесстрашно взойти тебе за Христом и с Ним в Иерусалим своих страстей (страданий), подняться на очистительную Голгофу, а через нее приобщиться к Божественному Воскресению, восстать и соцарствовать вечно Богу и Отцу.

89

Тогда подошли к Нему сыновья Зеведеевы Иаков и Иоанн и сказали: Учитель! мы желаем, чтобы Ты сделал нам, о чем попросим. Он сказал им: что хотите, чтобы Я сделал вам? Они сказали Ему: дай нам сесть у Тебя, одному по правую сторону, а другому по левую, в славе Твоей. Но Иисус сказал им: не знаете, чего просите; можете ли пить чашу, которую Я пью, и креститься крещением, которым Я крещусь? Они отвечали: можем. Иисус же сказал им: чашу, которую Я пью, будете пить, и крещением, которым Я крещусь, будете креститься; а дать сесть у Меня по правую сторону и по левую — не от Меня зависит, но кому уготовано (Мк. 10, 35—40).

Опять просьба любви. И совсем естественная просьба!

Ну, кто же не хочет быть ближе к любимому? Только о близости к Любимому ученики мыслят по-земному. Они думают, что близость по любви раздается как внешняя награда. Одного — посадить по правую сторону, другого — по левую сторону...

А так как это была просьба любви, а не происки тщеславия, то Господь не отклоняет с негодованием самой просьбы, как Он с негодованием отверг человеческие мысли Петра, извращавшие Его учение (Мк. 8, 33), а с терпеливостью выправляет ошибочный взгляд учеников.

Значит, желание любви, желание быть ближе не устраняется, но искательству любви указывается лучшая, высшая форма и лучший способ достигнуть искомого.

Господь выясняет, что нужно для близости к Нему по любви.

Для этого нужна внутренняя близость. А внутреннюю близость создает единство пути ученика с Христовым путем.

И Господь указывает всю неминуемость единства пути для любящего и ушедшего за Ним. Путь Христа — путь Креста и страданий, и когда ученик пойдет по тому же пути, он сольется душой со Христом.

Вот Господь и говорит, что для Иакова и Иоанна, раз они идут за Ним, неминуемо пить чашу, которую Он пьет, и креститься крещением, которым Он крещается. «Чашу, которую Я пью, будете (неминуемо будете) пить, и крещением, которым Я крещусь, будете (неминуемо будете) креститься...»

Конечно, под чашей Христос разумел чашу страданий, а под крещением — крещение огнем подвига. Ты уже знаешь, что то и другое (страдания и подвиг) неразлучны с христианским путем (срав. Мк. 8, 34, 9, 49), и, значит, всякий, кто идет путем подвига и страданий, идет за Христом и чем решительнее он идет, тем он ближе ко Христу, потому что Христос на этом же пути, и, следовательно, таковой как бы приближается ко Христу.

Так единство пути создает внутреннюю близость ко Христу, и так рост близости определяется степенью продвижения ученика к Учителю и Господу. Ты больше прошел путем подвига, и ты больше внутренне усвоил Христа, больше приблизил к Нему свое сердце — и, конечно, Он ближе к тебе.

Значит, не внешняя награда и не внешнее дарование обеспечивает первое место у Господа. И даже не Господь дарит это место, почему Он и сказал: «Дать сесть у Меня по правую сторону и по левую — не от Меня зависит» (ст. 40). А зависит это от идущего и приближающегося.

А нелицеприятный Божий суд только констатирует (свидетельствует) успех достигнувшего и степень его близости. А так как в предвечной мысли Отца Небесного, по Божественному Предведению, известны все земные подвижники, бегущие на ристалище к Божьему Царству, и ведома степень их душевных достижений, то «первые» достигающие, конечно, уже определились для Божьего суда и таковые как бы «уготовались», хотя бы они еще и не родились.

Вот почему и добавил Господь: «Дать сесть у Меня по правую сторону и по левую — не от Меня зависит, но кому уготовано» (Мк. 10, 40).

90

И, услышав, десять начали негодовать на Иакова и Иоанна. Иисус же, подозвав их, сказал им: вы знаете, что почитаемые князьями народов господствуют над ними, и вельможи их властвуют ими; но между вами да не будет так: а кто хочет быть большим между вами, да будет вам слугою; и кто хочет быть первым между вами, да будет всем рабом; ибо и Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих (Мк. 10, 41—45).

Почему бы и им не сидеть по правую и левую сторону? Разве они меньше любят?

Если бы десять действительно понимали, что Иаков и Иоанн сами не знают, чего просят, и, значит, если б они негодовали на неуместность просьбы двоих, то Господу не потребовалось бы выправлять и их ошибочную мысль, а следовало бы похвалить их истинность.

Между тем Господь подзывает негодующих и, проясняя их мысли, всем ученикам еще раз раскрывает учение о непохожести Своего Царства на царства земные и о разности порядков обоих царств.

В соответствии со сказанным раньше о противоположности мира неба миру земли (срав. Мк. 10, 31 и далее), Господь сейчас уясняет ученикам, что в то время как первые на земле добиваются повелевать

и властвовать, первые на небе — это вменившие земную славу, почет, власть как мусор. Первые на небе — это не властвующие по силе, а служащие всем по любви.

А так как готовящиеся к Небесному Царству и на земле руководствуются Божьим законом, то их и земные обычаи отличны от обычаев сынов земли. Отсюда и на земле: «Кто хочет быть большим между вами, да будет вам слугою, и кто хочет быть первым между вами, да будет всем рабом».

Сейчас Господь присоединяет и новый мотив для Своих учеников — не держаться порядков земли, а проводить в жизнь Божий порядок.

Этот мотив — личный пример Христа. «Сын Человеческий», т. е. Господь, Он ли не первый для людей и среди людей? Он же Спаситель людей, их Бог.

И однако, Он, сообразно сущности Своего дела и Царства, сообразно закону любви, пришел не затем, чтобы Ему величаться и принимать служение и почитание от других, как это следовало бы по земному порядку, а пришел Сам послужить другим и отдать жизнь за спасение многих.

91

Когда выходил Он (Господь) из Иерихона с учениками Своими и множеством народа, Вартимей, сын Тимеев, слепой сидел у дороги, прося милостыни. Услышав, что это Иисус Назорей, он начал кричать и говорить: Иисус, Сын Давидов! помилуй меня. Многие заставляли его молчать; но он еще более стал кричать: Сын Давидов! помилуй меня. Иисус остановился и велел его позвать. Зовут слепого и говорят ему: не бойся, вставай, зовет тебя. Он сбросил с себя верхнюю одежду, встал и пришел к Иисусу. Отвечая ему, Иисус спросил: чего ты хочешь от Меня? Слепой сказал Ему: Учитель! чтобы мне прозреть. Иисус сказал ему: иди, вера твоя спасла тебя. И он тотчас прозрел и пошел за Иисусом по дороге (Мк. 10, 46—52).

Дорога в Иерихон — разбойничье место (см. Лк. 10, 30). Она является образом пути греха.

Сейчас Господь идет из Иерихона, и при Его дороге, ведущей из Иерихона, сидит слепой и просит милостыню.

Здесь всё образно. Здесь образ души, отошедшей от пути греха и сидящей при Христовом пути.

Евангельский рассказ и такую душу представляет слепой. Она не может свободно идти по дороге. Она прикована в неподвижности и сидит... просит милостыни и поддерживает себя милостыней.

А это хорошая душа... Она отошла от опустошительного пути греха. И она находится при Божьем пути... Но всё же у нее закрыты глаза сердца, и она слепая... И Божий путь ничего не дает ей... Она и не видит его... Скованная внутренней темнотой, она топчется на одном месте... И не зажегся еще для нее Евангельский Свет, и нет у нее радости движения на пути ко Христу... Она скована в духовной неподвижности своей внутренней темнотой и бесплодно для себя сидит у Христовой дороги...

А так как питание нужно всякой душе, то она и протягивает руки за милостыней и питается случайными и ничтожными человеческими обрывками мысли, чувства, вещей. И, конечно, от этой придорожной милостыни и не пропадает слепота и нет наполненности жизни.

Много таких душ!

Вот такой-то душе Христос открывает глаза сердца, чтобы она загорелась, и стала жить, и озарилась лучезарным Светом Христа и Его истин, и в этом Свете задвигалась в радости на Христовом пути.

Как же совершается это внутреннее озарение?

Душа, желающая, чтобы внутри нее открылся Свет Христа, много, много просит Христа о том... Она вопиет к Нему неустанно... вопиет с настойчивостью до крика, как вопиял ко Христу слепец Вартимей.

Пусть такую душу, ищущую открытия в ней Света Христова, не ослабляют месяцы, даже годы кажущейся бесплодности ее усилий загореться огнем Христа. Пусть она преодолагает усталость, пусть попирает безрадостность и с неустанной обращенностью ко Христу пусть зовет Его и вопиет без конца, чтобы пришел и открыл ей глаза сердца.

Душу, рвущуюся за Божественным озарением, будет останавливать всё окружающее. Ее будут останавливать и снисходительными улыбками, и рассуждениями, и поправками, и насмешками, и угрозами... Ей будут говорить, что ее влечение несвоевременно и только повредит всем, и что оно неразумно, что это узкий фанатизм, маньячество и просто ненормальность.

Так же заставляли молчать Вартимея, когда он звал Христа. А душа пусть всё же ищет и рвется ко Христу, чтобы Он пришел и вселился в нее.

Тогда Господь останавливается возле души и велит позвать ее к Себе, чтобы совсем была рядом с Ним.

Внимай этому последнему зову.

Часто он слышится в обстоятельствах жизни. Тогда не медли... Подражай Вартимею. Он вслед за зовом сбрасывает верхнюю одежду... встает... идет... И ты сбрось верхнюю одежду. Верхняя одежда, как ее носили в древности, связывала члены тела, мешала полной свободе движений... Значит, надо сбросить и обрезать всё внешнее, связывающее с землей, лишаящее душу свободы парения к Богу.

А потом тебе, освободившемуся от земли, надо встать и пойти по Христову пути, навстречу Христу, т. е. надо и делами и жизнью пойти по Христовой дороге, хотя бы спотыкаясь и падая, как спотыкаются слепые.

Значит, надо быть не «при пути Христовом», не «при Церкви», не при Евангелии, а смело и бодро пойти дорогой Христовой, идти с Церковью как живому члену ее, идти с Евангелием в сердце.

Тогда, как только осяжешь на дороге Христа, моли Его: «Учитель, хочу, чтобы мне прозреть». И по вере твоей и по дерзновению веры Господь исполнит твою мольбу.

Ты внутренне прозреешь. Тебе откроется вся зовущая любовь Христа... Откроется Его истина... Откроется правда и счастье Его пути... И ты уж не отстанешь от Христа, а в бодрой радости пойдешь за Ним по светлой дороге спасенья, как пошел за Ним прозревший слепой.

Когда приблизились к Иерусалиму, к Виффагии и Вифании, к горе Елеонской, Иисус посылает двух из учеников Своих и говорит им: пойдите в селение, которое прямо перед вами; входя в него, тотчас найдете привязанного молодого осла, на которого никто из людей не садился; отвязав его, приведите. И если кто скажет вам: что вы это делаете? — отвечайте, что он надобен Господу; и тотчас пошлет его сюда... И привели осленка к Иисусу, и возложили на него одежды свои; Иисус сел на него. Многие же постилали одежды свои по дороге, а другие резали ветви с деревьев и постилали по дороге. И предшествовавшие и сопровождавшие восклицали: осанна! благословен Грядущий во имя Господне! Благословенно грядущее во имя Господа царство отца нашего Давида! осанна в вышних! (Мк. 11, 1—3, 7—10).

И некоторые фарисеи из среды народа сказали Ему: Учитель! запрети ученикам Твоим. Но Он сказал им в ответ: сказываю вам, что если они умолкнут, то камни возопиют. И ког-

да приблизился к городу, то, смотря на него, заплакал о нем и сказал: о, если бы и ты хотя в сей твой день узнал, что служит к миру твоему! Но это сокрыто ныне от глаз твоих, ибо придут на тебя дни, когда враги твои обложат тебя окопами, и окружают тебя, и стеснят тебя отовсюду, и разорят тебя, и побьют детей твоих в тебе, и не оставят в тебе камня на камне за то, что ты не узнал времени посещения твоего (Лк. 19, 39—44).

Пришли в Иерусалим. Иисус, войдя в храм, начал выгонять продающих и покупающих в храме; и столы меновщиков и скамьи продающих голубей опрокинул; и не позволял, чтобы кто пронес через храм какую-либо вещь. И учил их, говоря: не написано ли: дом Мой домом молитвы наречется для всех народов? а вы сделали его вертепом разбойников (Мк. 11, 15—17).

Дни страданий, смерти и славы Господа — это неизгладимые образы для души, совершающей свой подвиг. В них всё велико и захватывающе! Их надо принять умом сердца, потому что слов обычного ума не хватит, чтоб рассказать о них.

А потому опять: молись в смирении, чтоб открылись глаза твоего сердца, чтоб оно познало Божью истину, чтоб она крепко вошла туда.

Страдания и за ними слава Христа совершаются в Иерусалиме.

Иерусалим становится образным обозначением конца подвижнического пути, завершения страданий и венчания подвижника. Иерусалим — это концентрация подвига и страданий и венчание подвига Царством Господа.

К Иерусалиму ведет горная, поднимающаяся вверх дорога... В Иерусалим «восходит» и Господь (см. Мк. 10, 33 и др.).

Значит, в полосу подвижнических страданий входят, приготавливаясь к тому. Идут горной дорогой... Оставляют позади себя низину греха и падений... Поднимаются каменистой дорогой: это — насилие над собой, преодоление тела, борьба за исполнение Божьего закона. Поднимаются вверх от низины падений, чтобы очистить сердце, чтобы легче было дышать... На высоте — чистый воздух...

Так душа на дороге к Иерусалиму приуготовляется к подвигу страданий. И приуготовление — дело большое. Души не сразу становятся перед воротами Иерусалима.

И Господь не сразу вступил в Иерусалим страданий. Когда некоторые из фарисеев предупредили Христа о том, что Ирод ищет убить Его, Господь сказал предупредившим: «Пойдите, скажите этой лисице: се, изгоняю бесов и совершаю исцеления сегодня и завтра, и в третий день кончу» (Лк. 13, 32).

В этих словах Господь указал, что для Его Иерусалима страданий и смерти еще не пришел час... И не Ироду определять наступление этого часа... Он в воле Отца... Когда Отец позовет на час страданий, тогда он и совершится...

А до того Сын должен творить волю Отца и исполнить положенное Ему дело служения.

Вот почему и в других случаях Господь уклоняется от грозившей Ему опасности преждевременного прекращения Его служения (см. Лк. 4, 29—30).

Так и верующая душа не ищет сама на каждом шагу броситься в огненный Иерусалим страданий, а прежде всего и больше всего стремится исполнить Божью волю о жизни и выполнении Господнего закона, поднимается по очистительной каменистой дороге, ведущей от долины греха к Иерусалиму.

А когда пробьет ее час, когда надлежит совершиться Божественному определению, тогда душа и вступит в Иерусалим последнего подвига, страданий, венца.

Путь в Иерусалим как исполнение воли Бога уже сам по себе

есть отдача своей жизни Всемогущему, и когда он завершается, когда предощущается зов в Иерусалим, тогда душа переживает радость конца, радость завершения всех желаний, хотя бы через слезы и муки, радость с Господом навеки.

Потому вход в Иерусалим есть торжество. Это — величайший праздник души. И Господь вступает в Иерусалим как никогда торжественно. Он делает вход в Иерусалим торжеством... Господь вступает как Победитель, исполнивший волю Отца и грядущий к ее завершению... как Царь, имеющий быть увенчанным.

По Его дороге постилают одежды, и Он принимает это как должное... Его путь украшают зеленью, бросая ее под ноги, и Он принимает это как достойное...

Итак, вход в Иерусалим последнего подвига, страданий, венца есть праздник души... И она, исполненная накопленной внутренней силы, пусть торжествует... Она уже победительница!.. Так пусть же ее подвигу подчинится и служит все человеческое (постилание одежд), и пусть служит ее подвигу вечное, природное, земное (бросание ветвей по дороге).

Каковы же свойства души, готовящейся вступить в Иерусалим?

Отвечает Господь Своим Божественным входом.

В Своем Божественном входе в Иерусалим Господь, прежде всего, указывает, что Он только послушный Исполнитель воли Отца. Иерусалим страданий предначертан... Всё совершается по Высшей воле... Совершается с неизбежностью... И все причастные к этому делу — это безмолвные исполнители Божественной воли... Всё земное подчинится ей.

Смотри, как исполняется предначертанное. Господь посылает в селение двух учеников. При входе в селение они находят привязанного осла, как и указал им Господь. Отвязывают... А когда хозяева осла спрашивают учеников: «Что же вы делаете? Ведь вы берете чужое», — ученики отвечают согласно указанию Христа: «Он надобен Господу...» и уводят... И инцидент исчерпан... Никакого смущения в учениках, что они берут чужое... Никакого возражения от владельцев осла, хотя на их же глазах незнакомые люди уводят их скотину...

Тут предначертанное... И те и другие — исполнители Высшей воли... И еще. Когда фарисеи сказали Господу, чтобы Он запретил Своим ученикам приветствовать Его возгласами: «Благословен Царь, грядущий во имя Господне!», Христос отвечал фарисеям: «Если они (ученики) умолкнут, то камни возопиют» (Лк. 19, 39—40).

Этим ответом Господь еще раз указывает, что с Его входом в Иерусалим наступил момент, когда исполняется Высшая воля о Нем, и если не люди, то даже неразумная природа может, по указанию Небесного Отца, стать выразительницей этой воли.

Так и для души, идущей в Иерусалим, прежде всего, нужна полная отдача себя Богу... нужно такое безотчетное, исчерпывающее предание себя в Божественную волю, чтобы в каждом шаге пути душа видела Божественный Промысл и в каждом моменте жизни осязала невидимую руководствующую Божественную Силу.

Из этого первого свойства подвижнической души — полного предания себя в Божью волю — неизбежно вытекает второе, это свойство — смирение.

Господь и Бог, Царь славы, Спаситель всей вселенной, Судья всего мира, идет к открытию Своего славного Царства. И идет Он не в пышной церемонии царедворцев, не в блеске золота и камней, не на драгоценной колеснице редких коней, не под неумолкающие звуки литавр и переливчатый гул радостных, волнующихся тысячных толп народа, а идет Он на бедном ослике, в обычном скромном наряде и сопровождает горсткой учеников — таких же бедняков, как Сам.

Так же смиренна должна быть душа, идущая к своему Иерусалиму. Она познала себя... Она познала всё бесконечное убожество естественного человека... всё свое внутреннее ничтожество и всю никчемность своих усилий подняться над своей ограниченностью. Она познала жизнь вокруг себя, сотканную или из борьбы человеческих самостей, или из ничтожных сплетений человеческой ограниченности и мелкого эгоизма, направленных только на внешнее...

Она познала естественного человека, в лучшем случае как раскрашенный гроб, а вещи как мусор. И что же осталось единственным просветом для нее, как не Бог? И что осталось путем жизни, как не отказ от всего естественно-человеческого и от вещей, повержение себя пред Богом в прах, в ничто и безоговорочная, смиренная отдача себя Богу, Который бы Своей великой рукой — чрез очистительный подвиг, чрез очистительную дорогу к Иерусалиму страданий — привел бы человека к единственно достойной жизни по «новому человеку», по «второму Адаму» — Христу.

Итак, один путь для человека — смиряющий отказ от всей земли и от себя, смиряющее изничтожение себя и мира греха и смиренная отдача всего себя целиком, без остатка в волю Бога.

Пусть будет благословенна Его всемогущая воля... И пусть совершится в Его воле оправдание моей жизни, хотя бы и чрез очистительный и скорбный путь Иерусалима.

Господь указывает и третье свойство души подвижника на Иерусалимском пути — подчинение животной природы духу.

Господь при входе в Иерусалим садится на животное — осла и заставляет его подчиниться Себе. Животное всегда является образом человеческой плотноты, животности, греховного неразумия.

Вот эта-то человеческая плотность, животность, греховное неразумие и должны быть у путника в Иерусалим подчинены духу. Дух должен господствовать, повелевать, властвовать, а животное тело и с ним всё внешнее, земное должно быть под ним, оседланное, связанное и всецело подчиненное.

Таковы три свойства души подвижника, вступающего в Иерусалим.

Далее, событие входа Господня дает образное указание значения входа в Иерусалим. Мысль об этом значении сначала раскрывается с обратной стороны, т. е. Господь раскрывает мрачную судьбу отвергнувших вход в Иерусалим.

Жители тогдашнего Иерусалима не приняли Господа. Их души после всего слышанного и виденного от Христа оставались закрытыми... Они коснели в духовной беспечности, и где же им было подняться до понимания и принятия подвига?

И Господь заплакал о них, смотря на бесчувствие города. «О, если бы и ты хотя в сей твой день узнал, что служит к миру твоему! Но это сокрыто ныне от глаз твоих».

И в слезах Господь открывает завесу будущего и показывает картину гибели духовно мертвых: «Придут на тебя дни, когда враги твои обложат тебя окопами, и окружают тебя, и стеснят тебя отовсюду, и разорят тебя, и побьют детей твоих в тебе, и не оставят в тебе камня на камне за то, что ты не узнал времени посещения твоего» (Лк. 19, 43—44).

Такова же судьба души, отвернувшийся от пути к Иерусалиму и в духовном бесчувствии не принявшей Божьего зова на подвиг.

Так как подвиг в жизни христианина неизбежен (Мк. 8, 34), так как очистительные страдания есть обязательный для христианина Христов путь (срав. Мк. 10, 39), то, следовательно, зов жизни на подвиг и страдания за Христа будет самим Божиим посещением человека, которым Господь зовет за Собой и на Свой путь. Зов жизни на подвиг и страдания во имя Христа будет показателем Божьей любви к человеку..

показателем не оставленности человека Богом, а особенной близости Господа к душе и особой заботливости Христа о любимой и избранной, чтоб осолить ее огнем подвига и сделать ее золотом, очищенным в гор- не страданий (срав. Мк. 9, 49).

Итак, подвиг и страдания есть Божье посещение... А потому разве не горе душе, если она не поймет и не примет своего подвига? Горе... Горе! Ведь она отвернулась от Самого Христа, пришедшего за ней и протянувшего ей руки. Вот почему и прослезился Господь над душами, не понявшими дня Его посещения.

Горе, горе душе, не понявшей в страданиях Божьего посещения и зова на подвиг!.. Она сама отвернулась от Христа... Не поняла она, что служит к ее жизни и к ее миру... Потому что она спит в духовной беспечности, и закрыты глаза ее сердца (Лк. 19, 42).

И Господь уйдет от нее и, быть может, навсегда... «Се, оставляется вам дом ваш пуст... Сказываю вам: не увидите Меня отныне, доколе не воскликнете: благословен Грядый во имя Господне!» (Мф. 23, 38—39).

Дом души, отвернувшейся от Христа, оставляется пустым. Снимается его охрана, разбирается его ограждение... И тогда наступают дни, когда «враги обложат тебя (душу) окопами, и окружают тебя, и стеснят тебя отовсюду». Тогда грех, освобожденный от связи, развернется во всю ширь и высь и окружит душу своими сетями, как окопами... И обложит душу липкою паутиною, и станет она, как в плену врага, изолированная от чистоты и свободы... И наступит в душе такая теснота от зла («стеснят тебя»), что дышать нечем, жить нечем...

Так будет пленена злом душа, оставленная Богом. А после того придется гибнуть. Как всякий организм живет чистым воздухом и светом, так и душа живет светом правды и воздухом чистоты. Лишенная притока того и другого, она гибнет...

И следовательно, когда в душу, облепленную злом и изолированную от правды, прекратится ток живительной силы, она умирает. «Враги разорят тебя...» Они опустошат в тебе последние остатки жизни... «И побьют детей твоих». Они уничтожат все, даже самые хилые ростки света и добра...

«И не оставят в тебе камня на камне за то, что ты не узнал времени посещения твоего...» Они потрясут в тебе все основы жизни, и под обломками падающих опор жизни ты погибнешь сама, потому что ты уже сама стала мертвой гнилушкой, и твоя единственная участь — рассыпаться в пыль и смешаться с пылью.

И это неизбежно случится, потому что ты стала глухой до бесчувственности... не приняла зовов к подвигу, уклонилась или обесмыслила очистительное страдание и всем этим выключилась из питательной среды общения с миром жизни, сама отвернулась от Христа, не поняв и не приняв дня Его посещения.

И остается в запустении дом души и стал вертепом разбойников, подгнили его опоры и погребли тебя под своею смрадною гнилью.

Сказавши о гибельности непринятия подвига и страданий, Божественное Слово открывает положительную сторону следствия подвижнического пути... Это следствие — восприятие душой внутренней силы веры и дерзновения по вере.

Христос как царственный и вместе смиренный Исполнитель Отеческой воли, в сознании непреложности совершающегося, входит в Иерусалим. В Иерусалиме Он вступает во храм и здесь проявляет всю силу дерзновения. Охваченный ревностью о святости храма и видя его поругание, Господь, как имеющий власть, выгоняет из него продающих, покупающих, опрокидывает столы меновщиков и скамьи продающих голубей*.

* По святому евангелисту Марку, это было на другой день по входе.

С дерзновенной силой Господь встает на защиту храма, обращавшегося в вертеп разбойников, властно гонит оскорбителей святыни. И все безмолвно подчиняются Ему.

Такой же силой дерзновения исполняется душа, идущая путем подвига. Божественная помощь, сила внутреннего Света, сила внутренней чистоты дают ей непоколебимую внутреннюю устойчивость. Господь близок ее сердцу... Божья правда есть ее жизнь и дыхание, и путь правды для нее только удовлетворение и радость, и никто и ничто не сдвинет ее с этого пути.

А если бы оказалось препятствие, она с внутренней силой дерзновения, настойчиво пройдет через него, не только не теряя в силе обращенности ко Христу, а как будто еще более распаляясь любовью к одному своему Спасителю и Господу.

Являясь результатом подвига, сила дерзновения как Божественный дар молитвы и чистоты жизни уготовляет душу на еще больший подвиг во имя Христа, на подвиг страданий, Голгофы и самой смерти. Как и для Христа подвижнический скорбный путь в Иерусалиме закончился Голгофой и смертью на кресте.

Так подвиг обращается в силу жить и страдать... Страдать без уныния, в мужестве, в вере, в уповании, в радости... Так подвиг обращается в праздник души... Как вход в Иерусалим страданий обращен был Господом в величайшее торжество Своей жизни, так же будет неисчерпаемо велик праздник души, грядущей в свой Иерусалим...

И ей, невидимо сопровождаемой всеми детьми небесными, ей, сопутствуемой взорами несметных ангелов, окружаемой молитвами святых всей вселенной, ей, благословляемой вздохами и слезами земных подвижников, ей, под ноги которой постилалась, подчинившись, вся земная жизнь (постилание одежд), ей, которую приветствует чающая освобождения природа (ветви деревьев по дороге), пусть слышится на ее пути таинственный и покоряющий шум неба и земли: «Благословенна идущая во имя Господне!»

Ее же уста в молитвенном экстазе пусть неслышно отвечают одним — одним сладчайшим воздыханием: «Благословенно грядущее Царство Отца нашего» (Мк. 11, 10).

93

На другой день, когда они (Христос с учениками), вышли из Вифании. Он взалкал; и, увидев издалека смоковницу, покрытую листьями, пошел, не найдет ли чего на ней; но, придя к ней, ничего не нашел, кроме листьев; ибо еще не время было собирания смокв. И сказал ей Иисус: отныне да не вкушает никто от тебя плода вовек! И слышали то ученики Его...

Потру, проходя мимо, увидели, что смоковница засохла до корня. И, вспомнив (вчера), Петр говорит Ему: Равви! посмотри, смоковница, которую Ты проклял, засохла (Мк 11, 12—14, 20—21).

Засохшая смоковница — это классический образ духовно бесплодной души. Такая душа имеет всю видимость жизни. Она, как смоковница, зеленеет и покрыта листьями, т. е. она имеет все внешние обнаружения жизни: суетится, внешне убирается, как будто чего-то достигает и прочее.

Но как в бесплодной смоковнице нет соков жизни и она бессильна дать плод, так и в бесплодной душе при обычной внешности жизни нет силы жизни и нет у нее плодов. Она бесплодна для себя, потому что нет у нее роста и счастья достижения. И она бесплодна для окружающего, потому что не имеет ничего в себе. Что же она может оставить после себя?

И вот такая душа гибнет... Мало того, она проклинается...

Ученики Христа именно так, проклятием называют прещение Господа, обращенное на смоковницу. Прещение показывает, что смоковница, лишенная плодов, осуждается, обрекается на вечное бесплодие, в ней замирает жизнь, и она сохнет.

Так и душа, созданная для цветения и плодоношения, когда застывает во внутреннем бесплодии, тогда над ней изрекается приговор вечной безжизненности, приговор смерти. Она осуждается и, конечно, должна погибнуть и гибнет.

Печальный конец печальной жизни. Он трагичен потому, что с житейской точки зрения он неожидан и как бы даже незаслужен и несправедлив.

Ведь наружно идет самая нормальная человеческая жизнь. И как будто всё в ней в порядке... Жизнь имеет всю видимость жизни... Она даже внешне привлекательна... Как Евангельская смоковница была покрыта листьями, пышной зеленью и манила и обещала удовлетворение, так и человеческая жизнь течет как будто в полном довольстве... имеет всю наружную видимость... и со стороны даже прельщает и манит, обещает наслаждение и радость.

И вдруг подходит к такой жизни нелюбимый Судья и в один миг изрекает приговор: «Да в тебе и жизни-то нет... одна декорация... одна видимость жизни... хоть ты и стоишь, а внутри ты уже мертвая... Потому ты и бесплодная... И конец для тебя один. Спадет твоя видимость, облетят твои листья и обнаружится твоя сущность... Обнажится, что ничего и не было под листьями, что ты мертва... И так как ты фальшиво жила и вводила в обман других, то пусть пресечется твоя ложь...»

И гибнет обманчивая видимость жизни... И осуждается и гибнет душа, не имевшая питательных соков жизни и плодов...

Почему же Господом изрекается такой решительный и бесповоротный приговор и осуждение?

Такой приговор изрекается за бесплодие. Бесплодие — это состояние внутренней мертвенности, внутреннего бессилия, отсутствия жизни. При внутренней мертвенности в человеке жива и развивается одна скорлупа существования, одна оболочка, внешность, одна видимость жизни.

Человек двигается, суетится... Он в работе и заботе до напряженности, в работе без отдыха... И человек упорно строит свое внешнее... Жизнь как будто заполнена. Человек интересуется обстановкой, костюмом... Человек интересуется питанием и отдает этому немало часов... Человек думает, что он развлекается и интересуется этим и развлечениям посвящает весь свой досуг...

Но во всем названном разве весь человек? Это только внешние показатели жизни... Человека тут еще нет...

У смоковницы тоже была видимость жизни. Были ветки и были листья... А не было внутри ее силы... Между тем седалище жизни — внутри, в человеческом духе...

Жизнь — во внутренней насыщенности силой, которая и регулирует все внешние процессы. И чем мощнее эта сила, тем значительнее сама жизнь. И чем она правильнее и правдивее, тем правдивее внешнее построение жизни... Потому что в истинной жизни внутреннее и внешнее в тесной связи, и первое определяет второе, потому что и человек-то должен быть один.

А когда между внутренней силой и внешним процессом происходит разрыв или когда первое — внутреннее — совсем отсутствует, будучи подавлено или затравлено, тогда внешнее жизни, явления жизни в действительности ничего не являют, потому что в основе их, под ними ничего нет... пустота... Они стали только механическим рефлексом окружающего или рефlekсами различных состояний организма, как у животных.

И выходит, что тогда явления жизни становятся призраком жизни. Они стали одною тенью жизни... Они — иллюзия жизни, ее декорация... И они не открывают за собой никакой силы и истины.

Так в человеческой жизни остается одна видимость жизни, одна внешность... Человек делается автоматом... А может ли быть плод от автомата? Что может родить иллюзия? Какое наполнение жизнью может дать обман? Так приходит бесплодие души и жизни.

И бесплодие может быть в христианской душе и жизни. И всё равно оно произойдет или от подавления внутреннего, духовного, или при отрыве внешнего от внутреннего... А характеризуется бесплодие также развитием одной внешности, когда человек-христианин внешне являет «образ благочестия», а внутри у него нет... «силы» благочестия.

А раз нет внутренней силы, то нет и духовного роста, и внутри человека — застой, мертвенность.

При таком состоянии иллюзорной, обманчивой жизни в действительности живет в человеке смерть. А от смерти не может быть ростков жизни и не может быть плода. Плодом смерти может быть только смерть.

Так и бывает в иллюзорных, обманчивых, наружных жизнях. Нет у них плода! Вот почему и чувство оторванности, топтания на одном месте, неудовлетворенности, уныния.

По-прежнему живет в человеке внешность: и хождение в церковь, и исполнение обряда, и наружная молитва, а нет души, нет чувства роста и достижения и нет радости.

И во всем объекте внешней жизни человека тоже сплошное бесплодие, которое хорошо характеризует святой апостол Иаков: «Желаете — и не имеете; ...завидуете — и не можете достигнуть; препираетесь и враждуете — и не имеете (не получаете)» (Иак. 4, 2), т. е. бесплодны все ваши усилия настроить жизнь, раз у вас нет внутреннего регулятора, определяющего, что ценно для жизни и какова должна быть разумная внешность, построенная на силе жизни.

И характерно, что душа сознаёт бесплодность и внутреннюю ненадежность жизни. Душа переживает ее как пустоту жизни и как тоску.

Тогда люди начинают азартно наполнять жизнь внешним. При отсутствии внутреннего фундамента и регулятора жизни безудержно растет потребность во внешних впечатлениях. Человек не может остаться один с собой... Он не знает, что ему делать с собой, чем наполнить жизнь. И он бежит на улицу за внешними впечатлениями... и чем пустее душа, тем оживленней для нее становится улица.

А чтобы заглушить чувство пустоты, надо не только наполнить жизнь внешним потоком впечатлений, но и надо сделать поток непрерывным. Но так как впечатления прискучивают, то надо усиливать их остроту. Так люди при пустоте души, при невозможности для них жить чем-то своим большим, внутренним, захватывающим и интересным с азартом начинают бросаться от впечатления к впечатлению, до отказа напихивать сознание внешними видимостями жизни... И им надо увеличивать дозу их и усиливать остроту... Чтоб некогда было задуматься о себе... Чтоб толчея сменяющихся и усиливающихся внешностей давала иллюзию жизни и чтоб, таким образом, не проскользнула пустота... Так поддерживается «угар жизни», и пустые души живут в этом угаре. А когда как-нибудь вскользь на душу дыхнет из бездны пустота и она силой воли приоткроет глаза и поймет всю никчемность бесплодного кружения и увидит всю свою внутреннюю никчемность, то конец такой жизни один — фактическая физическая смерть. И на это оказываются способными единицы и наиболее сильные единицы, т. е. сохранившие крупницу из богатых сил души, чтобы иметь волю приоткрыть глаза и иметь разум понять весь ужас бестолкового кружения в пустоте. Если б у таких не была вымотана сила жизни, то они оставались бы жить для

перестройки своей жизни на разумном (духовном) начале, а они совсем уходят из жизни, потому что жить уж нечем, силы вымотаны... как они вымотаны у бесконечной вереницы пляшущих пляска пустоты и даже не чувствующих, какие они жалкие марионетки жизни.

Вот что такое бесплодие души и вот почему оно осуждается. Бесплодие — это внутренняя мертвенность. И осуждается оно потому, что оно неминуемо влечет за собою смерть. Оно и есть само в себе смерть. И осуждение бесплодия есть только констатирование (свидетельствование) отсутствия жизни и наличия временно скрытой смерти.

Евангельский рассказ о бесплодной смоковнице дает ответ и на последний возможный вопрос: почему в отношении к бесплодной смоковнице не проявлено Божественного милосердия? Почему смоковница приговаривается к гибели? Почему Господь уже не ждет от нее плода? Разве греховная и бесплодная душа не может надеяться на Божественное милосердие? Господь ведь много раз являл прощение и милосердие! Может быть, душа покается и даст плод, достойный покаяния?

Отвечая на это, Евангелие указывает, что Божественное определение выносится не сразу, не неожиданно.

Господь много и долго терпит заблуждающуюся душу... Господь всякими промыслительными путями всё время блюдет душу и хочет выправить ее путь и вдохнуть в нее силу жизни. И Божественное попечение всё время опекает душу. Евангелие образно обозначает это попечение словами «увидев издалека смоковницу...» В выражении «увидев издалека» заключена мысль о том, что Божественное попечение называет за всеми жизнями, как бы различны ни были их пути и как бы далеко они ни шли от Божьего пути жизни. А называет над жизнями Господь не из любопытства, а чтоб Его Попечительная Рука во всякий миг могла бы открыться душам, едва они вспомнят о ней.

Значит, Божественное попечение о смоковнице было. И оно было длительным... Оно шло до крайних границ Божественного милосердия и терпения в ожидании выправления жизни и плодов.

В другой притче о посещении смоковницы Господь ясно говорит о долгом Божественном попечении, предшествующем осуждению смоковницы.

Некто имел в винограднике своем посаженную смоковницу, и пришел искать плода на ней, и не нашел. И сказал виноградарю: вот, я третий год прихожу искать плода на этой смоковнице и не нахожу; сруби ее: на что она и землю занимает? Но он сказал ему в ответ: господин! оставь ее и на этот год, пока я окопаю ее и обложу навозом; не принесет ли плода; если же нет, то в следующий год срубишь ее (Лк. 13, 6—9).

Видишь, как в отношении бесплодной смоковницы и бесплодной души проявляется Божественное милосердие, долгое терпение и проявляется попечительность, выражающаяся в Божественных зовах и Божественной помощи, подающейся в спасительных средствах. Всё это было явлено, и при всем том смоковница и душа остались бесплодными. И! только тогда изрекается осуждение.

Очевидно, что оно изрекается в момент, когда на смоковницу уже не действует никакая поливка, когда внутренняя мертвенность парализует все Божьи зовы и когда оживление и возрождение души безнадежны. В такой момент Божий приговор есть даже не суд, не осуждение, а свидетельство очевидного факта, что смоковница-душа мертва и, значит, безнадежно бесплодна.

И тогда наступает последний акт: смоковница сохнет, жизнь пресекается. И в этом акте — логическое завершение бесплодия.

«Сруби ее: на что она и землю занимает?» Оторвавшаяся от питательной среды Света и Правды, среды Бога, лишенная всяких корней

и устоев, обреченная на жалкое внутреннее бессилие, носящая в себе элементы разложения и гибели — для чего и для кого нужна такая фальшивая жизнь? Как никчемная, она убирается из жизни, потому что в творческом процессе она отрицательная величина, она помеха жизни... «На что и землю занимает?» А как имеющая обманчивую видимость жизни, она еще является и вредной фальшивкой, кичится своей похожестью на жизнь и других в обман вводит... А потому и выносятся приговор смерти. Как сказано в другом месте Божественного Писания: «Дерево, не приносящее доброго плода, срубают и бросают в огонь» (Мф. 3, 10).

Так обрекаются на уничтожение души безнадежно бесплодные*.

94

Иисус... говорит им (ученикам): имейте веру Божию. Ибо истинно говорю вам: если кто скажет горе сей: поднимись и ввергнись в море, и не усумнится в сердце своем, но поверит, что сбудется по словам его,— будет ему, что ни скажет. (Мк. 11, 23).

Короткие, но великие слова! В них Господь открывает тайну Царства Духа.

Господь открывает в них, прежде всего, главное и единственное условие причастности, вступления в это Царство. Это — безраздельная вера в Него и по такой вере безраздельный уход в стихию этого Царства.

А потом Господь открывает две стороны этого Царства: а) его полное отличие от царства земли и б) полную подчиненность царства земли со всеми его законами Божественному Царству Духа.

«Имейте веру Божию», — говорит Господь, как будто желая тем обозначить какую-то высшую ступень веры, когда она из теоретического, умственного знания, убеждения, поднимается и переходит в «силу», в стихию другого мира... Это — стихия Духа и Бога... Это — вера Божия.

Вот эта стихия другого мира и вдвигает душу человека в этот особый мир Бога. И, значит, чтобы приразиться этому миру, надо верой-силой уйти, погрузиться в него. А так как это совершенно особый мир, отличный от мира земли, то полный уход в него может осуществиться тогда, когда человеческая душа сумеет совсем порвать с чуждым миром земли, и всем существом, безраздельно, т. е. мыслью, всеми помыслами, чувством, всем настроением, волей, всем устремлением, сумеет оторваться от видимого и окружающего, и уйдет в невидимый мир как реальный, и будет чувствовать его дыхание, и он будет для нее болсе, чем живой, и она будет в нем как своя.

Уход души в стихию Божьего мира, чтобы приразиться ему, должен быть безраздельным. И ничто, ничто... даже слабая тень, вроде мысли или хотя оттенка мысли от земного мира («не усумнится»), не должны просачиваться в душу в эти мгновения ухода, потому что они прервут уход души в тончайшую духовную стихию, ворвавшись в душу грубым земным шумом.

* Славянская и отчасти русская редакции 13-го стиха 11-й главы Евангелия Марка недостаточно выразительно передают мысль Евангелия, и приходится слышать недоумение: почему же Господь ищет плода на смоковнице и осуждает ее за бесплодие, когда «не у бо бе время смоквам», т. е. выходит, что как будто Господь хочет нарвать смокв в такое время, когда их и не должно было быть на дереве? Мысль Евангелия другая. Христос подходит к смоковнице в такое время года, когда смоквы созрели, но не окончательно, и потому еще не было их сбора, и, значит, Господь хочет нарвать смокв тогда, когда на дереве, дающем плоды, они непременно должны были находиться, и если их не оказалось, то это говорит, что их и не было и, следовательно, дерево было бесплодным.

Надо войти в Божию стихию безраздельной душой, по-детски, не имея никакой засоренности души земным, и с детской устремленностью. Вот почему в другой раз Господь и ставит детей как первых насельников Божьего Царства и указывает на них как на пример для подражания, чтобы душа, смотря на них, приражалась Божьему Царству. «Если не обратитесь и не будете, как дети (т. е. не превратите свои души в детские), то не войдете в Божье Царство».

Так и бери подобие от детей, как они совершенно серьезно и целиком входят в мир фантазии, и разговаривают, и спорят, и сражаются с невидимыми существами, живут в этом мире со всей реальностью действительной жизни.

95

Говорю вам: всё, чего ни будете просить в молитве, верите, что получите, и будет вам. И когда стоите на молитве: прощайте, если что имеете на кого, дабы и Отец ваш Небесный простил вам согрешения ваши. Если же не прощаете, то и Отец ваш Небесный не простит вам согрешений ваших (Мк. 11, 24—26).

Молитва — это уход к Богу... уход в Его Царство и стихию Бога... И если хочешь, чтобы молитва была действительной, то глубже, полней входи в эту стихию.

Полнота и глубина ухода в Царство Бога достигается совершенным отрывом души от земного и безраздельным устремлением ее через веру-силу в мир Бога как живой и реальный (срав. ст. 23). Тогда душа переключится в мир Духа, и тогда начинают действовать законы Духа. и по этим законам с человеческой душой совершается всё то, о чем она просит и чего желает согласно со стихией Духа. Душа как часть Духа, войдя в мир Духа и отдавшись его законам, получает всё, решительно всё, что лежит в мире Духа, согласно с его законами, и нужно для нее. Это логически неминуемо.

Потому и сказано: «верьте», т. е. уходите (срав. Мк. 8, 33 и след.) в мир Бога, и тогда «чего ни будете просить в молитве», раз только просимое будет в природе Духа, вы получите его, потому что вы уже стали причастниками, членами этого мира, и он открыт вам, и его законы и дары распространяются на вас.

И дальше Господь устанавливает показатель возможной успешности твоей молитвы. Так как успешность молитвы определяется степенью твоего ухода в мир Бога, то указывается контролер твоего ухода в Божью стихию. Таким контролером Господь устанавливает прощение тобою всех обид, причиненных тебе другими.

Рассмотри, и ты поймешь, почему прощение грехов против тебя устанавливается Господом как глубокий показатель степени твоего ухода в мир Бога.

Чтобы полнее погрузиться в мир Бога, надо свободней оторваться от себя и от земного мира в себе. А оторваться от себя легче, когда признаешь свою ограниченность, осудишь себя, да не только осудишь, а и отбросишь себя как никчемное ничтожество. Тогда с легкостью устремись найти опору жизни в Боге и глубже вольешься в мир Бога.

Но самому человеку невозможно представить оценку собственного самоотрицания. В ограниченном самосознании человека самоотрицание может обернуться в самоуслаждение. Потому Господь устанавливает более объективную оценку самоотрицания, а вместе с ней оценку степени ухода в Божий мир.

Если ты изничтожил себя, изжил свою ограниченность, то ты так же глубоко должен изжить и ограниченность твоих ближних и должен понять, что все их обиды, причиненные тебе,— результат той же человеческой никчемности и ограниченности и, может быть, даже и вызва-

ны-то твоей собственной ограниченностью, и, значит, уж если ты отбрасываешь уродство жизни, то признай его и для других и пойми их грехи, как и свою ограниченность, и кинь их к вороху своей ограниченности, а людей отдели и всё им прости. Признай, что они такие же жалкие и слабые, как и ты сам... и как себя ты пожалел и бросился к Богу за жизнью, так и их пожалей и вздохни, чтоб и они за тобой побежали.

Вот когда ты простишь, пожалеешь да вздохнешь обо всех, тогда это будет значить, что ты действительно понял бедность этой жизни и действительно способен искать другого богатства и, значит, способен уйти и уходишь в стихию неограниченного, вседозволенного, всеомертвленного, в стихию Бога.

Вот почему и устанавливается для твоего самопознания такой контролер — прощение других. Способен простить других и прощаешь, значит, ты правильно всё взвесил, правильно всё оценил и теперь отвернулся и с легким сердцем ищешь и идешь за бесценным.

А когда такой показатель, как прощение чужих грехов против тебя, налицо, тогда полнота и глубина твоего устремления к Богу обеспечены, для них нет помехи, и тогда обеспечен успех твоей молитвы. И тогда верь, что «всё, что ни будешь просить в молитве, получишь и будет тебе».

96

Когда он (Христос), ходил в храме, подошли к Нему первосвященники, и книжники, и старейшины и говорили Ему: какую властью Ты это делаешь? и кто Тебе дал власть делать это? Иисус сказал им в ответ: спрошу и Я вас об одном, отвечайте Мне; тогда и Я скажу вам, какую властью это делаю. Крещение Иоанново с небес было, или от человеков? отвечайте Мне. Они же рассуждали между собою: если скажем: с небес, то Он скажет: почему же вы не верили ему? а сказать: от человеков — боялись народа, потому что все полагали, что Иоанн точно был пророк. И сказали в ответ Иисусу: не знаем. Тогда Иисус сказал им в ответ: и Я не скажу вам, какую властью это делаю (Мк. 11, 27—33).

Опять вопрос искушения и лукавства (срав. Мк. 8, 11—12): фарисеи же прекрасно знали, какую силою и властью действует Христос! И сами фарисеи уже признали власть Христа, когда они беспрекословно приняли изгнание торгующих из храма и не останавливали Христа, оспаривая Его полномочия. Они тогда молчали!

Фарисеи прекрасно знают, какую властью действует Христос! О Его власти громко и открыто свидетельствовал пророк и Предтеча Иоанн, когда называл Христа «Приходящим свыше», «Приходящим с небес», Который «выше всех» (Ин. 3, 31), «Агнцем Божиим» (Ин. 1, 29) и, наконец, «Сыном Божиим» (Ин. 1, 34) и Судьею вселенной (Мф. 3, 12). А свидетельство Иоанна было авторитетно и для фарисеев, потому что все почитали Иоанна за пророка Божия.

И вот, обходя очевиднейшее свидетельство, обходя очевиднейшие факты необычайных явлений жизни Христа, фарисеи, прикидываясь объективными искателями истины, ставят Христу вопрос: «Какую властью действуешь Ты?»

Разве это не лукавство? Это опять плохо прикрытая человеческая самость, не желающая считаться с Божьими велениями в жизни, фальшиво ищущая какой-то особой исключительной ориентировки для себя, а в действительности желающая оставить себя хозяйкой жизни и не трогаться со своего эгоистического самоласкательного пути.

Так бывает всегда. Лукавая человеческая совесть, питающаяся эгоизмом и самостью, никак не хочет расстаться с фальшивыми путями жизни, на которых она ласкается как умная распорядительница всего... И когда веления Бога стучатся в жизнь и трещат гнилые устои жизни,

лукавство всё же не отказывается от них, потому что с ними так тепло и привычно... И веления Бога обходятся, как будто их и нет... как будто их не понимают... А для собственного самоутверждения лукавство ищет обходных опор: то кидаясь в сторону отрицания Божьего вмешательства в жизнь, а то, напротив, требуя для себя больших и явных чудес, чтоб мнимо отдаться послушанию Бога.

Господь изобличает лукавство спрашивающих и не удостоивает удовлетворения фальшивое искательство, как Он в другой раз отказывает в просьбе «знамения с неба» (Мк. 8, 12).

Так и душа, опирающаяся на самость, когда она фальшивит с Божьими зовами, обращенными к ней, представляется самой себе и всем случайностям своих кривых путей... И она тоже уже не слушает голоса Бога... «Ты умна... и ты всегда права... и ищешь опору в себе, отвергая Мое вмешательство... Пусть так и будет... отныне... и Я ничего не скажу вам»...

Берегись!.. Бойся такой оставленности.

97

И начал говорить им (Господь ученикам) притчами: некий человек насадил виноградник и обнес оградой, и выкопал точило, и построил башню, и, отдав его виноградарям, отлучился. И послал в свое время к виноградарям слугу — принять от виноградарей плодов из виноградника. Они же, схватив его, били, и отослали ни с чем. Опять послал к ним другого слугу; и тому камнями разбили голову и отпустили его с бесчестьем. И опять иного послал; и того убили, и многих других то били, то убивали. Имея же еще одного сына, любезного ему, напоследок послал и его к ним, говоря: постыдятся сына моего. Но виноградары сказали друг другу: это наследник; пойдем, убьем его, и наследство будет наше. И, схвативши его, убили и выбросили вон из виноградника. Что же сделает хозяин виноградника? — Придет и предаст смерти виноградарей, и отдаст виноградник другим. Неужели вы не читали сего в Писании: камень, который отвергли строители, тот самый сделался главою угла; это от Господа, и есть дивно в очах наших? (Мк. 12, 1—11).

Притча о винограднике — история человеческой души.

«Некоторый человек», насадивший виноградник, — это наш Небесный Отец, Господь и Бог. Христос в другом месте Божественного Откровения так и называет Его: «Отец Мой — Виноградарь» (Ин. 15, 1).

И вот, Небесный Отец наш садит во вселенной виноградник жизни. В этом громадном винограднике жизни основной Лозой насажден Сам Божественный Сын... А от этой Лозы идет бесконечное число черенков... Это — человеческие души... «Я есмь Лоза, — так и говорит Христос про Себя, — а вы ветви» (Ин. 15, 5).

Так Божественный Отец Божественным Сыном садит виноградник жизни. И каждая человеческая душа есть Божественный сад, насажденный Небесным Отцом через Сына. От привития к плодоносной Лозе — Христу на утучненной пажити Церкви, питающей душу благодатными соками, в душе наливаются гроздья жизни... И под Божьим благодатным окормлением душа распускается, как таинственный чарующий сад, с искрящимися, как цветы под солнцем жизни, способностями ума, с ароматными гроздьями бесконечно переливчатого чувства, с упругой волей, как упруга полнокровная сочность его плодов.

Так душа под Божьим благословением наливается жизнью и благоухает... и искрится... и сама полна жизни и от своей полноты дарит ее кругом.

Да, истинно, истинно, что человеческая душа по природе есть Божественный сад, лучший виноградник земли. Господь оградил душу оградой Евангельского закона, чтоб ничто чуждое не могло вторгаться в

Божественный сад и расхищать его. И водрузил Господь в саде души сторожскую башню — совесть, в которой ходит неподкупный и неусыпный хранитель чистоты, правды и неприкосновенности души... И, наконец, сделав душу хранительницей всех плодов добра и даров благодати, чтоб была она сокровищницей, куда стекаются очистительные токи благодати и где блюдется негниблущий клад жизни («выкопал точно»).

Насадил Господь сады души и роздал их людям для возделывания: обладайте, растите плоды, радуйтесь... Только помните, что а) суд души — Божий и каждый человек только приставник к жизни души, рано или поздно, но неминуемо подлежащий отчету, и что б) возделывание Божьего сада, рост души, плодоношение души и ее счастье — в Боге, ибо тут всё — Божья стихия, от Бога насажденная и Богом питающаяся, и вне этой стихии для души только потеря, разложение, неудовлетворенность и страдание.

Господь роздал виноградники душ, а Сам «отлучился». Это не значит, что раздачей садов жизни кончается Его Промыслительная деятельность и Бог не вмешивается в человеческие жизни... Нет, напротив. Моментом отхода кончается творческая деятельность Господа и начинается Его Промыслительное попечение о душе, идущее как бы извне.

А отход Господа означает, что человек, получивший сад жизни, уже сам взращивает его, сам творит спасение души. Ведь не развешивать же Господу по ветвям готовые плоды? Если бы Господь Сам вкладывал в человеческую душу плоды спасения, то спасение души совершалось бы автоматически, в нем не участвовала бы свободная человеческая воля и свободный труд человека, и оно потеряло бы всякий смысл, обратившись в произвольный (фантастический) процесс со стороны Бога.

Итак, Бог издал надзирает за жизнями, готовый во всякий момент оказать спасительную помощь, и предоставляет самому человеку сознательно выбирать лучшее для себя и сознательно искать и добиваться своего совершенствования.

Но это отсутствие ежедневного явного вмешательства Бога в человеческую жизнь, в силу злой воли человека, было обращено человеком в гибель для себя. Предаваясь ежедневно и ежечасно стихии зла, укрепляя ее в себе и делаясь ее послушным рабом, человек с каждым днем ослаблял связь со стихией неба, ослаблял ее в себе, тусклым умом затемнял ее ценность, утрачивал вкус и способность свободного хождения пред лицом Бога и ставил целью жизни вместо Богоутверждения цель, более доступную человеческой ограниченности, — утверждение в жизни себя самого, т. е. утверждение самости. Происходил подмен в жизни Бога самостью. И он совершался тем легче, что на него толкало зло мира (сатана) и свое собственное внутреннее нажитое зло, которое развязывалось самостью и получало свободный разгул и удовлетворение. Человек, как продавшийся раб греха, ежедневно понукаемый злом, не испытывая ежедневных ударов от Бога, вообразил, что он сам и есть настоящий хозяин своей жизни... И, как приказчик, сбежавший с ценностями хозяина, он зажил легко и весело... и думал даже, что и разумно... «Душа — моя... жизнь — моя... Способности и силы жизни — мои... Я думал... я убежден... я хочу... я делаю... я стремлюсь... я достигаю... Всё от меня и мое...» Бесконечное кружение в самости.

Ограниченные умы, маленькие задачи, мелкие цели себе по плечам — так и закружилась человеческая жизнь... А если к этому прибавить угар мнимого веселья, то и совсем человеку как будто хорошо: и сытно, и понятно, и весело... А если были в жизни удары судьбы, попытки Промыслительной Руки остановить зарвавшегося эгоиста и выправить жизнь, то они редко вразумляли человека... Чаше он объяснял неудачи

жизни как свои ошибки или как борьбу против него других таких же эгоистов и еще больше закреплялся в позиции узкого себялюбивого самоутверждения.

Так Бог сбрасывается со счетов жизни. При самостном утверждении жизни может ли быть Ему место в жизни, как Силе, от которой всё, из которой всё и к которой всё? Конечно, нет! Богу нет места!

Но ведь из-за того, что зло прокралось в душу человека, не может же измениться природа существующего. Не перестанет же Бог быть Господином души. И не перестанет же душа, хотя инстинктом, сознавать, что ее природа — в Истине и Святости и что рано или поздно ей придется отдать отчет в согласовании своей жизни с Истиной и Святостью... Ведь этой природе вещей не может же изменить человек своим грехом. И эта природа так или иначе заявляет о себе, хотя бы и в редчайшие моменты жизни. И человеку, чтобы отделаться от этих совсем ему ненужных «просветлений» об его истинной сущности, чтобы обеспечить себе «легкое» проживание и кружение, надо как-то истребить в себе ненужные, надоедливые и мешающие его спокойствию напоминания об его назначении.

И вот, притча о винограднике рассказывает о нескольких этапах, проходимых душою ради подавления в себе света, этапах, заканчивающихся полным истреблением в себе стихии Бога, полным сознательным отрывом от Бога и смертью души. Притча рассказывает, как хозяин виноградника души — Бог посылает Своих слуг за плодами души. Кто эти слуги? Ангелы Господа. Ведь они и есть «служебнии дуси, в служение посылаемии за хотящих наследовати спасение» (Евр. 1, 14), т. е. они, ангелы, по полномочию Господа, служат людям на их земном пути спасения. Виды этого служения разнообразны. И среди них есть собиране добрых дел спасающего.

Откровение святого Иоанна Богослова упоминает об ангелах, собирающих подвиги святых, когда рассказывает, что Престолу Господа предстоят ангелы с чашами, полными молитв святых.

В каких формах происходит истребование ангелом добрых дел человека?

Оно совершается в разнообразных формах влияний на человеческую жизнь, которые будят сознание и совесть и подсказывают человеку, что живет он неладно, что он вертится не только в пустоте, но и во зле и что нет в его жизни фундамента, нет добра. Все эти формы воздействия на человеческую жизнь обобщаются в поднимающемся внутри человека голосе совести: «Не так живешь... исправься...»

Причем, и еще надо указать, согласно Божественному слову, что всё воздействие на человеческую жизнь ангела Божия как слуги Промыслительного Попечения Самого Бога о жизни происходит в наиболее благоприятные моменты жизни человека, когда, казалось бы, душе наиболее легко отозваться на Божественное напоминание и даже Промыслительное вмешательство в жизнь человека.

Притча обозначает эту мысль словами: «послал (хозяин виноградника) в свое время к виноградарям слугу» (ст. 2). «В свое время», т. е. во время надлежащее, наиболее благоприятное.

И вот, когда в душу, в которой прочно возгnezдилась самость — зло и в которой забыт Бог как Хозяин жизни, начинает проникать попечительное напоминание об ее долге. Она сначала просто отмахивается от подобных неприятных напоминаний: то «ей нет времени заняться этим делом (раздумать о добром, о своем долге)», то «это ни к чему» и «так проживешь... живут же другие», а то «успеем еще... надумаемся и об этом, вот постарше будем...» Словом, человек гонит из себя всякое добро... Оно уж чуждое ему, и надоедливое, и неприятное... Человек то отмахнется, а то и прибьет непрощенную гостью — истину: «Вот еще наставница выискалась... мы сами знаем Божественное...» И

истина прогоняется из души ни с чем. «Они же (виноградари), схвативши его (слугу), били и отослали ни с чем» (ст. 3).

Таков первый этап истребления души. За ним приходит второй.

Учащающееся отмахивание души от Божьих зовов переходит в ожесточение души. Упреки совести уже начинают раздражать. Под влиянием раздражения на святое человек из состояния отмахивания переходит в нападение на него, чтобы подавить в себе всякие проблески истины.

Человек с ожесточением набрасывается на то, что было святым, что возглавляло его жизнь, и «камнями разбивает» его. «Камнями», т. е. грубыми, тяжелыми бесформенными ударами, исходящими от своей животной природы, человек разбивает то нежное, великое, что было в глубине души, что освещало и возглавляло жизнь. И человек с цинизмом топчет святыню, с цинизмом бесчестит ее, как будто сила зла в нем боится этой святыни, как могущественной, и рада случаю животной лапой ударить ее, как бы мстя ей за свою низость, за свое внутреннее ничтожество и рабство.

Так раб в отсутствии господина бьет по вещам его. Так исполняется приточный образ: «опять послал к ним другого слугу; и тому камнями разбили голову и отпустили его с бесчестьем» (ст. 4).

И после того душа опускается на следующую ступеньку своего истребления. Зовы совести глушатся... Святое совсем не допускается в душу. Оно затоптано и убито... Последний свет погас. Воцарилось и хозяйничает в человеке животное, звериное, и сам человек стал только животным и зверем. Пришло полное духовное закаливание.

Притча коротко обозначает этот этап упадка души: «И опять иного послал: и того убили» (ст. 5).

И притча сейчас же называет следующий и длительный период душевной жизни, когда в душе, освободившейся от сторожевой башни — совести, разворачивается бесшабашный, ничем не сдерживаемый разгул зла.

Зло, воцарившееся внутри человека, должно же удовлетворять себя. И оно хозяйничает всюду. Человек — жалкий и послушный раб его. И в угаре кружения, ничего уже не замечая, полный тьмы и мрака разложения, человек (да уж человек ли?) стремительно летит к пропасти, к своей последней точке.

Это — период прогрессирующего распада души. Образный язык притчи коротко и выразительно изображает его словами: «И многих других то били, то убивали» (ст. 5).

Наконец, наступает и последний этап — «этап пропасти». Ему предшествует еще и последнее воздействие Промысла на человеческую душу. Это непременно какое-то разительное воздействие. Господь последний раз открывает гибнущей душе Свои объятия... открывает, что ведь ради нее Он дал земле лучшее, единственное — Своего Сына и что любовь Бога Сына к падшему человеку способна покрыть все его преступления.

Господь в этот последний зов души как бы вновь посылает к ней и ради ее преступлений Своего Сына, чтобы простить и поднять человека.

В ответ на этот призыв любви душа, совсем уже утопающая в грехе, совершает последний акт своего падения: она убивает в себе Бога.

В этот момент жизни зло внушит своему рабу — человеку, что надо положить конец непрошеному вмешательству в его жизнь какой-то внешней силы, претендующей на руководящую роль в жизни. «Сила Бога? Нет никакого Бога! И Христос — миф! Какие еще тут властители и наследники моего внутреннего? Всё прочее, кроме меня самого, — сказки обмана... Долой Бога!»

И последним натиском разнузданного ума и грязного сердца Бог объявляется несуществующим, жизнь неподотчетной Ему... и Бог выки-

дывается даже из мысли и сознания. «И, схвативши его (Сына), убили, и выбросили вон из виноградника» (ст. 8).

И как только закрылась на этот раз дверь виноградника, так одновременно кончилась его жизнь. Теперь зло воцарилось в душе безраздельно и властно. Со злом воцаряется одна тьма, разложение, гибель, смерть... Бога нет в винограднике — и пресекается источник жизни. потому что виноградник-то Божий и всё в нем от Бога и Им существует... Нет Бога — и жизни в винограднике нет. Снято ограждение, повалена сторожевая башня, запустело, замусорилось и загнило точило...

И в бывшем саде души — смерть... Зло подточило питательные корни... Страсти высушили зелень... Облетели листья... и повеяло дыханием гнили... Жизни нет... Смерть.

Так при оставленности души Богом смерть неминуема. Это — неотвратимая логика...

«Придет (Господин и Хозяин) и предаст смерти виноградарей, и отдаст виноградник другим» (ст. 9). Конечно, «отдаст другим», потому что здесь уж нет сада жизни... Он вытопан пороком и засох... И в душе мерзость запустения. В ней не только нет «Духа жизни», в ней даже блекнут естественные душевные способности... Блекнет разрушенный ум... Загнано на узкую зловонную тропку порока смердящее чувство... Жалко, жалко пресмыкается по земле бессильная, одряхлевшая воля...

Сад жизни насадится в новых душах, которые расположатся «при исходящих (Божьих) вод», где «лист его не отпадет» (Пс. 1), где жизнь от Бога, с Ним, в Нем, к Нему... и где рост обилей, цветение пышно и «плод мног».

Господь закончил притчу словами ветхозаветного Писания. Они обращены и к тебе... Запомни их крепче. Они — общий вывод притчи.

«...Неужели вы не читали сего в Писании?» Зачем же вы забыли окровавленную Истину, что «камень, который отвергли строители, тот самый сделался главою угла» (ст. 10)?.. Зачем же вы, неразумные, забываете, что краеугольный камень жизни — Бог... Как же обойтись без этого камня? Ведь рухнет всё здание жизни, раз ты выкинешь из-под него фундамент!.. Неужели не ясно?

«Это — от Господа» (ст. 11). Это же закон жизни... Это неминуемо...

Они же (фарисеи) придя, говорят Ему (Христу): Учитель! мы знаем, что Ты справедлив и не заботишься об угождении кому-либо, ибо не смотришь ни на какое лице, но истинно пути Божию учишь. Позволительно ли давать подать кесарю или нет? давать ли нам или не давать? Но Он, зная их лицемерие, сказал им: что искушаете Меня? принесите Мне динарий, чтобы Мне видеть его. Они принесли. Тогда говорит им: чье это изображение и надпись? Они сказали Ему: кесаревы. Иисус сказал им в ответ: отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу. И дивились Ему (Мк. 12, 14—17).

Фарисеи предлагают Христу вопрос о коллизии (столкновении) обязанностей человека в отношении к земному устройению с его обязанностями к Божьему устройению. Ссылаясь на то, что Христос учит «истинно пути Божию», фарисеи просят Его указать, как же им жить и поступать, какой путь предпочесть?

Так как очевидно, что Божий путь выше и предпочтительней, то, следовательно, устройением мира надо пренебречь и не подчиняться ему, например, подати не платить? — так спрашивают фарисеи. Господь с разительной четкостью устраняет лукавую мысль: берет монету с изображением кесаря, заставляет искусителей признать, что монета кесарева, выпущена кесарем, и делает вывод: «Монета кесарева... вы

ею пользуетесь в вашем земном устроении... так и соблюдайте это устроение... И раз в этом устроении есть подать, платите подати... Ведь вы же ее и будете платить кесаревыми деньгами... Так и отдавайте кесарю кесарево... В земном земное и отдавайте.

А Мое Царство другое... И Божий путь — путь души и ее спасения... И для него нужно другое, свое... Не думайте на нем загоразживаться земным устроением и складывать с себя ответственность за неисполнение этого пути. Нет, кесарево-то отдайте кесарю... А Богу само собою отдавайте Божье... Божье с вас всегда спросится... И исполнение земного не исключает исполнения Божьего...»

Господь разграничивает земное устроение и Свое Царство. Человек по телу находится в земном устроении и необходимо подчинен ему в обслуживании своего тела, а Божье касается души и ее спасения: тут действует Божий закон во всей силе, и его обязательность ничуть не колеблется его зависимостью от земного закона. Божий закон для человека, живущего в земном устроении и подчиненного ему, но создающего свое спасение, продолжает быть обязательным в каждой йоте. Божье — законное в Божьем пути — ради Бога и делайте, не оправдываясь тем, что оно как будто несовместимо с земным устроением.

99

Пришли к Нему (Христу) саддукеи, которые говорят, что нет воскресения, и спросили Его, говоря: Учитель! Моисей написал нам: если у кого умрет брат и оставит жену, а детей не оставит, то брат его пусть возьмет жену его и восстановит себя брату своему. Было семь братьев: первый взял жену и, умирая, не оставил детей. Взял ее второй и умер, и он не оставил детей; также и третий. Брали ее за себя семеро и не оставили детей. После всех умерла и жена. Итак, в воскресении, когда воскреснут, которого из них будет она женою? Ибо семеро имели ее женою. Иисус сказал им в ответ: этим ли приводитесь вы в заблуждение, не зная Писаний, ни силы Божией? Ибо, когда из мертвых воскреснут, тогда не будут ни жениться, ни замуж выходить, но будут, как Ангелы на небесах. А о мертвых, что они воскреснут, разве не читали вы в книге Моисея, как Бог при купине сказал ему: Я Бог Авраама, и Бог Исаака, и Бог Иакова? Бог не есть Бог мертвых, но Бог живых. Итак, вы весьма заблуждаетесь (Мк. 12, 18—27).

Какое грубое мышление — о законах жизни Духа судить по жизни тела, и о небесных порядках судить по ограниченным, а часто и грешным порядкам земли!

Так грубо мыслят саддукеи и думают, что правы, и с ехидством спрашивают Христа: чьею же женою будет по воскресении из мертвых женщина, имевшая при жизни семерых мужей?

И Христос, прежде чем ответить саддукеям, отмечает изумительную грубость их мысли: «Этим ли приводитесь вы в заблуждение?» — т. е. неужели вы сами-то не видите всю несуразность своего недоумения?

Но... таков закон души, действительный доныне. Мысль — не только движение какой-то нервной энергии (это движение есть оболочка обнаружения мысли, а не самая мысль). Она есть отражение души. И если природа души возвышенна, то будет возвышенна и человеческая мысль... А если душа подавляется плотностью, то человеческая мысль становится грубой и плотной... И человек, сам того не замечая, мыслит грубо и плотяно.

Посмотри, как в жизни это подтверждается на каждом шагу... как по мере духовного упадка человека падает и материализуется его мысль, и все явления жизни мыслятся грубо и низменно. Так и должно быть: мысль — отражение души. И при падшей душе явления духа начинают мыслиться низменно.

А так как с упадком духа соединено огрубение и ожесточение совести, то низменная мысль еще окрашивается насмешкой и злобой против того, что теперь по своему уровню уже не подходит к упавшей душе и совсем непонятно ей.

Вот почему так грубо мыслят саддукеи и почему с насмешкой спрашивают о будущей жизни. Им чудно и непонятно всё высокое души. Они грубо извращают представление о нем приспособительно к уровню своего морального состояния и, как бы мстя за утрату своей высоты и способности понимания ее, пускают в ход насмешку и злобу.

Поправляя саддукеев, Господь указывает, что нужно для правильного суждения о явлениях Духа, и в частности о будущей жизни, о чем спрашивали саддукеи.

Господь говорит, что для этого, во-первых, нужно знание Божественного Откровения («Писания»). В Божьем Откровении сообщено человеку то необходимое, что не может открыть ему опыт, но что ему нужно для разумной жизни.

Но одного знания «Писаний» мало. Надо, во-вторых, иметь в себе «силу Божию», которая открыла бы глаза души и дала бы возможность понять, сделать живыми слова жизни, а то ведь люди с низменной и закрытой душой, по слову Божию, «очи имут, и не разумеют, уши имут, и не слышат».

Судить же о явлениях души человеку, не просвещенному Духом, равносильно тому, как если бы неграмотный человек стал объяснять новейшие открытия в области электричества. По существу, так и бывает при вмешательствах в богооткровенную область умов, не просвещенных Божьей силой. Их суждения — низменно грубы, а вместо доказательств выдвигаются насмешка и злоба. Так было и у саддукеев.

Первая истина вечности состоит в том, что человеческий дух бессмертен и вечен, как бессмертен и вечен Бог — Источник всякой жизни, и в том числе Источник жизни человеческой души. И как не умирает жизнь, так, очевидно, вечно будет жив ее источник и всё рожденное и питаемое им. Это — аксиома. И как человеческая душа заключает в себе частицу этого вечного источника жизни, то и она этой частью вечности приобщена к вечности.

Господь и говорит: «Бог в Аврааме, в Исааке, в Иакове»... Бог жизни, не умирающий, и Он в них, и они не умерли... Бог не смерть... Бог — Жизнь, и где Он, там вечность и бессмертная жизнь: «Бог не есть Бог мертвых, но Бог живых» (ст. 27).

Итак, неумиране, бессмертие человеческой души — тоже аксиома. И очень понятная даже естественному сознанию: если не уничтожима тленная, разлагающаяся, постоянно превратная материя, то как же может быть уничтожен дух неизменный и непревратный?

И вторая истина вечности открыта Господом, истина о том, что Царство будущего, как освобожденное от земли, тела и тления, будет Царством чистого бессмертного Духа и что, как таковое, оно совсем отлично от земли с ее порядками и что оно будет подобно Царству бесплотных Ангелов.

Значит, мы ничего не можем знать об этом Царстве, кроме открытого в Божественном слове, и все человеческие представления о нем, переносимые с земных явлений, конечно, безосновательны, а смелое навязывание Царству вечности узко ограниченных и превратных представлений просто кощунственно.

Для верующей же души в открытом Господом Царстве будущего — вся полнота: хочешь быть с Господом, береги в себе частицу Божественного Духа... С нею ты бессмертен... и откроется тебе, после смерти тела, вечность... и в мире Ангелов, уготованном тебе, конечно, ты будешь «блажен во всем», т. е. вкусишь бесконечного счастья.

Один из книжников... подошел (ко Христу) и спросил Его: какая первая из всех заповедей? Иисус отвечал ему: первая из всех заповедей: слушай, Израиль! Господь Бог наш есть Господь единый; и возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим, и всею крепостью твоею,— вот первая заповедь! Вторая, подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя. Иной, большей сих заповеди нет. Книжник сказал Ему: хорошо, Учитель! истину сказал Ты, что один есть Бог и нет иного, кроме Его, и любить Его всем сердцем, и всем умом, и всею душою, и всею крепостью, и любить ближнего, как самого себя, есть больше всех всесожжений и жертв. Иисус, видя, что он разумно отвечал, сказал ему: недалеко ты от Царствия Божия (Мк. 12, 28—34).

Здесь Господь указал две опоры жизни... И они обнимают всю жизнь в целом... Одна из них дает теоретическое (метафизическое) обоснование жизни, другая указывает практическое, жизненное приложение первого обоснования... А обе в целом, как два якоря и два столпа жизни, и крепят ее на незыблемом фундаменте, и поднимают ее от ничтожества земной пыли до захватывающей высоты неба, и дают ей исчерпывающее наполнение до полноты ее завершения в вечности.

Вот теоретическое (метафизическое) обоснование жизни: Источник жизни — Бог. «Господь наш есть Господь Единый». И нет иного (источника жизни), кроме Него. Всё от Него, и всё в Нем... И, конечно, и человек от Него... И, конечно, жив будет человек только в Нем... А потому будь Его частью во веки! И, как Его часть, живущая только в Нем и Им, влейся в Него всем существом. Полюби Его так, как только способен смертный, до самозабвения... Уйди в Него всем сердцем, всем разумением, всею крепостью твоею... Как в любви, отдайся Ему до полного истребления себя... Чтоб тебя уж не было... А ты жил Им и в Нем, а Он жил в тебе...

Таков первый якорь и обоснование жизни. Им определяется место человеческой жизни во вселенной. Твоя жизнь есть часть Божественной жизни. И оправдание твоей жизни, как и оправдание жизни всей вселенной,— в устремленности к Источнику жизни — Богу, в восприятии от Него всей полноты жизни и в завершении жизни через слияние с Ним.

Господь указывает и второй якорь жизни и им определяет, каково должно быть практическое построение человеческой жизни.

Если всякая жизнь есть творение Бога и в человеческий дух вдунута частица Божественного Духа, то, значит, над жизнью, окружающей человека, тяготеет Промыслительная Божия Рука, а люди, окружающие человека,— такие же носители частиц Божественной жизни.

И, значит, если всем устремлением человеческой жизни, всей любовью человека должен быть Бог, то где бы и в чем бы ни было присутствие Бога, на то же обращается и человеческая любовь, т. е. человек должен отдать свою как бы отраженную любовь и всем созданиям Бога, человек должен любить других людей, окружающих, ближних.

И мало того. Так как Бог в Своем существе не являем человеку и Он открывается для человека только в Своих созданиях, как, например, в других людях, то и проявление человеческой любви к Богу более осязаемо в любви к людям.

Вот почему в другом месте Божественного Откровения любовь к ближнему выдвигается даже на первый план жизни и ставится показателем и меркой самой любви к Богу.

«Бога никто никогда не видел»,— пишет св. евангелист Иоанн.—

Если мы любим друг друга, то Бог в нас пребывает... Пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем... Кто говорит: я люблю Бога, а брата своего ненавидит, тот лжец; ибо не любящий брата своего, которого видит, как может любить Бога, Которого не видит?» И Апостол заканчивает свое наставление повторением Евангельских слов: «И мы имеем от Него (Бога) такую заповедь, чтобы любящий Бога любил и брата своего» (1 Ин. 4, 12, 16, 20, 21).

Так любовь к ближнему объявляется вторым столпом жизни и по своей практической осязаемости делается мерилom самой любви к Богу. Образуются замкнутый круг. Божия любовь изливается в мире и человеческом духе. Человеческий дух, рожденный от этой любви, в свою очередь восходит к своему Источнику — Богу через земные лучи Бога, рассыпанные в людских душах... И человек через свою любовь к этим душам и через Божественные лучи в них восходит к их небесному центру — Богу.

Указав две опоры жизни, Божественное слово определяет условия их действенности; оно определяет, как надо любить Бога и ближних, чтобы эта любовь принесла плод.

Любить Бога заповедуется «всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим, и всею крепостию твоею».

Сердце — центр душевной жизни. Следовательно, требуется, чтобы устремленность к Богу была не поверхностной, а чтобы самая глубина глубин души была повернута к Источнику жизни и устремилась к Нему. А когда обращенность к Богу пойдет из глубины души человека, она, конечно, обхватит, как всепожирающее пламя, всю душу и все способности ее, всё «разумение» ее.

Но Господне слово не довольствуется и таким, казалось бы, исчерпывающим определением любви к Богу. Оно добавляет и еще одну характерную черту: полюби Бога «всею крепостию твоею», т. е. всю силу жизни, как будто даже силу тела, всю силу физической жизни ты брось в эту любовь, чтобы уж ни один атом твоей жизни не остался недейственным, а всё живое в тебе, всё без остатка, ринулось бы в стихию твоей полноты, удовлетворения, блаженства! Вот так полюби!..

Указывается и условие действенности любви к ближним.

«Возлюбил ближнего, как самого себя...» В добавлении «как самого себя» ставится контроль твоей любви. Чтоб твоя любовь не оказалась бесплодной, мертвой, оторванной от жизни, чтоб она не оказалась самоуслаждающим построением, рассчитанным на то, что вне тебя, ты всякое дело любви применяй к себе: хорошо было бы такое дело для тебя и ради тебя или нет?

Это — идеальный контроль. Он стоит в неразрывной связи с твоим внутренним существом, совершенно соответствует ему и, как зеркало, отражает его. При нем моральный уровень твоего дела, обращенного к ближнему, падает или растет вместе с тобой самим. И по мере твоего духовного роста поднимается твое дело любви...

И когда ты в своем внутреннем росте дойдешь до совершенной любви к себе, а совершенная любовь к себе в христианстве есть — «отвергнись себя», возненавидь себя и погуби себя (Мк. 8, 34—35), тогда ты сумеешь и другого полюбить совершенно, т. е. до самоотвержения.

Вот почему в другой раз Христос и ставит пределом любви любовь до смерти. «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15, 13). И заповедь о любви до смерти ничуть не противоречит заповеди о любви к ближнему, как к самому себе. В них единство и замкнутый круг: ты познаешь и полюбишь ближнего через себя; и когда ты себя поймешь до отвержения себя, только тогда ты сумеешь полюбить до самоотвержения и другого.

Указывается и еще одно условие действенности заповедей, а именно: чтобы человек сделал их действительным обоснованием жизни, т. е. выдвинул их на первый план своего построения жизни, и не вздумал бы возводить какие-либо иные надуманные опоры жизни. В них (этих заповедях) дано всё. В них — «весь закон и пророки». И не затемняя их ничем, и не загромождай другой обманчивой декорацией жизни. Даже ради самого служения Богу не придумывай ничего затемняющего и отодвигающего заповеди любви, потому что исполнение их «выше всех всесожжений и жертв».

Значит, как в служении Богу держи на первом месте любовь, обращенность, устремленность к Нему всей душой и, помимо любви, не думай оправдаться чем-либо внешним, всяческими «всесожжениями», так и во всей остальной практической жизни держи любовь к Отцу и братьям в Отце в первом поле твоего зрения. Имей эту любовь первой задачей жизни и ее основанием, столпом и опорой. И тоже не вздумай подменить ее или затушевать и оттеснить какими-либо другими задачами и подпереть жизнь другими опорами, как бы они ни казались тебе разумными и надежными, даже если б они рисовались тебе «жертвами». Такая подмена будет пустым делом. Все твои опоры, помимо этих двух якорей, будут гнили, и оправдание жизни, помимо их, будет обманом.

Такой обман может временно держаться и, пожалуй, даже (особенно, как твоя «жертва») будет тешить тебя, но истинная сущность вещей рано или поздно вскрыется, фальшивая опора рухнет, и обманчивая декорация жизни рассыплется, как жалкенькая, ветхая размалеванная тряпка. И это потому, что нет другого фундамента жизни, как стихия любви, и попытка заменить этот фундамент или оттеснить его и ставить иные мнимо-разумные опоры жизни означает безнадежные потуги построить здание жизни на воздухе... Брось такое негодное дело... Рухнет... И тебя-то самого задавит...

Наконец, Божественное слово раскрывает причину, по которой заповеди о любви к Богу и ближнему ставятся фундаментом жизни.

Соблюдение этих заповедей обеспечивает оправдание жизни. Вот причина!

Книжник, беседовавший со Христом, принимает эти заповеди и, видимо, имеет готовность жизненно следовать им. Он заверяет Христа, что, по его сознанию, эти заповеди — центр закона и жизни и что они выше всего прочего, выше «всех всесожжений и жертв». И вот, Господь на такое заявление книжника отвечает ему: «Недалеко ты от Царствия Божия» (ст. 34). А ведь книжник даже не был учеником Христа!..

Вот где причина значимости любви... Это — путь к Царству... путь к Царству Божию даже для неидущих за Христом в данный момент.

И это истинно! Когда человек сделал Бога источником всей своей жизни, когда к Небесному Отцу обращена вся сила жизни, когда к Нему идет каждый вздох и Им направляется каждый шаг, когда в свете такого обращения к Отцу человек понял себя и других, как призываемых детей Божиих, а обернувшись на себя, ужаснулся своего безобразия, тогда, конечно, он всем сердцем прилепится к Отцу, бросится прочь от себя до ненависти к себе и погубления себя и, хоть ошупью, поползет к Отцу... Куда? Да куда же может ринуться человек при таком понимании жизни, кроме света Отца! Он поползет в свет Отца, к Его Царству...

И когда ему, бессильному, слепому, заблудшемуся, мелькнет свет Христа, выводящий на светлую дорогу Царства, тогда со всем захватом души он примет Руку Спасителя и тогда-то он неминуемо войдет в Божие Царство.

Продолжая учить в храме, Иисус говорил: как говорят книжники, что Христос есть Сын Давидов? Ибо сам Давид сказал Духом Святым: сказал Господь Господу моему: седи одесную Меня... Итак, сам Давид называет Его Господом: как же Он Сын ему? И множество народа слушало Его с утешением (Мк. 12, 35—37).

Во все века «книжники» ставили вопрос о Христе и разрешали его в духе иерусалимских книжников. Во все века маленькая мысль маленьких «книжников» всё добивалась «разумно», критически подойти ко Христу и раскрыть, разоблачить до конца «загадку» о Христе. Во все века человеческий умик изошрялся сделать новенькое картоночное построение, которое бы в корне изничтожило почитание Христа.

Каждая эпоха и всякий представитель ее из «книжников» подходил к задаче разрушения Христа как Бога со своей меркой. Это была условная, крайне ограниченная мерка данного отрезка времени, мерка господствующих взглядов и даже настроений, мерка направления науки, философии, и во всех случаях это была «кривая мерка» личного морального уровня «книжника».

И чем невежественнее и морально ниже был «книжник», тем безудержнее и бесшабашнее ползла вверх линия «разумного» понимания Христа. И всякий из «книжников» тужился войти в великаны. Всякий, ухватившись за какую-нибудь мысль, строил целую разрушительную теорию, в которой ничтожная часть материала о Христе подгонялась под новую «гениальную» мыслишку, а большая часть данных о Христе откидывалась, как источник неподлинный и негодный...

С победоносным видом каждый строил из себя неуязвимого победителя, разоблачившего все тайны и пролившего человечеству благодетельный свет истины. Каждый, захлебываясь, повторял своим «открытием»: «Ведь это же наука... Это логика... ну, что осталось от вашего Христа?»...

Жалкая человеческая мысль! Совсем не видела она, что если у наиболее умных и честных «книжников» и была какая-то логика и правда, так это была логика и правда мышинового угла, логика натуживающейся лягушки и правда муравья, схватившего соринку и мчащегося с ней богачом.

Жалкая человеческая мысль! Бессильна она подняться до логики вселенской, и бессильна она понять правду жизни. Так и путается она в кучах своих маленьких правд, иногда фантастичных и надуманных, а иногда и подленьких.

Христос долготерпелив, и многотерпеливо вечное христианство.

За многовековое блуждание чего-чего ни плела на них человеческая ограниченность. Христос — то пророк, то гуманный учитель нравственности, то иудейский бунтарь против римлян... и еще, еще вариации без конца... а в заключение: Христос — миф... Его никогда не существовало...

В христианстве передергивалось каждое явление и каждый шаг жизни, подгонялось к той или иной предвзятой теории, бравшейся объяснить новое «открытие»...

В Евангелиях перевертывалось всякое слово... С уничтожающим видом отделяли «заимствованное», отбрасывали «противоречивое», устраняли «фантастичное», зачеркивали «позднейшее», обходили «сомнительное»... Запутывались в простом и ясном и дошли до банкротного утверждения: «Нет ничего достоверного, и ничего мы сказать не можем».

И вот, при всей этой мышинной возне остается неумирающим, вечно правдивым Евангельское слово, сопровождающее рассказ о потугах

книжников «разоблачить» Христа: «и множество народа слушало Его с услаждением» (ст. 37).

Тут мышиная возня с донкихотским самомнением и «сокрушением основ», а Христос стоит всегда величавый, вечно живой и дающий жизнь, всегда обаятельный, зовущий, всегда выше мира и всегда близкий сердцу, готовый всем всё простить и обласкать.

Христос несокрушимо стоит у мира, вечно-бессмертный Источник одной правды и света... Он стоит у мира как источник всякой жизни, как зовущий и любящий Отец и вместе как нелицеприятный Судия.

И доньше верно слово: «слушали Его с услаждением». Доньше и вечно чистые души будут тянуться к Нему... Они льнут к Нему в радости и горе, потому что земля не может вместить большой радости и утешить горя. А Он один даст успокоение душе и счастье.

Тут мышиная возня... А Христос стоит и будет стоять вечно-бессмертный, влекущий.

Ну, сам подумай... Что же это значит? Что значит, что при всех сокрушительных «наскоках» книжников, рассеивающих христианство «в прах», Христос величаво стоит и чистые души льнут к Нему и готовы с услаждением слушать Его всю беспредельную вечность?!

102

И говорил им (Господь народу) в учении Своем: остерегайтесь книжников, любящих ходить в длинных одеждах и принимать приветствия в народных собраниях, сидеть впереди в синагогах и возлежать на первом месте на пиршествах, — сии, посядающие дома вдов и напоказ долго молящиеся, примут тяжчайшее осуждение (Мк. 12, 38—40).

Господь предостерегает от книжников, бывших учителями закона, и изрекает книжникам «тягчайшее осуждение». За что? За длинные одежды? За первое место в синагогах? За первые места на пиршествах? Конечно, не за это само по себе, а за лицемерие. Их внешность не соответствовала внутреннему... в них всё было показным... даже молитва: «напоказ долго молящиеся». Значит, длинная одежда, предсказание в синагогах, предлежание на пиршествах осуждаются, как показатели лицемерного тщеславия.

Падают ли осуждение на самый закон, представителями которого были книжники? Нисколько. Закон ничего не теряет в своей святости и ценности для жизни, если его провозвестниками на земле оказываются люди негодные, тщеславные и лицемерные. Закон — сам по себе, а служители его — сами по себе... Закон Бога остается вечно святым законом Бога, а негодные служители закона понесут тягчайшее осуждение, как рабы, знавшие волю Господина и не сотворившие ее... Они будут «биены много».

В Евангелии от Матфея, где подробно рассказана беседа осуждения книжников, отчетливо приводятся слова Христа, которыми Он разграничивает учение закона, возвещавшееся книжниками, от самих книжников. Первое — свято, и закон должен быть исполнен, а самих негодных проповедников закона следует остерегаться. «На Моисеевом седалище сели книжники и фарисеи; итак, всё, что они велят вам соблюдать (по закону), соблюдайте и делайте; по делам же их не поступайте» (Мф. 23, 2—3).

103

И сел Иисус против сокровищницы (храма) и смотрел, как народ кладет деньги в сокровищницу. Многие богатые клали много. Придя же, одна бедная вдова положила две лепты, что составляет кодрант. Подозвав учеников Своих, Иисус сказал им: истинно говорю вам, что эта бедная вдова

положила больше всех, клавших в сокровищницу, ибо все клали от избытка своего, а она от скудости своей положила всё, что имела, всё пропитание свое (Мк. 12, 41—44).

Образ бедной вдовы, опустившей в кружку две лепты и похвальной Христом больше всех других жертвователей,— опять классический образ. Он прост и ясен. В нем похвывается качество дела веры и любви сравнительно с количеством, т. е. с наружным выражением этого дела.

Но дело вдовы значительнее, чем оно обычно представляется, и слова Христа глубже только похваления качества доброго дела.

Вдова была бедной, и она положила в сокровищницу ничтожную сумму. И, однако, Господь выделяет вдову из всех жертвователей. Но, выделяя вдову, Господь обозначает великость ее дара не тем, что она дала один кодрант из двух, скажем к примеру, которые она имела, т. е. не тем, что она отдала Богу половину того, что имела, и не тем обозначается великость дара вдовы, что она положила две лепты от всего сердца, а похвывается вдова и ее дар за то, что она «положила всё, что имела, всё пропитание свое» (ст. 44).

Пойми это: «положила всё, что имела, всё пропитание свое».

Вот, какой дар похвывается! Вот, каково должно быть качество дара! Вот, каково должно быть участие сердца! Похвывается такая обращенность к Богу, такая вера в Господа и такой дар веры, при которых человек совсем о себе забывает...

Пошел к Богу и всё Ему понес, а о себе даже не знает, что он сегодня есть будет, да и будет ли, потому что ничего нет у человека!

Пошел человек к Богу, и ничего для него уже не существует... себя самого не существует...

Вот Евангельский пример безраздельной отдачи себя Богу, когда между душою и Богом нет даже тени земли. Вот пример веры и любви до самоотвержения, самозабвения.

Понятно, что при такой обращенности и при такой вере и любви всякий дар человеческой души, как бы он ни был ничтожен внешним исчислением, перевесит все другие, потому что тут в жертву веры и любви принесена вся человеческая жизнь.

Вот о какой вере, любви и даре идет речь в рассказе о двух лептах вдовицы. И ты, если захочешь измерять малость или великость своих даров Богу и ради Бога, измеряй их степень отдачи себя Богу по вере и любви к Нему и степени отказа от себя, степени самозабвения в служении Богу.

Вот почему в другой раз Господь и заповедует принесшему дар к алтарю и вспомнившему, что его брат имеет что-либо против него, оставить дар у алтаря и прежде пойти и примириться с братом, а потом уж принести Господу свой дар. Заповедуется так потому, чтобы освободить принесшего дар от всякой тяготы земли, от всяких его «долгов» на земле, связывающих его с землею, чтобы, таким образом, ему свободнее было оторваться со своим даром от земли и даже от себя самого. Сила дара — в оторванности души от земли и в устремленности ко Христу, когда она не только дар, а себя самое готова каждый миг отдать Христу.

Вот так понимай рассказ о вдовице.

104

И когда выходил Он (Христос) из храма, говорит Ему один из учеников Его: Учитель! посмотри, какие камни и какие здания? всё это будет разрушено, так что не останется здесь камня на камне (Мк. 13, 1—2).

13-я глава Евангелия святого Марка почти вся целиком является одним знаменательным образом. В ней Господь предрекает близкую

гибель Иерусалима и в картине этой гибели дает образ грядущего конца мира.

«Учитель! посмотри, какие камни и какие здания!» Ученики удивляются и восхищаются величавой твердыней Иерусалимского храма.

Здесь слышится голос сынов земли, упоенных материальной культурой, созданной человеком. «Какие камни!.. Какие здания! Как настойчиво использована природа и ее силы! Использована поверхность земли, и ее недра, и ее воздух... И камни, и металл, и твердое, и сыплющееся, и льющееся, и газообразное, и растущее, и движущееся, и летающее — всё, кажется, использовано человеком в своих целях... «И какие здания!» И какие только сооружения не затеяны человеком. Кажется, весь земной шар окутан паутиной проволок и окован железом! Изборождена поверхность... тронуты глубины... изборождены воды... Скоро тесно станет и в воздухе...

И сыны земли и удивлены, и восхищены... Внешнее пленило человеческий глаз. Нагромождение земного заслонило и вытеснило всё иное, неземное... И нагромождение камней и железа надломило маленький человеческий ум!.. «Посмотри, что я сделал!.. Не я ли творец и распорядитель всех вещей на земле?!»...

«Иисус сказал ему в ответ: видишь сии великие здания? всё это будет разрушено, так что не останется здесь камня на камне»...

Видишь ли всё это паутинное нагромождение внешней культуры, опутавшее всю землю? В одно мгновение, как свивается паутина, долго и искусно тканая пауком, в одно мгновение всё изничтожится так, что от кирпичной постройки земли не останется камня на камне!

Такова судьба того, чем ты загордился и чем опутался... Всё твое нагромождение оказывается жалким ничтожеством!

105

И когда Он (Господь) сидел на горе Елеонской против храма, спрашивали Его наедине Петр, и Иаков, и Иоанн, и Андрей: скажи нам, когда это будет, и какой признак, когда все сие должно совершиться? Отвечая им, Иисус начал говорить... (Мк. 13, 3—5).

О последних судьбах мира Господь говорит только избранным. Все не поймут... Все так закружились... так затканы паутиной... так заставились обманчивыми декорациями жизни... так восхищены величием и красотой воздвигаемых камней, что где же им увидеть свое копошенье в земной пыли и где же уразуметь муравьиность своей возни?!

А избранных Он поднимает с Собой на гору и ставит их ум и душу выше нагромождений из земной пыли, чтобы кругозор их был светел и просторен, душа поднялась над кучами камня и глаз видел жизнь шире и глубже.

И избранным «наедине», чтобы и их не давил грохот торжествующего камня, лязг шумливого железа и победный вой слуг — рабов железа и камня, избранным, тем, кто способен понять, открывает судьбу нагроможденных камней.

106

И во всех народах прежде должно быть проповедано Евангелие (Мк. 13, 10).

Человечеству, соблазняющемуся новыми богами, кичливо выдвигаемыми взамен смиренного Христа Господня, не будет оправдания. Ему открыт Свет, чтобы не сбиться с пути... Ему дана Божественная Правда, чтобы не обмануться фальсифицированной правдой... Проповедь Вечного Евангелия пройдет через всю вселенную и все народы, чтобы

никому не было оправдания, что он не просвещен и не знал Истины и по неведению и неразумению поддался соблазну. Возможность прикрыться перед Божией Правдой этой обманчивой отговоркой будет отнята.

«Если б Я не пришел и не говорил вам (через Святое Евангелие), вы бы не имели греха (не следуя Евангелию), теперь же вы не имеете оправдания в грехах своих» (Ин. 15, 22).

107

Через два дня надлежало быть празднику Пасхи и страсноков. И искали первосвященники и книжники, как бы взять Его хитростью и убить (Мк. 14, 1).

Бога в душе можно взять и убить только хитростью. Когда душа чиста и ее жизнь не испорчена, в ней настолько же естественно сознание и ощущение Бога, насколько естественны все нормальные, природные процессы ее жизни. Ведь сознание и ощущение Бога в чистой душе врожденны... И как часть тяготеет к целому, как сродное стремится к сродному, как сын тяготеет к отцу, так точно душа не может оторваться от сознания Бога и тяготения к Нему.

И потому чтобы изничтожить Бога в душе, надо предварительно ввести в жизнь души какой-то обман и хитрость, которые бы перетасовали все природные устремления души, замели следы ее истинной сущности и подсунили душе какую-то фиктивную правду о ней самой и о правде ее жизни.

Это и делают все призрачные построения жизни вне Бога, а помогает этому грех, просачивающийся в душу, мертвящий ее и развязывающий в душе стихию зла взамен стихии обращенности к Богу и связанности с Богом.

«Спасение душ наших, Господи, слава Тебе!»

(Вел. Понедельник, утр. стихира на стиховне)

14-я и 15-я главы Святого Евангелия Марка рассказывают о событиях последнего дня земной жизни Господа: о предательстве Христа, о суде над Ним, об осуждении Его, о страданиях, крестном пути, распятии, смерти и погребении.

Все эти моменты великого дня Пятницы настолько сильны и значительны, что пред величием их ничтожно всякое человеческое слово. Все они, конечно, являются недостижимо высоким образом тяжчайших и безвинных страданий, понесенных Христом ради любви к людям. И этот образ был, есть и будет могучей силой для земных страдальцев во имя Христа!..

Не этот ли образ воодушевлял апостолов, давал силу мученикам и делал легкими подвиги преподобных?!. Не он ли во все века был зовущим образом на подвиг веры?!. Не он ли укреплял ослабевающие руки в борьбе со злом и грехом жизни?!. Не он ли утишал всякую слезу?!

И образ страдающего Христа останется вечным, недостижимым идеалом каждого христианского страдальца. Покоряющая сила этого образа близка каждой христианской душе. Она навеивается всяким словом Евангельского рассказа и глубоко впечатлевается в сердце. Покоряющая сила этого образа навеивается Евангельским рассказом и его прямым историческим смыслом.

Настоящее слово не касается исторической стороны рассказа о страданиях и смерти Господа, и ты не ищи в последующем изложении исчерпывающего раскрытия текста 14-й и 15-й глав.

В соответствии со всем содержанием «образов» ты видел в историческом тексте лишь ту сторону, которая в ее переносном понимании

может быть одновременно начертанием подвижнического пути всякого земного подвижника.

Итак, читай последующие разделы, имея в виду эту ограниченную задачу. Но при чтении каждого раздела восполняй и одушевляй читаемое представлением целостного Первообраза Крестоносца Христа, как этот образ дается всем объемом Евангельского текста.

108

Но говорили (первосвященники и книжники): только не в праздник (надо взять обманом Христа), чтобы не произошло возмущения в народе (Мк. 14, 2).

Конечно, убить Бога в душе можно не в праздник души, когда в душе светло и ясно и когда душа празднично ликует в общении с Отцом и Богом... А убийство Бога в душе совершается в мрачные будни души, в которые вгонит ее грех и падение.

В мрачные будни души, когда порвана связь со Светом, когда затеривается правда пути, а зло подсказывает как будто облегченный и приятный путь лжи, тогда подсунуть душе фальшивку жизни легче... тогда она (фальшивка) скорее сойдет за подкрашенную правду.

«Просвети одеяние души моея, Светодавче, и спаси мя!» (Екзапостиларий на утрени Вел. Понедельника).

109

Когда был Он (Христос) в Вифании, в доме Симона прокаженного, и возлежал, пришла женщина с алавистровым сосудом мира из нарда чистого, драгоценного и, разбив сосуд, возлила Ему на голову. Некоторые же вознегодовали и говорили между собою: к чему сия трата мира? Ибо можно было бы продать его более нежели за триста динариев и раздать нищим. И роптали на нее. Но Иисус сказал: оставьте ее; что же вы смущаете? Она доброе дело сделала для Меня. Ибо нищих всегда имеете с собою и, когда захотите, можете им благотворить; а Меня не всегда имеете. Она сделала, что могла: предварила помазать тело Мое к погребению (Мк. 14, 3—8).

Снова голос земли и снова попытка подменить Божеское человеческим! Опять выдвигается земное и видимое взамен неосязаемого, но полноценного.

Женщина по вере и любви ко Христу приносит Ему жертвенный дар. А земля считает: «Практично ли это? К чему сия трата мира?» И земля сейчас же прикрывается благовидным предлогом: «нищие»... «Не лучше ли продать миро и раздать деньги нищим?»

Христос восстанавливает значение ценностей.

Нищие и благотворительность им — это хорошо... И нищие около вас, и вы всегда можете оказать им добро.

Но вот всегда ли с душою Бог? А ведь когда не будет с душою Бога, захотите ли вы откликнуться нищим? Значит, умна ли ваша забота о нищих, когда вы своею земною практичностью и служением земным целям рушите фундамент забот о добре?

Вывод отсюда ясен. Всё, что касается твоих дел, непосредственно обращенных к Богу и делаемых ради Него и по Его закону, как-то: подвига, насилия над собою, очищения сердца, молитвы, поста, жертв, — всё то совершай прежде всего и не загораживай этого никакими земными целями, как бы они ни были высоки и согласны с Христовым законом. И это потому, что ты строишь Божеский фундамент души, и когда он будет прочен, на нем уже легко построится всё нужное, прикладное, что потребует Божеский закон.

А без Божеского фундамента в душе всё внешнее построение жизни

(хотя бы и основанное на разумном и добром, например, та же помощь нищим) будет висеть в воздухе, предоставленное случайностям человеческих взглядов, настроений, человеческого душевного состояния.

А потому неси Самому Христу драгоценнейшее миро твоей веры и любви... Раскрой дорогóй сосуд твоей души и пролей из него всю ароматную влагу, насыщенную устремленностью к Господу...

Не измеряй глубину искания... Не считай ценность жертв. Ты приобрел бесценное: с тобой Господь... Это драгоценнее всего... А когда будет с тобой Христос, ты с легкостью воздашь должное нищим.

«Очисти, Господи, скверну души моя и спаси мя, яко Человеколюбец» (Вел. Вторник, утренняя стихира на хвалитех).

110

И пошел Иуда Искариот, один из двенадцати, к первосвященникам, чтобы предать Его им. Они же, услышав, обрадовались и обещали дать ему сребренники (Мк. 14, 10—11).

Это обычная человеческая история, что Христос продается из души «за сребренники».

«За сребренники», за материальные блага, за удобства жизни, за боязнь лишений, из-за кичливого нежелания расстаться с самостью вытесняется из души Бог.

Конечно, продажа совершается не как явная сделка (хотя бывает и это), чаще она представляет из себя длительный процесс компромиссов. Но всегда в основе всякого компромисса лежит предпочтение «сребренников», т. е. материального, духовному.

А потому рассуди: всякая измена Богу измена Богу разве не будет предательством Его?

«Слава снисхождению Твоему, Человеколюбче!» (Вел. Пятница, вечерняя стихира на стиховне).

111

Горе тому человеку, которым Сын Человеческий предается: лучше было бы тому человеку не родиться (Мк. 14, 21).

Конечно, горе предателю... Горе всякому изменяющему Христу и предающему Его из души своей, потому что он предает «Источник живой воды», опустошает зелень и жизнь души и обращает ее в мертвую пустыню.

Горе предателю!.. Горе изменнику... Лучше бы ему не родиться, потому что конец его — злая смерть. Это хуже небытия... Небытие — это несуществование. А смерть во зле обрекает душу на вечность во зле, иначе — на вечное страдание. Лучше бы не родиться человеку зла.

«Иже о всех благий Господи, слава Тебе!» (тропарь на утрени Вел. Четверга).

112

И, воспев, пошли на гору Елеонскую (Мк. 14, 26).

Елеонская гора — гора молитвы и молитвенного восхищения.

Господь с учениками восходит на нее «воспевши», т. е. в духовной бодрости. И вот, эта гора делается Господом начальным пунктом собственно крестного пути.

Тут два назидательных образа подвижнического конца.

Первый в том, что крестный путь начинается на горе. Это значит, что Господь ставит на него только избранных, прошедших низину земли, оставивших землю сзади себя и поднявшихся выше земли, поработавших ее и возвысившихся над нею.

И второй образ в том, что путь креста неразрывен с молитвенным восхищением. В молитвенной восхищенности подвижник вступает на него «воспевши», т. е. в бодрости, в радости, в ликовании молитвенных песней.

«Твоя радости достойна мя сотвори, Спасе, заблудившаго, великия ради Твоя милости» (Вел. Вторник, утренняя стихира на стиховне).

113

И говорит им (ученикам) Иисус: все вы соблазнитесь о Мне в эту ночь, ибо написано: поражу пастыря, и рассеются овцы (Мк. 14, 27).

Ночь — время тьмы и всяких обманов. Ночью встают призраки... И ночью, когда нет света, ширятся дела тьмы...

Так и в духовную ночь предательства и измены Богу тьма покрывает человеческую душу. И в жизни человека уж начинаются господствовать призраки и воцаряются дела тьмы... Тогда изымается из жизни опора, человек чувствует, что нет прочности в жизни, и в нем развивается малодушие пред лицом неизвестного и мрачного.

А в состоянии малодушия, в состоянии духовной прострации от потери духовной опоры жизни где же человеку противодействовать всяким соблазнам тьмы, надвигающимся на него ночью?!

В человеке уж нет и тени мужества, и когда Свет и Бог заволакиваются тьмою, человек бессилен противоборствовать ей, так как нет у него в душе прочной опоры, и поэтому «соблазны» тьмы одерживают легкую победу и господствуют.

«Все вы соблазнитесь о Мне» в эту ночь предательства Бога, ночь тьмы, обмана и господства призраков.

И исполняется пророческое слово: «Поражу пастыря, и рассеются овцы». Поражается в душе Пастырь и Вождь — Бог, и овца-душа заблудится и погибнет на распутьях жизни.

«Десным овцам Твоим сопричти мя, Владыко, прегрешений презрев моих множество» (Вел. Вторник, 9-я песнь канона на утрени).

114

Петр сказал Ему (Христу): если и все соблазняются, но не я. И говорит ему Иисус: истинно говорю тебе, что ты ныне, в эту ночь, ...трижды отречешься от Меня. Но он еще с большим усилием говорил: хотя бы мне надлежало и умереть с Тобою, не отрекусь от Тебя. То же и все говорили (Мк. 14, 29—31).

Ученики любят Господа... А Петр пламенеет к Нему любовью...

Сколько раз он являл свою любовь? А разве все они не были искренни, когда говорили о смерти за Него и с Ним? И разве в действительности большинство их не отдало за Него своей жизни?

И, однако, в ответ на заявление Петра и учеников Господь предостерегает отречение Петра! Так обнажается человеческая самонадеянность.

Так в христианском пути жизни силу и устойчивость подвига гарантирует не человеческое желание, как бы оно ни было захватывающе-велико и искренне, а Божия Сила, которой живет и действует подвижник и которая совершает его спасение.

Вооруженные Божией Силой, Петр и другие избранные и запечатали свой подвиг смертью за Господа.

«Благословен Грядый крестом спасти всяческая» (Неделя Ваий, 9-я песнь канона на повечерии).

И говорит ему (Петру) Иисус: истинно говорю тебе, что ты ныне, в эту ночь, прежде нежели дважды пропоет петух, трижды отречешься от Меня (Мк. 14, 30).

Сочетание цифр — дважды и трижды, трехкратное отречение при двукратном пении петуха — образец малодушной души, уходящей от Христа.

Когда она совершила первую измену, когда она стала на путь отречения, она уже не остановится на скользком пути уклона жизни. Уже без всяких понуждений извне душа, как бы подгоняемая собственным банкротством, торопится засвидетельствовать свою верность злу и уж забегает вперед на пути предательства и совершает измены, опережая кнут погонщика.

Так на коротеньком отрезке времени (прежде чем дважды пропоет петух) она докатится до своего конца и отпадет от Бога.

«Пощади души наша, Христе Боже, и спаси нас» (Вел. Среда, 9-я песнь канона на утрени).

Пришли в селение, называемое Гефсимания; и Он (Господь) сказал ученикам Своим: посидите здесь, пока Я помолюсь (Мк. 14, 32).

Молитвой начинается путь Креста. Путь Креста — путь к Отцу. А молитва и есть уход к Отцу и в Его стихию. Значит, через молитву душа приражается небу и обвеивается его силами и крепнет для подвига.

И Сам Господь в начале Своего Крестного пути уходит к Отцу в напряженной, до кровавого пота, молитве (Лк. 22, 44).

Вникай... Вникай... Хочешь быть сильным в подвиге — молись, молитвой уходя к Отцу.

«Господи долготерпеливе, велия Твоя милость, слава Тебе!» (Вел. Четверг, утренняя стихира на хвалитех).

И взял с Собою Петра, Иакова и Иоанна; и начал ужасаться и тосковать. И сказал им: душа Моя скорбит смертельно; побудьте здесь и бодрствуйте. И, отойдя немного, пал на землю и молился, чтобы, если возможно, миновал Его час сей; и говорил: Авва Отче! всё возможно Тебе; пронеси чашу сию мимо Меня; но не чего Я хочу, а чего Ты (Мк. 14, 33—36).

Путь Креста, конечно, есть отречение от земли, и понятно, что земля всячески протестует и тело содрогается от предстоящих страданий. Протест и содрогание плоти особенно жгучи перед жертвенными моментами подвига. Тогда они закружатся в теле знойным неудержимым вихрем, поднимутся и заполнят человека до краев земной жизни, пронизают все поры, вторгнутся в самую душу и потрясут ее до глубины, кажется, совсем, совсем пленят ее и передадут ей весь непереносимый ужас и всю тоску о жизни.

И заполнит душу тоска и разовьет страдание в ней, как предсмертные муки, совсем подавляя и как бы изничтожая душу. И в этот час предсмертной тоски, как жгучего протеста человеческой природы против насилия над ней даже до смерти, ничто, ничто человеческое не может укрепить поверженную душу и дать силы справиться с собой... Доводы разума, всё напряжение воли, отчетливейшее сознание долга — всё будет пустым звуком...

В этот час душу поднимет из мрака тоски и волеет в нее силу только молитва... Это будет молитва — вопль к Отцу о Его Божественном вмешательстве. Молитва поверженного на землю («пал на землю»), молитва из праха земного о Высшей Силе и помощи... молитва отречения от человеческого бессилия и одной устремленности к Отцу.

И, как дань человеческой немощи, молитва начнется с вопля о том, «чтобы, если возможно, миновал час сей», час тяжких страданий креста.

А вот, когда укрепляющая сила молитвы восстановит равновесие души и душа всецело волеется в стихию Бога, в которой ее опора и жизнь, тогда молитва потечет только об одном — чтобы не оказаться душе выключенной от общения с Богом, чтобы Божья воля руководила жизнью, потому что в этой воле человеку обеспечено спасение-счастье...

При отдаче в Божью Руку, обеспечивающую жизнь души, внешнее устройство жизни теряет всякую ценность, и как бы оно ни оказалось тяжким, оно переносимо, потому что будет сознание, что главное-то, нужное достигнуто, что Господь с душой и она в Его Руке.

Тогда потечет молитва о Божьей воле: «От Твоей, Господи, Руки и в Твоей воле мое спасение! Пусть же я пребуду в Твоей воле во веки. Один Ты спасешь меня... Сам же я не обеспечу свое избавление... А потому пусть будет *не чего я хочу, а чего Ты*. Лишь бы мне быть с Тобой. *Да будет воля Твоя*».

Так и Божий Сын зывал к Отцу, предавая Себя Его святой промыслительной воле, в которой всё оправдание жизни.

«Человеколюбче, Христе Боже, прегрешений даруй оставление, поклоняющимся верою пречистым Страстям Твоим» (Вел. Понедельник, седален по 3-й кафизме на утрени).

118

Возвращается (Господь к ученикам после молитвы) и находит их спящими, и говорит Петру: Симон! ты спишь? не мог ты бодрствовать один час? Бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение: дух бодр, плоть же немощна. И, опять отойдя, молился, сказав то же слово. И, возвратившись, опять нашел их спящими, ибо глаза у них отяжелели, и они не знали, что Ему отвечать. И приходит в третий раз и говорит им: вы всё еще спите и поживаете? Конечно, пришел час: вот, предается Сын Человеческий в руки грешников (Мк. 14. 37—41).

Какой выразительный пример человеческой немощности! И немощности самой жалкой, потому что проявляется она в величайший и трагический момент жизни, и проявляется она не в каких-нибудь бросках и натугах человека (хотя бы и бесплодных), а проявляется она и отодвигает всё великое в ничтожном, казалось бы, проявлении человеческой природы — в сне.

Пришел сон, и забыто и бессильно великое, и человек — данник своей слабости. А потому забудь киченье: ты силен только в Боге.

Для Господа приближается момент предательства и Креста. Господь открыто говорит об этом ученикам. И ученики из слов Господа видят, что час испытания близок. Возбужденные этой близостью, они только что свидетельствовали Христу о готовности положить за Него жизнь.

И при всем том немощь... обычная человеческая немощь не оставляет и апостолов.

Вот сейчас в Гефсимании избранные из избранных, любимейшие из любимых, приближеннейшие из близких снова выделены из остальных, как и в другие значительные моменты жизни Христа... Сейчас они знают, что вот-вот надвинется страшное горе... Вот они только что слышали от Самого Христа, что душа Его скорбит смертельно... Вот

они видят Его в величайшем борении — ужасе и тоске. Вот Он только просит их бодрствовать вместе с Собой... А Сам немного отходит и на их же глазах бросается на землю и молится до кровавого пота...

А избранные забыли всё... Была полночь, и сон опускал веки, закрывая глаза... и засыпали апостолы!

И не действуют новые призывы Господа к бодрствованию... Не действуют упреки, что и один час они не могли преодолеть себя... Они безмятежно сонливы... Они не знают, что Ему отвечать... Три раза их будит Господь. Всё тщетно... Немошная природа брала верх: ученики опять засыпали...

Вот иллюстрация человеческой беспомощности. Нечего кичиться человеку своими естественными силами!

Господь указывает долг человека превозмогать естественную немощность. Это долг потому, что в состоянии преобладания немощности к человеку прокрадывается подстерегающее его искушение и в дремотном теле застанет дремотную душу и стеснит ее грехом.

И вот, чтобы избежать внедрения в душу греха, надо преодолевать естественную немощность, высвободить душу от подчинения ей и держать душу в духовном бодрствовании. «Бодрствуйте»... Плоть немощна, а дух (должен быть) бодр.

Средство держать душу в бодрствовании — молитва: «Бодрствуйте и молитесь». Молитва — уход души в стихию Бога; через молитву душа человека входит в мир Духа и силы Духа прирождаются человеческой душе, вооружая ее и делая ее способной противоборствовать искушению.

Если бодрствование нужно для всегдашнего преобладания духовности, то тем более оно неминуемо в пути креста, когда от души потребуются через молитву такая насыщенность силою Духа, при которой плотяное совсем и замерло, и как бы отпало.

И Сам Божий Сын испытывает закон тела, его немощность и молитвой к Отцу устраняет боренья.

«Честная Твоя воспеваем страдания и славим, Спасе, крайнее Твое снисхождение» (Вел. Понедельник, седален канона на повечерии).

119

Встаньте, пойдём; вот, приблизился предающий Меня
(Мк. 14, 42).

Вот результат молитвы... Боренья позади... Плотяное подчинено Духу. Не угнетаемый телом, Божественный Дух царит и царственно распоряжается... Теперь Он величав и спокоен... Он властвует. Он, послушный Божьей воле, Сам свободно пойдет на путь Креста. Он Сам взойдет на Крест. В свободе и силе подвига и его ценность... Путь Креста — не дорога раба, невольно загнанного на нее и боязливо озирающегося на ней... Он не горькая доля побежденного... Путь Креста — путь победителя... На него становятся свободным волеизъявлением... На нем нет рабов. По нему идут «свободные», и «сыны», и «дети».

Вот почему Спокойный, Величавый, Властный говорит: «Встаньте, пойдём (навстречу); вот, приблизился предающий Меня».

«Твоя Божественная Страсти превозносим, Христе, во вся веки» (Вел. Вторник, 8-я песнь канона на повечерии).

120

Тотчас, как Он (Господь) еще говорил, приходит Иуда, один из двенадцати, и с ним множество народа с мечами и колющими, от первосвященников и книжников и старейшин...

Тогда Иисус сказал им: как будто на разбойника вышли вы с мечами и кольями, чтобы взять Меня. Каждый день бывал Я с вами в храме и учил, и вы не брали Меня. Но да сбудется Писания (Мк. 14, 43, 48—49).

Зло всегда ополчается на подвижника внешним давлением. Как бы невольно признавая идейное внутреннее превосходство добра и невозможность состязаться с ним со стороны жизненной правдивости, зло в соприкосновении с добром и в состязании с ним всегда готово прибегнуть к кольям и мечам, т. е. внешней силой доказать свое мнимое преимущество. И на крестном пути мир зла встретит подвижника кольями клеветы, досаждений, насмешек, укоризи и мечами всяких внешних ограничений и нападений. И в этом нападении зла есть одна сторона, отмечаемая Евангельской историей нападения на Христа.

Зло, как жалкий и трусливый раб, невольно признающий превосходство господина — добра, употребляет во много раз больше внешних усилий для внешнего преодоления добра, чем сколько требуется обстановкой жизни. Ведь добро внешне не защищено и внешне беспомощно, а зло как бы трусит, волнуется пред лицом своего беспомощного противника и наращивает внешние усилия, чтобы раздавить совсем беззащитного «врага».

Так было в Гефсимании. Против одного Христа, вооруженного только молитвой, против горсти Его мирно спавших учеников мир зла высылает целую толпу («множество народа»), вооруженную мечами и кольями...

И какой обличительной грустью, вскрывающей внутреннюю неправду и бессилие зла, звучит упрек Христа: «Как будто на разбойника вышли вы с мечами и кольями, чтобы взять Меня».

«Тем же Тебе вопием, Проданному и Свободившему нас, Господи, слава Тебе» (Вел. Среда, вечерняя стихира на «Господи, воззвах»).

121

Предающий же Его дал им знак, сказав: Кого я поцелую, Тот и есть, возьмите Его и ведите осторожно. И, придя, тотчас подошел к Нему и говорит: Равви! Равви! и поцеловал Его. А они возложили на Него руки свои и взяли Его (Мк. 14, 44—46).

Нападающее зло, как бы желая обезопасить себя, любит и поощряет предательство.

Предательство... На крестном пути — это невыносимое отягчение страданий и скорби... Ведь предатель не из врагов, он вчера еще был свой, близкий, ученик, друг... И сегодня он поцелует, этим высшим знаком любви, предает Учителя... Это ли не удар ножом в сердце?

Так истребляется в подвижнике всё человеческое, чтобы не осталось «прилепления» его к чему-то земному... Ученик, друг, часть сердца, часть души — и тот предал. И предает целуя, т. е. надругаясь над высшим в жизни — над любовью... Издевательством над самой любовью предается подвижник любви!

О мир! О, всеистребляющее зло!

Но Евангелие, сказав об этой внешней победе зла, сейчас же одним характерным штрихом обозначает всё прежнее ничтожество торжествующего зла... И, одержав внешнюю победу, зло не усилилось. Оно осталось трусливым рабом...

Иуда, совершив предательство, добившись цели, торжествует... Но, торжествуя, он дрожит... Торжествующая дрожь! Ему видятся большие опасности и страхи. «Ведите Его осторожно», — говорит он... Кого он боится? Себя самого... Истинно торжествующая дрожь!

А подвижник креста укрепляется во внутренней силе. Отпадает шелуха земного... Его опора — в одном Небесном Отце.

Тогда (в момент предательства), оставив Его (Христа), все бежали (Мк. 14, 50).

Так сбрасываются последние пути земли. Подвижник креста остается один. В часы, дни, месяцы, години душевной тучи, когда сплошной пеленой надвинется истребляющее зло, когда поднимется вся враждующая низость, когда боренья обхватят сплошным кольцом, когда невыносимость напряженности достигнет крайних пределов, тогда ничто, решительно ничто из земного не окажет поддержки боримому духу... Ни родство, ни дружба, ни даже самая любовь не смогут проникнуть до глубин боримой души, раствориться в ней и влить в нее елей мира и вино бодрости... Тогда одинока душа подвижника... Тогда всё земное и человеческое бессильно подойти к ней и оказать поддержку.

И повторяется Гефсимания: «Тогда, оставив Его, все бежали»... Очевидно, так необходимо... Очевидно, что в бореньях духа, в преодолении зла не требуется внешней поддержки... В этот миг Сын Божий отклоняет поддержку даже ангельских сил. «Неужели вы думаете, что Я не могу теперь умолить Отца, и Он представит Мне более, нежели двенадцать легионов Ангелов?» (Мф. 26, 53)... Очевидно, так нужно, чтоб ушла вся земля, как ненужная и бессильная, и остался дух человека наедине со своим Небесным Отцом... Очевидно, так нужно, чтоб между духом крестоносца и Господом не было ничего заслоняющего и Господь остался одной жизнью, одной силой, одной надеждой, одним устремлением и одной радостью... Очевидно, нужно, чтоб отпало земное и вся сила души безраздельно отдалась своему Источнику — Богу.

И оставленный всеми Господь, единый с Отцом Небесным, в величавом спокойствии победителя пошел к Своему Кресту. Так и подвижническая душа, оставившая земное и оставленная бессильным человеческим, в величавом спокойствии победительницы идет к своему кресту, потому что с ней ее Господь и Небесный Отец.

Первосвященники же и весь синедрион искали свидетельства на Иисуса, чтобы предать Его смерти; и не находили. Ибо многие лжесвидетельствовали на Него, но свидетельства сии не были достаточны (Мк. 14, 55—56).

Так как путь креста есть путь отвержения мира и земли, то, конечно, мир не выносит отрицания его и, конечно, он обрушивается на подвижника. И так как стихия зла — ложь, то мир сначала яростно атакует подвижника своим главным оружием — ложью. Ложь делается главным орудием борьбы с подвижничеством. И около каждого крестного пути разливается море клеветы. И чем выше путь, тем гуще и злобнее клевета.

Это совсем понятно, потому что ложь есть природа зла, и зло не может сказать истины, так как само оно есть отрицание истины, да и что может зло сказать против пути правды, кроме неправды?..

Так зло клеветало даже на Божьего Сына, Чистейшего чистых, в Котором не было и тени греха.

Он (Христос) молчал и не отвечал ничего (Мк. 14, 61).

Чем отвечать подвижнику добра на ухищрения зла? — Молчаньем, терпением. Его опора — Бог, и в Божье Царство он идет. Если мир

ненавидит его, то это знак, что он на верном пути. Если бы он был от мира, то мир любил бы свое (Ин. 15, 19). Мир, клеветая на правду, сам свидетельствует о себе, что дела его злы. И что отвечать Ему? Оправдываться и говорить о правде? Но ведь открывать миру правду — не значит ли показывать миру, что его истина есть ложь? И не вызовет ли разоблачение зла еще большее озлобление мира-зла?

Потому и Христос молчал и не отвечал ничего.

125

Они же (члены синедриона) все признали Его повинным смерти. И некоторые начали плевать на Него и, закрывая Ему лице, ударять Его и говорить Ему: прорекли. И слуги били Его по ланитам (Мк. 14, 64—65).

Вслед за идейным оружием — клеветой мир направит на подвижника и свое внешнее оружие — физическое насилие в разных его формах. Действовать им проще, чем защищать мнимую истину: «закрывать лицо». Ударами бича покажи, что ты прав, потому что у тебя сила. И вот, «слуги» мира-зла, т. е. рабы его, усердствуют во внешнем торжестве над правдой.

Так начинается путь физических страданий первого Крестоносца — Господа.

«Заушенный за род человеческий и не прогневавшийся, свободи от истления живот наш, Господи, и спаси нас» (Вел. Четверг, тропарь пророчества на 1-м часе).

126

Но первосвященники возбудили народ просить, чтобы (Пилат) отпустил им лучше Варавву (Мк. 15, 11).

И оправдалось Господне слово: «мир возлюбил свое». Мир предпочел разбойника и убийцу безгрешному Страдальцу.

Преступник — ближе... Преступник — «свой»... И мир всё простит преступнику: измены, предательства, убийства... словом, все преступления. Мир не прощает одного — его отрицания и его непризнания. потому что в отрицании мира — свидетельство, что «дела его злы» и, следовательно, сам он — зло, так как дерево познаётся по его плодам.

Так мир покрывает всякое преступление, а подвижник креста обрекается на отвержение миром.

«Волею нас ради претерпевый, Господи, слава Тебе» (Вел. Пяток, вечерняя стихира на «Господи, воззвах»).

127

Пилат, желая сделать угодное народу, отпустил им Варавву, а Иисуса, бив, предал на распятие (Мк. 15, 15).

Приговор мира над подвижником выносится не по суду правды, а по суду «лести». Это приговор подделки под вкусы распоясавшегося мира зла, не выносящего укоризны Правды и Света. Он выносится приспособительно к уровню зла, которое будет рукоплескать этому приговору. А потому понятно, что это будет односторонний приговор только зла.

Подвижник креста не может ждать для себя ничего иного.

Господь приговаривается к смерти: «Распни Его...» «Убей правду, и мы будем спокойны».

«Пострадавый и сострадавый человеком, Господи, слава Тебе» (Вел. Пяток, 4-й антифон на утрени).

(Воины) одели Его (Христа) в багряницу, и, сплетши терновый венец, возложили на Него; и начали приветствовать Его: радуясь, Царь Иудейский! И били Его по голове тростью, и плевали на Него, и, становясь на колени, кланялись Ему. Когда же насмеялись над Ним, сняли с Него багряницу, одели Его в собственные одежды Его и повели Его, чтобы распять Его (Мк. 15, 17—20).

Когда для мира окончательно определится, на чьей же стороне подвижник креста, и когда ему будет вынесен приговор «лести», тогда мир ответит подвижнику последней расплатой — «расплатой страданий».

Он кругом обовьет подвижника одеждой крови (багряница), вонзится в него шипами зла (терновый венец), все бичи направит на него самыми унижительными формами издевательства (оплевание).

И так как преследование подвижника будет борьбой идей, борьбой взаимно исключаящих друг друга миров, то мир зла не удовольствуется внешним преследованием, а злобно пронзит его издевательством и циничной насмешкой («приветствовали Его», «кланялись Ему»...).

А успокоится мир зла лишь тогда, когда он истребит носителя истины... Как будто подвижник, как живая совесть, мешает ему жить. И зло в преследовании Правды не остановится на полдороге. Оно будет жаждать полного внешнего истребления крестоносца.

Так «повели Его, чтобы распять Его».

«Вся пострадати изволи, спасти ны хотя от беззаконий наших Своею кровию, яко Человеколюбец» (Вел. Пятник, 13-й антифон на утрени).

Проходящие злословили Его, кивая головами своими и говоря: э! разрушающий храм и в три дня созидающий! спаси Себя Самого и сойди с креста. Подобно и первосвященники с книжниками, насмеяясь, говорили друг другу: других спасал, а Себя не может спасти. Христос, Царь Израилев, пусть сойдет теперь с креста, чтобы мы видели, и уверуем (Мк. 15, 29—32).

Зло не оставит в покое правду, даже висящую на кресте. Вот, как неистребима его ненависть к добру! И всё это потому, что тут столкновение двух царств — Света и тьмы...

И хотя внешне тьма одерживает верх, но она сама чувствует, что распятая Правда всё же остается выше ее...

И вот, месть тьмы клокочет и на Голгофе... и обрушивается на Распятого, поверженного и уж, конечно, совсем обезвреженного противника.

И здесь, при кресте, злодейство апеллирует для самооправдания к высшему авторитету Бога... Оно хочет чуда, чтобы ссылкой на отсутствие Божественного вмешательства и чуда прикрыть свое беззаконие...

Злодейство с насмешкой ссылается на отсутствие чуда... оно знает, что чуда не будет, потому что «не дастся знамение роду лукавому и прелюбодейному»... И зло торжествует. Подвижник внешне гибнет... Христос остается на кресте...

«Пострадавый за ны и от страстей свободивый нас... и вознесый нас, всеильне Спасе, помилуй нас» (Вел. Пятница, утренняя стихира на хвалитех).

И распятые с Ним (Христом) поносили Его (Мк. 15, 32).

Да, зло торжествует... Оно торжествует до того, что его приговору рукоплещут даже лица, пострадавшие от него, и, казалось бы, уж по

этому одному могшие бы сочувствовать страдальцу... И этого нет... От распятого подвижника отвертывается вся земля... Даже преступники преступников, и те с злорадством будут поносить его...

На земле мира нет места праведности... И Христос остался на кресте.

«Разбойника благоразумного во едином часе раеви сподобил еси, Господи, и мене древом крестным просвети, и спаси мя» (Вел. Пяток, екзапостилярій на утрени).

131

В шестом же часу настала тьма по всей земле (Мк. 15, 33).

Когда правда подвижника распинается на кресте, тогда, очевидно, торжествует неправда, зло. А торжество неправды есть победа тьмы, и господство зла равносильно наступлению мрака, когда потеряна истина, потерян путь жизни и люди бродят в потемках обрывков истин, надуманных иллюзий и явных заблуждений, руководимые порочным сердцем и затемненным умом.

И объяла тьма грешную землю, когда угасала на кресте жизнь Пречистого Тела и заходило Солнце правды.

«Достойно есть величати Тя, Жизнодавца, на кресте руце простершаго и сокрушаго державу вражю» (Вел. Суббота, непорочны на утрени, 2-я статия).

132

В девятом часу возопил Иисус громким голосом: Элои! Элои! ламна савахфани? — что значит: Боже Мой! Боже Мой! для чего Ты Меня оставил? (Мк. 15, 34).

Это выражение нестерпимой боли за поругание правды.

Подвижнику креста человечески непереносим тот момент крестного пути, когда торжество зла на земле как будто рушит всё дело правды. Дело правды разбито, подавлено, пригвождено ко кресту. Как будто напрасны были все усилия к преодолению зла и бесплоден весь подвиг во имя правды.

Неужели правда так бессильна среди зла? Зачем же такое поношение и унижение? Зачем ликование всецелой победы зла? Не тяжкое ли это искушение для малодушных? Зачем видимо только обнищание и поругание правды?

И идет вопль к Отцу... Вопль боли за поверженную и распятую правду. «Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?»

«Величаем Тя, Иисусе Царю, и чем погребение и страдания Твоя, имиже спасл еси нас от исления» (Вел. Суббота, непорочны на утрени, 1-я статия).

133

И завеса в храме раздралась надвое сверху донизу (Мк. 15, 38).

Объятая ужасом пред распятой правдой содрогается святыня.

Святыня колеблется пред морем человеческого зла. Как будто она не выносит торжества злодеяний и свертывает свое лицо во мраке ночи беззаконий.

«Покланяюся страсти, воспеваю погребение, величаю Твою державу, Человеколюбче, имиже свободихся страстей тлетворных» (Вел. Суббота, непорочны на утрени, 1-я статия).

Сотник, стоявший напротив Его (Христа), увидев, что Он так возжелав, испустил дух, сказал: истинно Человек Сей был: Сын Божий (Мк. 15, 39).

Голос языческого сотника — это свидетельство даже земной непредубежденности, когда она, хоть поверхностно, соприкоснется с правдой подвижника. И вот, если она не втянута в борьбу с добром, если в ней не совершилось воцарение зла, вызывающее бешенство злобы при одном виде добра, то ее соприкосновение с подвигом Света вызывает и в ней невольное признание, что в Сыне Света — высшая Правда и Его путь — явление той же Правды.

Голос сотника — это объективное суждение о пути подвига и креста естественного человеческого разума, когда он не является рабом зла.

Язычник-сотник, не знавший Христа, но не поработенный злом иудейского преследования, смотрит на вещи спокойно и оценивает беспристрастно... И оценка беспристрастности знаменательна: «Истинно Человек Сей... **Сын Божий**».

«Плач священный приидите воспоим Христу умершему, яко древле жены мироносицы, да и радуясь услышим с ними» (Вел. Суббота, непорочны на утрени, 2-я статья).

Были тут (при кресте) и женщины, которые смотрели издали: между ними была и Мария Магдалина, и Мария, мать Иакова меньшего и Иосии, и Саломия, которые и тогда, как Он был в Галилее, следовали за Ним и служили Ему, и другие многие, вместе с Ним пришедшие в Иерусалим (Мк. 15, 40—41).

В вихре зла, крутящемся на земле, когда идет поругание и распятие подвижника правды, когда от него отвертывается вся земля, когда изменяют любимые и избранные, не колеблется только чистое сердце, полное беззаветной преданности и нераздумывающей любви.

Это было сердце женщин. Такое сердце поняло подвиг... преклонилось пред ним... и отдалось служению ему... И уж ничто внешнее: ни обстановка страданий, ни страх, ни действительная опасность — не остановили чистого и преданного сердца в служении подвигу правды.

Да будет же благословенно это сердце! Оно принимало вздохи страданий, и потому ему и дается первая радость (Мф. 28, 5—10; Ин. 20, 17—18).

«Поклоняемся страstem Твоим, Христе! Поклоняемся страstem Твоим, Христе! Поклоняемся страstem Твоим, Христе! Покажи нам и славное Твое Воскресение!» (Вел. Пяток, 15-й антифон на утрени).

По прошествии субботы Мария Магдалина и Мария Иаковлева, и Саломия купили ароматы, чтобы идти помазать Его (Мк. 16, 1).

По прошествии трудовой недели и по прошествии субботы — дня, посвященного Господу, когда ты поработаешь ради Него, запасись ароматами добродетелей и тогда пойди навстречу Христу, чтобы увидеть и осязать Его своею душою, и принять Его в свое сердце, и дальше идти уже вместе с Ним и под Его милующею рукою.

«Величит душа моя Воскресшаго тридневно от гроба Христа Живаго и доныне» (припев 9-й песни пасхального канона).

137

И весьма рано, в первый день недели, приходят ко гробу, при восходе солнца (Мк. 16, 2).

Позаботься пойти ко Христу «весьма рано»... Идти к Нему пред- почти всякому другому делу твоей жизни...

Иди «с восходом солнца», когда бодрa душа, крепки силы тела, когда рассеялся мрак иллюзий и заблуждений и попрятались ночные тени греха...

Пойди ко Христу прежде всякого другого дела твоей жизни. пойдя, когда душа в солнечном свете, и ты обретишь Воскресшего Господа и сам станешь причастником Воскресения.

«Магдалина Мария притече ко гробу и Христа видевши, яко вертоградаря вопрошаше» (припев 9-й песни пасхального канона).

138

И говорят между собою (жены мироносицы, пришедшие ко гробу): кто отвалит нам камень от двери гроба? И, взглянув, видят, что камень отвален; а он был весьма велик (Мк. 16, 3—4).

Свет Воскресения засиял в пещере... Иудеи отгородились от него земным камнем... Так и в душе камень земного мешает проникновению Божественного Света... И большой, большой камень земли привален к душе, камень забав, увлечений и всякой неправды... Камень, как глухая стена, отгородившая душу и закрывшая от нее всё возвышенное и Святое. Но бессильно земное пред Небесной Рукой. И Божественная сила отвалит камень земли от твоей души, и падет нагромождение мира, а в душу проникнет Божественный Свет Воскресения.

Лишь будь достоин... Сам иди... ищи Света... рвись к нему... Накопи «ароматы» души... понеси их Христу, как мироносицы несли ароматы помазания... И спадет пелена земного, и облистает тебя Свет Восстания, и с ним ты духовно совосстанешь Христу... выйдешь из пещеры гроба и обновишься для бессмертия и вечности.

«Величит душа моя волею страдавша и погребенна и Воскресшаго тридневно от гроба» (припев 9-й песни пасхального канона).

139

И, войдя во гроб, увидели юношу, сидящего на правой стороне, облеченного в белую одежду; и ужаснулись. Он же говорит им: не ужасайтесь. Иисуса ищите Назарянина, распятого; Он воскрес (Мк. 16, 5—6).

Явление Воскресшего Господа предваряет явление Ангела... Так благодатная Божественная Сила предваряет восстание души...

Эта Сила дает первый свет душе, и она, запертая в пещере греха и смерти, как бы разбуженная облистанием манящего Божественного Света, ужаснется необычайности зрения и ужаснется своей темноты...

А зовущий Ангел Божий скажет душе: «Этот свет еще не Бог... Бога нет в пещере смерти... Он воскрес... Восстань и ты... выйди из пещеры и встретишь Воскресшего».

«Ангел облистай женам вопияше: престаните от слез, яко Христос воскрес» (припев 9-й песни пасхального канона).

140

Идите, скажите ученикам Его (Христа) и Петру, что Он предваряет вас в Галилее: там Его увидите, как Он сказал вам (Мк. 16, 7)

Петр отвергся Христа, но и он не забыт... Он выделен из учеников и поставлен как бы вне апостольского лика: «Идите, скажите ученикам и Петру».

Величайшее снисхождение! Беспредельная любовь! Пусть даже отвергшийся, но проливший слезы самоосуждения приобщается первой радости Воскресения.

Воскресением все зовутся — души чистые и падшие, здоровые и больные, трудившиеся и ленивые... Всю нечистоту тления выжжет Свет Воскресения и вечности...

Выйди из пещеры смерти, осияйся Божественным Светом и вкусишь блаженного бессмертия... И к тебе обращен Евангельский зов: «Душа! Христос предваряет тебя в Галилее». Христос будет ждать тебя... Он будет ждать и непременно встретит... Не медли... Ты была с Петром, но Он «предварит» и тебя!..

Господь будет ждать тебя не в Иудее подзаконного рабства, не как наемника, подъявшего невольное иго, а Он встретит тебя в Галилее «на горе» (Мф. 28, 16), где соберутся все свободно «бегущие» дети Божьего Царства, свободные сыны благодати (Ин. 20, 4).

«Днесь всяка тварь веселится и радуется, яко Христос воскрес и ад пленися» (припев 9-й песни пасхального канона).

141

И, выйдя, побежали (мироносицы) от гроба; их объял трепет и ужас (Мк. 16, 8).

Это «трепет и ужас» необычности. Так же трепещет душа, прикоснувшаяся Божественному Свету. Он настолько ярко осветит человеческую природу и изничтожит человеческое, что душу охватит трепет... Не в таком ли трепете говорил Апостол Христу: «Выйди от меня, Господи! потому что я человек грешный» (Лк. 5, 8)?

Но есть в этом трепете возвышающее чувство плененности, при котором душа уже не оторвется от Христа.

Значит, в этом трепете две стороны: на одной — ужас за себя, за старое, от которого нужно только содрогнуться, скрыться, бежать, и на другой — радость зова, прощения, возрождения во свете и всей ласки любви и всыновления.

Святой евангелист Матфей и отмечает обе стороны душевного состояния мироносиц. «Выйдя поспешно из гроба, — рассказывает он, — они со страхом и радостью великою побежали» (Мф. 28, 8).

И ты встрепенись от зовущего Божественного Света, ужаснись своей отчужденности от него и тьмы, и кинься без рассуждения, с великой радостью кинься на другой путь, на котором Он ждет тебя и найдет тебя.

«Христос новая Пасха, Жертва живая, Агнец Божий, вземляй грехи мира» (припев 9-й песни пасхального канона).

142

Воскреснув рано в первый день недели, Иисус явился сперва Марии Магдалине, из которой изгнал семь бесов (Мк. 16, 9).

Так вознаграждается любовь! Ей дарится первая радость... Мироносицы при жизни Христа и во время Его страданий и после самой смерти Христа обнаружили так много самоотверженной любви к Господу, любви, превосходящей самую любовь избранных апостолов, что Господь по Своем Воскресении является им первым, предпочтительно пред всеми учениками.

Так близки Христу и так любимы Им преданные Ему души!

Счастлива Мария! Блаженны последующие ей!

«Радуйся, Дево, радуйся! Радуйся, Благословенная! Радуйся, Препрославленная! Твой бо Сын воскрес, тридневен от гроба» (припев 9-й песни пасхального канона).

Она (Мария Магдалина) пошла и возвестила бывшим с Ним, плачущим и рыдающим; но они, услышав, что Он жив и она видела Его, не поверили. После сего явился в ином образе двум из них на дороге, когда они шли в селение. И те, возвратившись, возвестили прочим; но и им не поверили. Наконец, явился самим одиннадцати, возлежащим на вечери, и упрекал их за неверие и жестокосердие, что видевшим Его воскресшего не поверили (Мк. 16, 10—14).

Этот упрек Господа обращен и к тебе, неразумная душа! И тебе разве не был явлен Воскресший Господь? Одинокая и бессильная в жизненной пустыне, ты плакала и рыдала в своей безысходности, и когда тебе говорили о Нем, живом и Воскресшем, видевшие Его, почему ты не поверила? И когда тебе свидетельствовали о Нем те, кому Он являлся на пути жизни, почему же ты не поверила?

И наконец, не являлся ли Господь тебе самой? В разных обстоятельствах жизни, когда ты искала Его, и даже когда, малодушествуя, ты унывала, разве не осязала Его промыслительной и любящей Руки? Почему же ты не поверила, неверная и жестокосердная?

А если поверила, почему не идешь за Воскресшим к своему воскресению, которое Он принес тебе?

«Ангел вопиаше Благодатней: Чистая Дево, радуйся, и паки реку: радуйся! Твой Сын воскресе тридневен от гроба, и мертвые воздвигнутый, людие. веселитесь» (припев 9-й песни пасхального канона).

Уверовавших же будут сопровождать сии знамения: именем Моим будут изгонять бесов; будут говорить новыми языками; будут брать змей; и если что смертоносное выпьют, не повредит им; возложат руки на больных, и они будут здоровы (Мк. 16, 17—18).

Вера есть сила, и верою-силою человек вдвигается в новую сферу жизни по Боге, в жизнь Духа и Бога.

В верующем сеется «семя Божие», и он становится «рожденным от Бога», и «Бог в нем пребывает» (1 Ин. 3, 9; 4, 12).

А «что мы пребываем в Нем и Он в нас, узнаем, из того, что Он дал нам от Духа Своего» (1 Ин. 4, 13).

Когда же верующий носит в себе от Духа Божия, тогда, конечно, он выше мира и его условных порядков, выше законов земли, «ибо Тот, Кто в вас, больше того, кто в мире» (1 Ин. 4, 4). Вот почему «рожденный от Бога побеждает мир» (1 Ин. 5, 4).

При этой победе рожденного от Бога над миром зла совершенно естественны «знамения», сопровождающие жизнь истинно верующего. И чем живее и глубже вера, чем решительнее вдвинут человек в стихию Духа, тем обязательнее «знамения», сопровождающие его жизнь.

Так жизнь праведника идет в бесконечном кольце этих «знамений».

«О Пасха велия и священнейшая, Христе! О мудросте, и Слове Божий, и сило! Подавай нам истее Тебе причащатися в невечернем дни Царствия Твоего» (тропарь 9-й песни пасхального канона).

И так Господь, после беседования с ними (учениками), вознесся на небо и воссел одесную Бога. А они пошли и проповедывали везде, при Господнем содействии и подкреплении слова последующими знамениями. Аминь (Мк. 16, 19—20).

Вознесение Господа на небо не есть уход Бога, оставленnis Им земли. Нет, нет!

Напротив, оно есть движение в земное Божественной природы и

поднятие человека до Бога. Ведь последней задачей искупления было совершенное истребление человеческого «тления» и усвоение человеческой природе бессмертия и вечности. Господь, возносящийся на небо с преображенным по Воскресении человеческим телом, это и делает. Как «новый Адам», Он возносит в Своем Лице человеческую природу на небо и тем вдвигает ее, обновленную, в Царство Отца, т. е. в Царство бессмертия и вечности.

Вознесение Господа есть, таким образом, завершение искупительного пути. Оно замкнуло кольцо восстановления падшего человека и осталось на вечные времена величайшим знаменем того, что и всякий верующий, вслед за своим Икупителем, призывается к своему вознесению, всыновлению Отцу и седению одесную Его. Вот почему сказано: «Приду... и возьму вас (верующих) к Себе, чтобы и вы были, где Я» (Ин. 14, 3).

Актом вознесения обновленной и обожженной человеческой природы замыкается искупление человека. Но этот акт не поглощает земное, не заменяет его небесным. Он соединяет небо с землею, поднимает земное в обожение неба, низводя небесное на землю ради восстановления земли. Вот почему в Вознесении не разрывность, а замыкание круга.

И в Вознесении же сила, образовавшая неразрывность круга неба — земли и делающая этот круг живым в каждой точке и устремленным к главной завершительной точке — обожению человека. Это — сила Животворящего Божьего Духа.

Дух животворит, и жизнь неустанно движется к завершению, к вечности.

Об этой животворящей силе Духа говорит Сам Христос: «Если Я не пойду (к Отцу), Утешитель не придет к вам; а если пойду, то пошлю Его к вам... Когда же придет Он, Дух истины, то наставит вас на всякую истину... (Он) пребудет с вами вовек» (Ин. 16, 7, 13; 14, 16).

Вот эта сила Духа, посланного по Вознесении, и сцепила небо и землю в один круг, и она же одухотворяет каждую точку круга, или, иначе, каждую точку спасительного пути. Это — сила святой Благодати. Без нее немыслимо восстание от тления, движение вперед и возрождение души.

Об этой совершающей силе Святого Духа и говорит в последних словах своего повествования святой Евангелист.

Это она, совершительная сила Святого Духа, в «Господнем содействии», и она во всех бесконечных «последующих знамениях», сопутствующих на земле Божьему делу.

Следовательно, и то и другое — и «Господне содействие», и «знамения» — обеспечены верующему. Они — неразрывное звено спасительного круга, они — сила, сцепляющая землю с небом.

Разве в этом не величайшая утеха верующей душе?! «Не оставляю вас сиротами...» (Ин. 14, 18). Дыханьем Божественного Духа Спаситель наших душ с нами в каждом шаге жизни, в каждом дыханье уст.

Ему, даже до страсти, креста и смерти возлюбившему нас, Ему, освятившему нас в Светлом Воскресении и Великом Вознесении, вместе с милосердным Отцом, от века зовущим нас к Себе, и Совершителем нашего обожения — Святым Духом да будет слава, честь и поклонение от нас грешных, но любимых и призываемых, ныне и присно и в бесконечные веки. Аминь. Истинно.

«О Божественного, о любезного, о сладчайшего Твоего гласа! С нами бо неложно обещался еси быти до скончания века, Христе! Егоже, вернии, утверждение надежды имуще, радуемся!» (тропарь 9-й песни пасхального канона).